

Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук, PhD (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарёва д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- O. G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- M. S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- T. S. Borisova Dr Habil., PhD (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 2: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Борисова Т. С.* Акафист Богоматери в восточнославянской книжности XV–XVI веков: к вопросу о существовании русской редакции 9
- Исаченко О. М., Хэ Син.* Эвфемистические средства эротического нарратива в цикле «Тёмные аллеи» И. Бунина 20
- Позднякова Е. Ю.* Имя собственное в контексте теории прецедентности 31
- Махныткина О. В., Фролова О. В., Ляксо Е. Е.* Методы машинного обучения для анализа морфологических и лексических особенностей речи мальчиков с расстройствами аутистического спектра и синдромом Дауна 39
- Арсентьева Н., Диас Ферреро А. М., Керо Хервилья Э. Ф.* Образ замужней женщины в португальских, испанских и русских пословицах в свете средневековой христианской этики 56
- Муратова Р. Т.* Названия для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке 68
- Кошкарёва Н. Б., Абжапарова М. Д.* Ассоциативный эксперимент как вспомогательный метод выявления особенностей лингвоцветовой картины мира казахов 76

Литературоведение

- Синякова Л. Н.* Топосы *степь* – *город* – *завод* в поэтике прозы А. П. Чехова 1890-х годов: функциональный аспект 89
- Аксёнова А. А.* Реминисценция сказки А. С. Пушкина о мёртвой царевне в стихотворении Б. Л. Пастернака «Иней» 99

<i>Загидулина Т. А.</i> «Ночная ведьма», дева-воительница, советская женщина: образ военной летчицы в литературе соцреализма (М. Чечнева «Боевые подруги мои»)	106
<i>Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. В.</i> Мотив полета в лирике А. Д. Раевского	115
<i>Колмакова О. А., Жорникова М. Н.</i> Этико-эстетическая концепция Ф. М. Достоевского и проблема русской национальной идентичности в романе А. Понизовского «Обращение в слух»	126
<i>Зотова Н. В.</i> Выражение экологического сознания народов Севера в художественных произведениях Н. Калитина («Томмоо», «Гром гремит»)	138
Информация для авторов	146

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 2: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Borisova T. S.* Akathist Hymn in the East Slavonic Literature of the 15th – 16th Centuries:
On the Problem of the Existence of Russian Version 9
- Isachenko O. M.*, *He Sin.* Euphemistic Means of the Erotic Narrative in the Cycle *Dark Alleys* by I. Bunin 20
- Pozdnyakova E. Yu.* Proper Name in the Context of Precedent Theory 31
- Makhnytkina O. V.*, *Frolova O. V.*, *Lyakso E. E.* Machine Learning Methods for Analyzing
Morphological and Lexical Characteristics of Speech of Boys with Autism Spectrum
Disorders and Down Syndrome 39
- Arsentieva N.*, *Díaz Ferrero A. M.*, *Quero Gervilla E. F.* The Image of the Married Woman
in Portuguese, Spanish and Russian Proverbs in the Light of Medieval Christian Ethics 56
- Muratova R. T.* Terms for the Purple Color in the Bashkir Language 68
- Koshkareva N. B.*, *Abzhaparova M. D.* Associative Experiment as an Auxiliary Method to
Identify the Features of the Linguocolor Pictures of the Kazakh World 76

Literature

- Sinyakova L. N.* Toposes *Steppe – City – Plant* in A. P. Chekhov's Prose Poetics of 1890s.
The Functions 89
- Aksionova A. A.* Reminiscence of A. S. Pushkin's *Tale about the Dead Princess* in B. L. Pasternak's Poem *Hoarfrost* 99

<i>Zagidulina T. A.</i> “Night Witch”, Warrior Maiden, Soviet Woman: The Image of a Military Pilot in the Literature of Socialist Realism (M. Chechneva <i>My Fighting Friends</i>)	106
<i>Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E.</i> Motif of Flight in the Poems by A. D. Raevsky	115
<i>Kolmakova O. A., Zhornikova M. N.</i> F. M. Dostoevsky’s Ethical and Aesthetical Conception and the Problem of Russian National Identity in A. Ponizovsky’s novel <i>Turning into a Listening Ear</i>	126
<i>Zotova N. V.</i> Expression of Ecological Consciousness of the Indigenous Peoples of the North in the Works by N. Kalitin (<i>Tommoo, Thunder Bursts</i>)	138
Instructions to Contributors	146

Научная статья

УДК 811.163.1:81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-9-19

Акафист Богоматери в восточнославянской книжности XV–XVI веков: к вопросу о существовании русской редакции

Татьяна Станиславовна Борисова

Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
Афины, Греция

borisova@slavstud.uoa.gr, <https://orcid.org/0000-0002-7729-0013>

Аннотация

Представлены результаты текстологического исследования церковнославянского перевода Акафиста Богоматери по восточнославянским спискам XV–XVI вв. Рассмотрены текстологические данные, обосновывающие существование на Руси особой, неизвестной на южнославянских территориях, редакции Акафиста, проанализированы особенности ее появления и бытования в восточнославянской книжности. На основании атрибуции списков, в которых редакция представлена в чистом виде, ее южнославянского протографа, а также особенностей языка редакторской правки составление редакции, предположительно, атрибутируется митрополиту Киприану. Анализ особенностей компилирования отредактированной версии Акафиста с бытовавшей одновременно с ней на Руси Афонской редакцией позволил объяснить феномен многообразия текстовых традиций Акафиста, представленных в русских рукописях XV–XVI вв.

Ключевые слова

текстология, Акафист Богоматери, церковнославянские переводы византийской гимнографии, восточнославянская книжность, митрополит Киприан, Триодь постная

Для цитирования

Борисова Т. С. Акафист Богоматери в восточнославянской книжности XV–XVI веков: к вопросу о существовании русской редакции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-9-19

Akathist Hymn in the East Slavonic Literature of the 15th – 16th Centuries: On the Problem of the Existence of Russian Version

Tatiana S. Borisova

National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece

borisova@slavstud.uoa.gr, <https://orcid.org/0000-0002-7729-0013>

Abstract

Purpose. The paper presents the results of a textological investigation of the Church Slavonic translation of the Akathist Hymn – the masterpiece of the Byzantine hymnography – based on East Slavic manuscripts of the 15th – 16th centuries. The author examined textological data proving the existence in the Russian area of a special (unknown

© Борисова Т. С., 2024

in the South Slavic territories) version of the Akathist Hymn. The problems concerning the process of the appearance and the existence of that version in the East Slavic written tradition are discussed in the work.

Results. That distinct version is presumably attributed to Metropolitan Cyprian (1330–1406) basing on the attribution of the manuscripts containing its full form, its South Slavic protograph (that fact was also proved with the usage of textological methods), as well as the language features of the corrections to the text of the hymn. Due to textological data it is also supposed that the correction to the text of the Akathist was performed by Cyprian after he had come to Rus and worked on the correction to the Psalter. The compiling process of the certain version of the Akathist with the Athonite version, that existed simultaneously in Rus, explains the diversity of textual traditions of the Akathist Hymn presented in Russian manuscripts of the 15th – 16th centuries.

Keywords

textology, Akathist Hymn, Church Slavonic translations of Byzantine Hymnography, East Slavic written tradition, Metropolitan Cyprian, Triodion

For citation

Borisova T. S. Akathist Hymn in the East Slavonic Literature of the 15th – 16th Centuries: On the Problem of the Existence of Russian Version. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-9-19

Введение

Восстановление текстологической истории Акафиста Богоматери – шедевра и одного из самых популярных как в греческой, так и в православной славянской культуре произведений византийской гимнографии, несмотря на огромную исследовательскую литературу¹, далеко от завершения. Дискуссионные и на настоящий момент вопросы аутентичности текста, авторства и времени создания греческого оригинала Акафиста вновь оказались в центре внимания исследователей после выхода в свет современного критического издания [Δετοράκης, 2021]. Интерес к церковнославянскому переводу Акафиста в современной палеославистике вызван как возможностью получить результаты, значимые для истории византийского текста, так и использованием данного произведения в качестве «индикатора», на основе которого можно восстановить текстологическую историю всего содержащего его богослужебного сборника – Триоди постной [Момина, 1983].

Одним из самых малоописанных этапов этой истории, наряду с ранним, где скудость дошедшего до нас рукописного материала делает гипотетическими любые построения, является период XV–XVI вв. в восточнославянском ареале [Борисова, 2020а, с. 481]. Проблема здесь уже не в недостатке рукописей, но в сложности их классификации, наличии значимых различий от списка к списку, в чем восточнославянская традиция этого периода принципиально отличается от южнославянской с очевидным «господством» в последней так называемой Афонской редакции [Борисова, 2016, с. 61–69]. В восточнославянском же регионе М. А. Момина, опиравшаяся при выделении редакции на наличие в славянском тексте разночтений, восходящих к лексическим и грамматическим разночтениям греческих списков [Момина, 1985, с. 140–141], выделяет наряду с Афонской еще 18 редакций [Там же, с. 144–147], многие представленные одним-двумя списками. Таким образом, если мы будем считать редакцией систематическое исправление перевода на основе оригинала, то придем к парадоксальному утверждению, что Акафист Богоматери непрерывно исправлялся русскими книжниками на основе греческих списков, что не только не имеет никакого смысла, но и находится в явном противоречии с общей картиной восточнославянской письменности того периода.

Отметим помимо этого, что именно в XV в. в восточнославянском регионе впервые появляется особая текстовая традиция, никак не отразившаяся в южнославянской письменности. В хронологическом плане это самая первая редакция Акафиста, ограниченная данным ареалом [Борисова, 2020а, с. 107–114]. Таким образом, впервые в истории славянского Акафиста

¹ Посвященная Акафисту научная литература огромна. Современные библиографические списки наиболее значимых исследований см. в [Παπαγιάννης, 2006, с. 171–251; Δετοράκης, 2021, с. 13–22].

мы получаем основание говорить о редакции, сделанной на Руси или, по крайней мере, предназначенной исключительно для восточных славян.

Текстологические основания выделения Киприановской редакции

В рамках данной работы мы попытаемся предложить наше объяснение феномену восточнославянской традиции Акафиста Богоматери XV–XVI вв., рассмотрев его как результат появления одной новой редакции, выявленной в полном виде на данный момент в двух рукописных источниках:

- в Псалтири с воследованием конца XIV в., получившей в библиографии название Киприановской Псалтири ², на листах 332 об. – 339 об. (далее *Kunp.*);
- в Триоди постной, датируемой 1403 г. и входящей в собрание рукописей Успенского кремлевского собора на листах 133–139 (далее *Усп.*) ³.

Оба списка связаны с деятельностью митрополита Киприана, при этом *Kunp.*, как явствует из надписей в начале рукописи, написан митрополитом собственноручно [Кавелин, 1887, с. 306], а *Усп.* выполнен по его заказу, что также следует из надписей как на данной рукописи [Истомин, Сперанский, 1963, с. 94], так и на «парной» ей Триоди цветной [Там же, с. 94–95] ⁴. Первая часть *Kunp.*, содержащая непосредственно текст Псалтири, неоднократно привлекалась для исследования как в контексте рукописной истории славянской Псалтири [Погорелов, 1901; Чешко, 1982; MacRobert, 1998], так и редакторской деятельности митрополита Киприана [Успенский, 2002, с. 270–275; Афанасьева и др., 2015, с. 21–26]. Исследователи, констатирующие наличие в данном списке особой редакции Псалтири (редакция IV в классификации М. МакРоберт [MacRobert, 1998, р. 928]), выделяемой на основе более 80 разночтений в сопоставлении с Афонской редакцией [Чешко, 1982, с. 86], в большинстве своем [Погорелов, 1901, с. 35–36; Чешко, 1982, с. 91] связывают, предположительно, с Киприаном и ее создание или, по крайней мере, появление на Руси.

Сходная ситуация наблюдается и в тексте Акафиста Богоматери, включенном в тот же сборник. Однако прежде, чем выделить исправления, внесенные редактором, попытаемся определить славянский протограф редакции, иными словами, ответить на вопрос, какая из существовавших на тот момент славянских редакций Акафиста была использована как исходный для исправления текста. Логично было бы предположить, что это была самая распространенная и маркированная как «правильная» Афонская редакция [Попов, 2004, с. 175]. Но текстологические данные однозначно свидетельствуют о значительно большем сходстве Акафиста *Kunp.* с в целом мало повлиявшей на церковнославянскую традицию редакцией, представленной в единственном болгарском списке Ф. п. I.55 [Борисова, 2020а, с. 102–107]. Из 53 представленных в табл. 1 разночтений между Афонской редакцией и Ф. п. I.55 только в одном случае (13.12) вариант *Kunp.* совпадает с Афонской редакцией, однако и в этом случае славянские разночтения восходят к греческим, таким образом, выбор редактора обусловлен используемым им в качестве источника справы греческим списком.

С другой стороны, редактор *Kunp.-Усп.* внес в текст Акафиста ряд исправлений, наиболее значимые из которых, не сводимые к вариантам Афонской редакции и Ф. п. I.55, представлены в табл. 2.

² Псалтирь с воследованием. РГБ. МДА. Фунд. № 142.

³ Триодъ постная. 1403, русская. ГИМ. Усп. № 6п.

⁴ Там же. Усп. № 7п.

Таблица 1

Сопоставление разночтений между Афонской редакцией и F. п. I.55
с вариантами Акафиста из Киприановской Псалтири

Table 1

Comparison of the Variants of the Athonite Version and the Manuscript F. п. I.55
with the Variants from the Psalter of Cyprian the Metropolitan

Икос / стих	Греческое соответствие	Афонская редакция	F. п. I.55	Кипр.
Кук. 2	τῶν δεινῶν	β'βΔζ	ζ'λζιχζ	ζ'λζιχζ
1.4	σωματούμενον	βζπλοцаише сА	βζπлоцаема	βζπλζцаема
1.5	κραυγάζων	ζοβζии	βζпина	ζοβζи
3.9	δογμάτων	повел'вниемζ	вел'вниемζ	вел'вниемζ
5.7	ἀκηράτου / ἀθανάτου	неτл'вниаго	весмьртнаго	весзмьртнаго
5.15	ἐξίλασμα	оц'ѣщение	измоление	измоление
5.17	θνητῶν	мр'твζιχζ	смр'тнζиχζ	сзмр'тнζиχζ
6.3	πρὸς τὴν ἁγαμὸν / πρῶην ἁγαμὸν	кζ небрачънен	преждє небрачънѣ	пр'ѣждє небрачнѣ
6.5	σου τὴν σύλληψιν	твоє зачатіе	ти зачатіе	ти зачатіе
7.2	ἔνσαρκον	ижи βζ плзти	плзтъское	плзт'зское
7.11	οὐρανοῖς / πιστοῖς	сζ небеснζими	в'брнζимζ	в'брнζимζ
8.5	ἐχάρησαν	радовахѣ сА	порадовахѣ сА	порадовахѣ сА
9.2	χειρὶ	рѣкою	рѣкама	рѣкама
9.4	ἔλαβε	приаѣтζ	βζζаѣтζ	βζаѣтζ
9.5	βοῆσαι	βζпити	βζζпити	βζζпити
9.6	ἀδύτου	неζаχοΔαѣиА	неζаχοДимζиА	неζаχοДимζиА
9.9	φωτίζουσα / φυλάττουσα	просв'ѣщаѣщи	хрѣнаѣщи	хрѣнаѣщи
9.11	ἐπιδείξασα	приемши	показавши	показавши
9.12	θρησκευίας	свзжениа	свзжєζи	свзжєζи
9.16	πιστῶν / Περσῶν	вернζимζ	персомζ	персомζ
10.4	ἅπασιν	в'зс'ѣхζ	в'зс'ѣмζ	в'с'ѣмζ
11.1	ἀληθείας	бл'гоч'ѣстина	истинн'ѣ	истинн'ѣ
11.5	ῥυσθέντες νυν / ῥυσθέντες	избавльше сА ни'ѣ	избавльше сА	избавльшен сА
11.7	κατάπτωσις	падєние	низпадєние	инспадєние
12.5	σοφίαν	мѣдрости	пр'ѣмѣдрости	пр'ѣмѣдрости

Окончание табл. 1

Икос / стих	Греческое соответствие	Афонская редакция	Ф. п. I.55	Кипр.
13.1	ὁ κτίστης	творецъ	снждитель	снждитель
13.5	ὕμνήσωμεν	поемъ	взспоемъ	взспоемъ
13.12	ἀπογεννώσα / καρποφοροῦσα	рождышѣа	плодоносѣѣа	рождышѣа
15.2	ἀπὴν	не ѿстѣпль	не бѣше	не бѣ
15.4	μετάβασις	прѣложение	прѣхождѣние	прѣхождѣнѣе
15.6	χώρα	село	взмѣстилицѣ	взмѣстилицѣ
16.5	συνδιάγοντα	прѣвзѣваѣща	сзпрѣвзѣваѣща	сзпрѣвзѣваѣща
17.8	φιλοσόφους	философъи	любопрѣмѣмѣрѣхъ	любомѣдрѣца
17.13	ἀλιέων	рѣбарьскъи	рѣбаремъ	рѣбаремъ
17.15	πλουτίζουσα / φωτίζουσα	ѡбогачыши	просвѣщающѣи	просвѣщаѣщи
18.2	αὐτεπάγγελτος	самѡбѣщанно	самѡбѣтѡванъ	самѡбѣтѡванъ
18.3	ὡς θεὸς / καὶ θεὸς	ѣко бгъ	и бгъ	и бгъ
18.4	ἐφάνη καθ' ἡμᾶς πρόβατον / ἐφάνη καθ' ἡμᾶς ὅμοιος	ѣви сѣ по насъ ѡбч	ѣви сѣ по насъ по-добенъ	ѣви сѣ по насъ по-добенъ
19.12	φθορέα... καταργοῦσα	гѣбитѣлѣ... оупразнивши	тлѣтелѣ... оупражнѣщи	тлѣтелѣ... спражнѣщи
19.14	νυμφεύσεως	невѣститѣлѣ	оуневѣщѣнѣа	сневѣщѣнѣа
21.2	ὁρῶμεν	видимъ	зримъ	зримъ
21.6	ἀκτὶς	заре	лоучѣ	лсчѣ
21.7	βολὴς / λαμπτήρ	снѣнѣе	свѣтило	свѣтило
21.8	καταλάμπουσα	просвѣщаѣща	ѡсвѣщаѣща	освѣщаѣщи
21.16	ὁσμὴ	вонѣ	ѡбонѣнѣе	вонѣ
22.2	χρεωλύτης	длѣговъ рѣшитель	длѣговъ рѣшитель	длѣгорѣшитель
22.4	ἀποδήμους	ѡшедшимъ	ѡшелникомъ	ѡшелникѡмъ
23.2	ναόν	цркъвь	храмъ	храмъ
23.14	ἐγείρονται	взстаѣтъ	взздѣвижѣтсѣ	—
23.15	καταπίπτουσι	падаѣтъ	низпадаѣтъ	ниспадаѣтъ
23.17	σωτηρία / προστασία	спѣнѣе	прѣдстѣтельницѣ	прѣдстѣтельницѣ
24.4	συφορᾶς	скрѣви	напастѣи	напастѣи
24.5	μελλούσης	вѣдоуѣща	гѣдѣща	гѣдѣщаѣа

Таблица 2

Разночтения Акафиста Киприановской Псалтири и Успенской Триоди
с современными им славянскими редакциями

Table 2

The Differences of the Akathist Hymn in the Psalter of Cyprian the Metropolitan
and the Triodion Uspenskaja with the Contemporary to them Slavonic Versions

Икос / стих	Греческое соответствие	Афонская редакция	Ф. п. I.55	Кипр. / Усп.
Кук. 3	ἀναγράφω σοι ὁ δοῦλος σου / ἀναγράφει σοι ἡ ποιμνὴ σου	вѣсписоуѣ ти рабѣ твои	вѣсписоуѣтъ ти стадо твоѣ	вѣсписоуѣмъ ти раби твои
Кук. 5	με	μα		нѣи
Кук. 6	κράζω	ζωεω		ζωεωμъ
2.4	μου τῇ ψυχῇ	дшїи мои		ми дшїи
3.15	τὸ «πῶς» μηδένα διδάξασα	еже како ни единого наоучивши		еже како ни единого же наѣоучивши
3.17	γνώσιν	сѣмѣислѣ	моу, дрованїа	сѣмѣислѣи
4.3	εὐκαρπον	бл҃гоплодовитаѣа	плодовитаѣа	плоднаа / бл҃гоплоднаа
5.9	φύουσα	рождѣши		порождѣши / порождѣ- ши
5.16	θνητός	мрѣтѣши		смертѣши
7.4	τοῦτον	его		того
8.5	φθάσαντες τὸν ἄφθαστον	достигше непостижимаго		достигше недос- тижнаго
9.10	ἀπάνθρωπον	безчлѣвчѣна		немиаѣстива
9.10	ἐκβαλοῦσα	изгонѣи	изметѣвши	изметѣши
9.15	παθῶν	страсти		страстѣнаго
11.11	τὴν ζωὴν	жизни		живота
13.8	ἐκλάμπουσα	вѣсѣивши		облистаѣши
14.5	αὐτῷ	томоу		емоу
15.4	οὐ μετάβασις δὲ τοπικὴ γέγονε	не прѣложеніе / прѣхожденіе во мѣстѣ вѣсѣтъ		не мѣстѣ вѣсѣтъ прѣхожденіе/ прѣхоженіе
19.8	νοητῆς	разоумнаго	оумнаго	мыслѣнаго
19.9	χορηγὲ	дателью		подательнице
19.13	τεκοῦσα	рождѣши		порождѣши
19.17	νυμφοστόλε	чрътоже	невѣстокрасителю	чертожнице

Окончание табл. 2

Икос / стих	Греческое соответствие	Афонская редакция	Ф. п. I.55	Кипр. / Усп.
21.1	τοῖς ἐν σκότει	сѣщимъ вѣ тмѣ		вѣ тмѣ сѣщимъ
21.6	ἀκτὶς νοητοῦ ἡλίου	заре мѣслѣного сѣнца	лоуче оумнаго сѣнца	лоуче разоумнаго сѣнца
21.13	τῆς ἀμαρτίας	грѣха		грѣховночю
21.17	ζωῆς μυστικῆς εὐωχία	жизни таинѣна блгое наслаждѣнiе	живота таиннаго гощенiе	животе таинаго веселiа
23.1	εὐφημοῦμεν	вѣсхвалидемъ		хвалимъ
23.11	ἱερέων	сѣенникомъ		іерѣимъ
23.16	φωτὸς τοῦ ἐμοῦ θεραπεία / χρωτὸς τοῦ ἐμοῦ θεραπεία	свѣта моего слоужителю		тѣла моего врачеванiе

Существование редакции в чистом виде исключительно в списках, связанных с митрополитом Киприаном, болгарский протограф редакции, который на основании лингвистических данных может быть, предположительно, атрибутирован книжнику из круга патриарха Евфимия Тырновского, а также особенность внесенных в текст исправлений позволяют и в данном случае со значительной долей уверенности приписывать Киприану авторство этой редакции. Отметим, однако, что, если во всех прочих случаях целью вносимой им редакторской правки было максимальное – не только содержательное, но и формальное – сближение славянского текста с имевшимся в его распоряжении греческим списком, для внесенного им в кукулий варианта *въсписоуемъ ти раби твои* греческого соответствия обнаружить не удалось. Отметим в этой связи, что в абсолютном большинстве греческих списков употреблен вариант *ἀναγράφω σοι ἡ πόλις σου*, варианты, послужившие основой для Афонской редакции и Ф. п. I.55, отмечены, однако редки [Деторáκης, 2022, σ. 167], возможно, их выбор славянскими редакторами связан со стремлением придать гимну вселенское звучание.

Интересен также тот факт, что если в *Кипр.* новая редакция Акафиста соседствует с новой редакцией Псалтири, то в *Усп.* отредактированный Акафист вводится в сборник, остальные песнопения которого, насколько нам удалось установить, соответствуют Афонской редакции. Этот факт является еще одним свидетельством в пользу методологической невозможности построения единой текстологической истории гимнографического сборника.

Киприановская редакция и восточнославянская традиция Акафиста

Рассмотрим теперь, как отразилась данная редакция, которую по основному списку мы будем называть *Киприановской*, на восточнославянской традиции Акафиста. Сразу же отметим, что, за исключением двух рассмотренных выше списков, ни в одном из восточнославянских списков нам не удалось выявить ни все 29 отмеченных выше вариантов Киприановской редакции, ни все аналогичные им Афонской, причем количество вариантов Киприановской редакции варьировалось. Посмотрим, как это происходит, на примере кукулия.

В третьем стихе кукулия на месте варианта *рабъ : ...въсписеть ти рабъ твои бже... ѿ въскъзхъ ма вѣдъ свободи да зовѣ ти* Афонской редакции в Киприановской редакции при-

существует множественное число *раби* : ...вѣсписѣм ти *раби* твои бѣ... ѿ вѣсписѣхъ *нзи* бѣдъ свободи да *зовемъ* ти (см. табл. 2). Изменение числа субъекта влечет за собой и изменение числа синтаксически согласующихся с ним глаголов и местоимения (*вѣсписоуѣмъ*, *нзи* / *насъ*, *зовемъ*), однако лишь в двух из рассмотренных нами компиляционных списков – Сол. 781⁵ и Пог. 347⁶ – эти изменения произведены полностью. В большинстве рассмотренных списков (в качестве примера приводим Пог. 340⁷, Пог. 344⁸, Тит. 1432⁹, РГБ 385¹⁰ и РГБ 386¹¹) они представлены непоследовательно (табл. 3), что ведет к нарушению грамматического согласования. С другой стороны, в четырех списках (РГБ 25¹², Сол. 754¹³, Тит. 1467¹⁴ и F. п. I.28¹⁵) нет ни одного варианта, соответствующего множественному числу.

Таблица 3

Разночтения кукулия *възбранной воеводѣ*
по русским спискам XV–XVI веков

Table 3

The Variants of the Cuculion *възбранной воеводѣ*
according to Russian Manuscripts from 15th–16th centuries

Вариант кукулия	РГБ 25	Тит. 1467	Ф. п. I.28	Сол. 754	РГБ 385	РГБ 386	Тит. 1432	Пог. 340	Пог. 344	Пог. 347	Сол. 781
<i>рабѣ</i>	+	+	+	+							
<i>раби</i>					+	+	+	+	+	+	+
<i>вѣсписоуѣ</i>	+	+	+	+			+		+		
<i>вѣсписоуѣмъ</i>					+	+		+		+	+
<i>ма</i>	+	+	+	+				+			
<i>нзи</i> / <i>насъ</i>					+	+	+		+	+	+
<i>зовоу</i>	+	+	+	+	+	+			+		
<i>зовемъ</i>							+	+		+	+

Продолжив данное сопоставительное исследование по всему тексту Акафиста, убеждаемся в разном составе и числе вариантов Киприановской редакции во всех компиляционных списках: начиная от 3 (РГБ 25) до 27 (Сол. 781). В прочих списках отмечено:

⁵ Псалтирь с воследованием, русская, XV в. РНБ. Соловецкое собрание. № 781.

⁶ Сборник богослужебный, русский, I половина XVI в. РНБ. Собрание Погодина. № 347.

⁷ Псалтирь с воследованием, русская, 1512. РНБ. Собрание Погодина. № 340.

⁸ Воследование к Псалтири, русское, 1520. РНБ. Собрание Погодина. № 344.

⁹ Каноник, русский, XVI в. РНБ. Собрание Титова, № 1432.

¹⁰ Триодъ постная, XV в., русская. РГБ. Ф. 304. № 385.

¹¹ Там же. № 386.

¹² Триодъ постная, XIV–XV вв., русская. РГБ. Ф. 304. № 25.

¹³ Псалтирь с воследованием, русская, XV в. РНБ. Соловецкое собрание. № 754.

¹⁴ Часослов с воследованием, русский, XV в. РНБ. Собрание Титова. № 1467.

¹⁵ Псалтирь с воследованием, русская, XV в. РНБ. № F. п. I.28.

- 4 варианта – Тит. 1467;
- 8 вариантов – Ф. п. I.28;
- 20 вариантов – Сол. 754;
- 23 варианта – Пог. 347;
- 24 варианта – Пог. 344, Тит. 1432;
- 25 вариантов – ГБЛ 385, ГБЛ 386;
- 26 вариантов – Пог. 340.

Лишь в одном списке – Ф. п. I.28 – компиляция двух редакций произведена механическим «сращением» источников: первая половина гимна (икосы 1–16) следует Афонской редакции, конец же (икосы 17–24) заимствован из Киприановской. В остальных списках смешение вариантов редакций проходит более или менее равномерно по всему тексту Акафиста.

Заключение

Подведем итоги исследования. Многообразие текстовых традиций, характеризующих текстологическую историю Акафиста Богоматери в восточнославянской книжности XV–XVI вв., может быть сведено к взаимовлиянию двух редакций: общей для всего православного славянского мира Афонской, составленной в процессе редактирования всей Триоди постной в начале XIV в. на Афоне старцем Иосифом [Попов, 2004, с. 174–175], и существовавшей исключительно в восточнославянском ареале редакции, названной нами по характерному списку *Киприановской*. Отметим, что это первая в истории славянского перевода Акафиста редакция, полностью отсутствующая в южнославянской традиции. Косвенные текстологические данные – наличие редакции в чистом виде только в списках, связанных с книжной деятельностью митрополита Киприана, использование в качестве протографа редкой болгарской редакции списка Ф. п. I.55, составление которой связано с деятельностью книжников круга Евфимия Тырновского, наконец, языковые особенности (в частности, употребление энклитических форм местоимений в дательном падеже в функции притяжательных [Афанасьева, 2004, с. 97–100; Афанасьева и др., 2015, с. 16]) позволяют гипотетически атрибутировать Киприану составление данной редакции. С другой стороны, ограничение территории распространения редакции восточнославянскими землями позволяет допустить, что редакция была составлена митрополитом уже на Руси вместе с редакциями других богослужебных текстов с более очевидной атрибуцией [Афанасьева, 2004, с. 46–48]. Предположительно, текст Акафиста был отредактирован Киприаном в составе Псалтири с воследованием (Киприановская псалтирь) и затем исправленный вариант был использован в составленной под руководством митрополита Триоди постной, при этом прочие песнопения Триоди были оставлены без изменения в Афонской редакции. Интересной особенностью Киприановской редакции Акафиста является введение множественного числа *рѣби* в кукулий – вариант, не зафиксированный в греческой традиции. Наличие в восточнославянской книжности в XV–XVI вв. двух редакций, ни одна из которых не маркируется как правильная, приводит к их смешению в многочисленные компиляционные типы. Это разнообразие традиций, которое принципиально отличается от ситуации в южнославянской книжности того же периода, сохранялось на Руси вплоть до Никоновской книжной справки [Борисова, 2020б].

Список литературы

- Афанасьева Т. И. Славянская литургия преждеосвященных даров XII–XV вв. СПб., 2004. 216 с.
- Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Соколов Е. Г., Шарихина М. Г. Языковые инновации в переводах, связанные с именем Киприана // *Slověne*. 2015. № 1. С. 13–38.
- Борисова Т. С. Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII–XV веков. Новосибирск: НГУ, 2016. 280 с.

- Борисова Т. С.** История русского литературного языка по данным лингвотекстологического анализа переводных памятников (на материале гимнографических текстов триодного цикла): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск: НГУ, 2020а. 544 с.
- Борисова Т. С.** Книжная справа XVII века в истории церковнославянского перевода Акафиста Богородицы // Сибирский филологический журнал. 2020б. № 2. С. 266–276.
- Истомин Г. И., Сперанский М. Н.** Описание рукописей Успенского кремлевского собора // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 88–119.
- Кавелин Леонид** (архим.). Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Святой Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1847 году (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 2. 412 с.
- Момина М. А.** Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 25–38.
- Момина М. А.** Славянский перевод Ὑμνος Ἀκάθιστος // Полата књигописњана. 1985. № 14–15. С. 132–160.
- Погорелов В. А.** Псалтыри // Библиотека Московской Синодальной типографии. Описание. Часть 1: Рукописи. М., 1901. Вып. 3. 175 с.
- Попов Г.** Среднебългарският светогорски превод на Триода от първата половина на XIV век // Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция (София, 26–28 юни 2003 г.). София, 2004. С. 173–184.
- Успенский Б. А.** История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Чешко Е. В.** Об афонской редакции славянского перевода псалтири в его отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 60–92.
- Δετοράκης Θ.** Ο Ἀκάθιστος Ὑμνος. Ἐκδοση κριτικῆ. Ηράκλειο, 2021. 269 σ.
- Παλαγιάννης Γ.** Ἀκάθιστος Ὑμνος. Ἀγνωστες πτυχές ενός πολὺ γνωστοῦ κειμένου. Κριτικές κι μετρικές παρατηρήσεις, σχολιασμένη βιβλιογραφία. Θεσσαλονίκη, 2006. 306 σ.
- MacRobert C. M.** The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century // Interpretation of the Bible. The international Symposium in Slovenia. Ljubljana, 1998. P. 921–942.

References

- Afanasieva T. I.** Slavyanskaya liturgiya prezhdEOSvyashchennykh darov XII–XV vv. [Slavic Liturgy of the Presanctified Gifts of the 12th – 15th centuries]. St. Petersburg, 2004, 216 p. (in Russ.)
- Afanasieva T. I., Kozak V. V., Molkov G. A., Sokolov E. G., Sharikhina M. G.** Yazykovye innovatsii v perevodakh, svyazannye s imenem Kipriana [Language Innovations in Manuscripts Attributed to Cyprian the Metropolitan]. *Slověne*, 2015, no. 1, pp. 13–38. (in Russ.)
- Borisova T. S.** Tekstologiya tserkovnoslavyanskikh perevodov vizantiiskikh gimnograficheskikh tekstov po spiskam Triodi postnoi XII–XV vekov [Textological Analysis of the Church Slavonic Translations of the Byzantine Hymnographic Texts in the Triodion Manuscripts of the 12th – 15th centuries]. Novosibirsk, NSU Press, 2016, 280 p. (in Russ.)
- Borisova T. S.** Istoriya russkogo literaturnogo yazyka po dannym lingvotekstologicheskogo analiza perevodnykh pamyatnikov (na materiale gimnograficheskikh tekstov triodnogo tsikla) [The History of Russian Literature Language according to the Data of the Linguistic Textological Analysis of Translated Texts (on the Material of Hymnographic Texts of the Triodion Cycle)]. Diss. Dr. Philol. Sci. Novosibirsk, 2020, 544 p. (in Russ.)
- Borisova T. S.** The 17th century Book Correction in the History of the Church Slavonic Translation of the Akathist Hymn. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 2, pp. 266–276. (in Russ.)
- Cheshko E. V.** Ob afonskoi redaktsii slavyanskogo perevoda psaltiri v ego otnoshenii k drugim redaktsiyam [On the Athonite Version of the Slavic Translation of the Psalter in its Relation to

- Other Versions]. In: Yazyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda [Language and Literature of the Middle Bulgarian Period]. Moscow, 1982, pp. 60–92. (in Russ.)
- Detorakis Th.** O Akathistos Ymnos. Ekdosi kritiki [Akathistos Hymn. Critical Edition]. Heraklion, 2021, 269 p. (in Greek)
- Istomin G. I., Speransky M. N.** Opisanie rukopisei Uspenskogo kremlevskogo sobora [Description of the Manuscripts of the Assumption Kremlin Cathedral]. In: Issledovaniya po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu [Research on Linguistic Source Studies]. Moscow, 1963, pp. 88–119. (in Russ.)
- Kavelin Leonid (arkhim.).** Svedenie o slavyanskikh rukopisyakh, postupivshikh iz knigokhranilishcha Svyatoi Troitskoi Sergievoi Lavry v biblioteku Troitskoi dukhovnoi seminarii v 1847 godu (nyne nakhodyashchiesya v biblioteke Moskovskoi dukhovnoi akademii) [Information about Slavic Manuscripts Received from the Book Depository of the Holy Trinity Lavra to the Library of the Holy Trinity Theological Seminary in 1847 (now Placed in the Library of the Moscow Theological Academy). Moscow, 1887, vol. 2, 412 p. (in Russ.)
- MacRobert C. M.** The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century. In: Interpretation of the Bible. The international Symposium in Slovenia. Ljubljana, 1998, pp. 921–942.
- Momina M. A.** Voprosy klassifikatsii slavyanskoi Triodi [Topics of Classification of the Slavic Triodion]. In: Trudy otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, 1983, vol. 37, pp. 25–38. (in Russ.)
- Momina M. A.** Slavyanskii perevod Imnos Akathistos [Slavonic Translation of the Akathist Hymn]. *Polata knigopisnaya* [Polata Knogopisnaya], 1985, no. 14–15, pp. 132–160. (in Russ.)
- Papagiannis G.** Akathistos Ymnos. Agnostes ptixes enos poli gnostou keimenou [Akathistos Hymn. Unknown Aspects of the Well-known Text]. Thessaloniki, 2006, 306 p. (in Greek)
- Popov G.** Srednebgarskiyat svetogorski prevod na Trioda ot p"rvata polovina na 14 vek [Middle Bulgarian Athosite Translation of the Triodion from the First Half of the 14th century]. In: Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite. Dokladi ot mezhdunarodnata konferentsiya (Sofia, 26–28 iyuni 2003 g.). Sofia, 2004, pp. 173–184. (in Bulg.)
- Pogorelov V. A.** Psaltyri [Psalms]. In: Biblioteka Moskovskoi Sinodal'noi tipografii. Opisanie. Chast' 1: Rukopisi [The Library of Moscow Sinodal Printing House. Description. Part 1: Manuscripts]. Moscow, 1901, vol. 3, 175 p.
- Uspensky B. A.** Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.) [History of the Russian Literature Language (11th – 17th century)]. Moscow, 2002, 558 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Станиславовна Борисова, доктор филологических наук, PhD, доцент
Scopus Author ID 57208423584
SPIN 8673-2501

Information about the Author

Tatiana S. Borisova, Doctor of Sciences (Philology), PhD, Associate Professor
Scopus Author ID 57208423584
SPIN 8673-2501

*Статья поступила в редколлегию 10.10.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 16.11.2023
The article was submitted on 10.10.2023;
approved after reviewing on 15.11.2023; accepted for publication on 16.11.2023*

Научная статья

УДК 81`37, 81`42

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-20-30

Эвфемистические средства эротического нарратива в цикле «Тёмные аллеи» И. Бунина

Оксана Михайловна Исаченко ¹

Хэ Син ²

^{1, 2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8185-7956>

² 1610286235@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9215-4650>

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей эротического нарратива И. А. Бунина в его цикле «Тёмные аллеи», который стал событием в русской классической литературе – своеобразной художественной «энциклопедией любви», написанной вопреки этико-идеологическим запретам. Автор широко использует различные приемы эвфемизации эротических смыслов: синонимические замены, приемы генерализации, намек, эллипсиса, умолчания. Количественные данные показывают, что главной речевой стратегией в бунинском цикле является умолчание, которое реализовано в целой серии стилистических тропов и фигур. В вертикальном контексте русской культуры эротический нарратив И. Бунина – его сдержанность и точность в выборе языковых средств, намеренное исключение натуралистичности и сниженности стиля – служит сохранению гармонии в триаде «ЛЮБОВЬ – СТРАСТЬ – СЕКС». Бунинский язык «Тёмных аллей» можно считать классическим эталоном таинства физической любви, на который ориентировались писатели XX в., принимая или отрицая его.

Ключевые слова

эротический нарратив, эвфемизмы, способы эвфемизации, синонимы, генерализация, фигуры речи

Для цитирования

Исаченко О. М., Хэ Син. Эвфемистические средства эротического нарратива в цикле «Тёмные аллеи» И. Бунина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 20–30. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-20-30

Euphemistic Means of the Erotic Narrative in the Cycle *Dark Alleys* by I. Bunin

Oksana M. Isachenko ¹, He Sin ²

^{1, 2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8185-7956>

² 1610286235@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9215-4650>

Abstract

Purpose. The article analyses the features of the erotic narrative of I. A. Bunin in his cycle *Dark Alleys*, which became a phenomenon in Russian classical literature – a kind of artistic “encyclopedia of love”, written in defiance of ethical and ideological prohibitions.

© Исаченко О. М., Хэ Син, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 20–30

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 20–30

Results. Erotica in this cycle is presented in descriptions of the physiology of sex and sexual communication. The research examines 209 contexts extracted from the cycle. They describe actions of a sexual nature, including violent or commercial ones, human physiology and anatomy (59 contexts), which determine human sexual behavior. The writer widely uses various methods of euphemization of erotic meanings: synonymous replacements, generalization techniques, allusion, ellipsis, silence. Quantitative data show that the main speech strategy in the Bunin cycle is silence, which is implemented in a whole series of stylistic tropes and figures. I. A. Bunin uses a diverse arsenal of units of the lexical, lexico-morphological and syntactic levels. Euphemisms appear in areas of maximum erotic tension. With their help, the author reduces the “emotionogenicity” of erotica in accordance with his own ideas about the boundaries of what is acceptable and permissible.

Conclusion. In the vertical context of Russian culture, I. Bunin’s erotic narrative, his restraint and precision in the choice of linguistic means, the deliberate exclusion of naturalism and reduced style serve to preserve harmony in the triad “LOVE – PASSION – SEX”.

The Bunin language of *Dark Alleys* can be considered a classic standard of the sacrament of physical love, which the writers of the 20th century were guided by, accepting or rejecting it.

Keywords

erotic narrative, euphemisms, euphemization methods, synonyms, generalization, figures of speech

For citation

Isachenko O. M., He Sin. Euphemistic Means of the Erotic Narrative in the Cycle *Dark Alleys* by I. Bunin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 20–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-20-30

Любовь как акт лишена глагола.

И. Бродский

Введение

Эротика – один из важных аспектов человеческого бытия, для описания которого в культуре и языке сформировался специфический нарратив с характерным противопоставлением мужского и женского начал и сакрализацией эротической сферы, претерпевший в исторической перспективе, с учетом его древнего происхождения и богатой фольклорной традиции [Бабенко, 2003; Берестнев, 2003; Гура, 2003], существенные трансформации.

Сборник «Тёмные аллеи» И. Бунина датирован 1937–1945 гг. и признан в литературоведении «энциклопедией любви». Автор сборника транслирует в трехчастном цикле из 40 рассказов понимание природы человеческой сексуальности как борьбы телесного и духовного. На фоне того, что «в России система социально-нравственных понятий была законсервирована советской властью в течение практически всего XX века и воспроизводила своего рода викторианско-просвещенческую модель культуры» [Пригов, 2003, с. 114], сборник воспринимался как революционное откровение, так как он был создан в период вытеснения эротики в область запретного. При этом цикл И. А. Бунина не стал маргинальным прежде всего благодаря специфическому авторскому нарративу, который не похож ни на эротический язык устного фольклора, ни на постмодернистское эротическое «письмо».

Эротический язык И. Бунина преодолевает запрет: и общественный, и собственно тематический. Автор, говорящий «про это», использует завуалированное описание «жизни человека телесного», отягощенного сексуальностью и эротичностью, которые «продиктованы» самой природой и человеческим естеством. Любой взрослый погружен в эротическую сферу, которую считает «нормальной» [Берестнев, 2003, с. 136].

Основными лексическими репрезентантами эротики являются классические узусные единицы:

- универсальная лексема *любовь*, называющая «и душевное, и плотское влечение», т. е. «диффузный функциональный полисемант», и двузначный глагол *любить*, обозначающий «единение духа и плоти»;
- традиционная лексема *страсть*, тяготеющая по функции к вербализации сценария физического соития;
- довольно быстро освоенное заимствование *секс*, которое используется для наименования полового акта;

- синонимичные формулы-кальки *заниматься любовью* или *заниматься сексом* [Бабенко, 2003, с. 157–158, 172].

К специализированной лексике эротического языка современной художественной прозы Н. Г. Бабенко относит инвективы, просторечия, анатомо-физиологические термины, эвфемизмы, дейктические и междометные слова. Она считает их лексическим ядром, от которого «специфическая сексуальная энергия» распространяется на другие лексические сферы текста, «эротически окрашивая <...> телесную, эмоциональную, перцептивную, бытовую, творческую, природную, религиозную лексические парадигмы» [Там же, с. 161].

На фоне сравнения с новейшей художественной литературой, в русской классике, в первую очередь в «Вешних водах» И. С. Тургенева и «Тёмных аллеях» И. А. Бунина, эротическая тема традиционно табуирована, так как затрагивает сугубо личное пространство, интимную сферу жизни человека, связанную с устойчивым религиозным представлением о грехе и наказании.

Результаты исследования

Проанализируем на материале 40 рассказов цикла «Тёмные аллеи» темы и языковые средства эвфемизации эротического нарратива.

Эвфемизмы в узусе выполняют следующие функции:

1) замещение табуированной лексики (Р. А. Будагов [1958], Б. А. Ларин [1977], А. А. Реформатский [2000]) – через использование «разрешенных слов» вместо «запрещенных» [Сеничкина, 2008, с. 105];

2) смягчение речи (В. П. Москвин [2010], Е. П. Сеничкина [2008], А. М. Кацев [1988]) – через «косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного» [Ковшова, 2007, с. 5];

3) маскировка действительности (Lawtence J. [1973]) или «маскировка истины», которая бывает оскорбительной или неприятной [Ниман, Сильвер, 2007, с. 198].

В текстах И. Бунина в эротическом нарративе эвфемизмы служат разрешенным, «мягким» способом говорения на «стыдную» в коллективном представлении носителей русской культуры тему.

Эротика в данном цикле представлена в описаниях физиологии секса и сексуальной связи. К этой теме в цикле относятся 209 контекстов, которые на первом этапе классификации распределяются в две группы: описывают действия сексуального характера (150 контекстов) или физиологию секса (59 контекстов). Для каждой группы приведем примеры, выделяя в них эвфемизмы и сопровождая комментарием о «скрытом» смысле (в квадратных скобках).

I. Действия сексуального характера – половой акт (или соитие / коитус) и другие проявления сексуальности человека, его импульсивного эротического поведения:

1) интимные отношения и его возможные последствия: *Когда вернулся, почувствовал в теплом купе счастье совсем **семейной ночи*** [полового акта между супругами] (Генрих); *Жил томительно, затворником – **от свидания до свидания** с нею* [свидание = соитие] (Кавказ); – *ведь были же у вас **встречи*** [встреча = сексуальная связь] *за эти годы?* (В Париже); ***Жил он с ней*** [имел постоянные половые связи] *с тех пор все лето и **прижил** мальчика, который и стал расти при матери в кухне* (Дурочка);

2) этапы полового акта: *в ту **самую горячую минуту*** [момент оргазма], *когда они забыли всякую осторожность* (Руся); *Зачем ты говоришь всегда **в это время*** [в процессе соития]! (Таня); *И она, рыдая, вдруг ответила ему **женским бессознательным порывом*** [оргазмом] – *крепко и тоже будто благодарно обняла и прижала к себе его голову* (Таня);

3) сексуальное насилие: ***Незаконно обольстил*** [произвел насильственный половой акт] *мою матушку* (Баллада); *глядишь, затяжелела: плачет и кается – меня, говорит, **Лес осилил*** [осилить = изнасиловать] (Железная Шерсть), которое остается противоестественным,

даже если допускать смысловую инверсию, что женщине оно доставляет удовольствие [Берестнев, 2003, с. 144];

4) предоставление сексуальных услуг (любовь за деньги): – *А вы сколько дадите? – Рубль за **любовь** [за секс], рубль на булавки* (Мадрид); – *Не хотите ли **разделить компанию** [участвовать в сексе]? – Отчего же нет? С удовольствием* (Мадрид).

II. Физиология и анатомия сексуальности включает прежде всего описание естественных реакций организма на сексуальное возбуждение, которое в частности может провоцироваться наготой партнера.

1. Состояние сексуального возбуждения: *Однажды в темную жаркую ночь от жестокого **телесного возбуждения** и, лежа, **распал** [об эрекции] себя еще больше воображением...* (Дурочка); *Иногда он не **выдерживал** [не мог устоять против соблазна, контролировать свое сексуальное влечение], как бы шутя целовал ее в щеку, и она закрывала глаза, томно и насмешливо улыбалась* (Зойка и Валерия); *Я зажигал, садился на вертящийся табуретик возле пианино и постепенно приходил в себя, остывал от **горячего дурмана*** (Чистый понедельник). В этих и подобных контекстах автор исследует «феномен соблазна», который, в отличие от сексуального насилия, имеет «несиловой характер»: слабость женщины становится для мужчины «соблазняющей силой» [Бабенко, 2003, с. 176].

В рассказах И. Бунина гиперсексуальность проявляют не только мужчины, которым она приписывается традиционно: для мужчины секс – «это единственный, всепоглощающий интерес в жизни» [Берестнев, 2003, с. 138]. Писатель подробно исследует и эротическое поведение женщин, которые в не меньшей степени склонны к супружеской неверности, блудливы и порочны по своей природе, а в отношении эроса демонстрируют дуалистическое отклонение от «нормы» – могут быть как гипер-, так и гипосексуальными [Там же, с. 141]. Независимо от сексуального темперамента героини, читатель, по воле автора, сосредоточен на эротическом созерцании ее обнаженного тела.

2. Открытые части тела женщины, провоцирующие сексуальное возбуждение и эротические желания: *Он долго не спал, проснулся поздно и тотчас опять почувствовал, мысленно увидел, представил себе ее **ночную прозрачную сорочку** [голое тело женщины] (Антигона); но она уже была очень **развита телесно** [в ее фигуре явно выражены вторичные половые признаки], **сзади** особенно [ягодицы], хотя еще по-детски были нежны и круглы ее сизые голые колени под короткой шотландской юбочкой* (Зойка и Валерия); *Живот с маленьким глубоким пупком был впалый, выпуклый треугольник **темных красивых волос** [на лобке] под ним соответствовал обилию темных волос на голове* (Визитные карточки). Фиксация внимания на женском теле и подчеркнутое игнорирование особенностей мужского сообразен культурной традиции, в рамках которой мужские вторичные половые признаки чаще всего являются объектом табуирования [Бабенко, 2003, с. 160].

3. Особенности женской физиологии, связанные с цикличными проявлениями ее половой зрелости (в современном языке для этого используется эвфемизм *критические дни*): – *Знаешь, я, слава богу, ночью **заболела**... Ах, как бы я хотела проводить тебя на вокзал!* (Генрих); *потому что каждый месяц она **дня три-четыре** совсем не выходила и не выезжала из дому, лежала и читала, заставляя и меня сесть в кресло возле дивана и молча читать* (Чистый понедельник). Таких контекстов в бунинском эротическом нарративе не много, и, хотя в них используются эвфемизмы, они подтверждают правило: «лексическим источником эротического языка является анатомо-физиологическая терминология» [Там же, с. 159].

Совокупность авторских приемов эвфемизации эротической сферы демонстрирует различные механизмы «непрямого» описания и обозначения табуированных объектов сексуальной жизни его персонажей.

Вслед за Н. Г. Бабенко [2003] будем называть их «сексуальными эвфемизмами», которые объединяют разнообразные по стилистической принадлежности лексические средства, а также специфические синтаксические структуры. Своеобразный эвфемистический лексикон и синтаксис соответствуют представлению о допустимом в художественной речи, со-

тканному из лакун и умолчаний, что естественно, так как «в пределах вербальности эротика всегда предполагает долгую процессуальность описания и требует усилий читающего для последующей визуализации» [Пригов, 2003, с. 116].

Выделим языковые способы эвфемизации, к которым прибегает И. А. Бунин, прикасаясь к эротике, описывая сексуальные отношения своих персонажей. Контекстные примеры использования эвфемизмов распределяются по пяти группам, различным по статусу и функции языковых единиц – лексико-грамматических (группы 1, 2) и синтаксических (группы 3–5).

1. Синонимизация – замена прямых наименований синонимами. Синонимизация отмечена в 51 контексте (24 %).

А. В функции синонимов часто используются **стилистически маркированные** единицы:

а) **книжные** слова или словосочетания (*лишить невинности / девственности, нарушить чистоту, создать интимность* и т. п.), при этом оттенок книжности могут транслировать стилистически окрашенные слова («обертон» высокой маркированности могут возникать в процессе деривации, например: *чистота* ← *чистый* ‘13. Книжн. ...свободный от скверны; негреховный’, или функциональной ассоциации: *невинность* = *целомудренность* ← *целомудренный* ‘2. Книжн. Нравственно чистый, исполненный целомудрия’), сложные прилагательные в роли эпитета (*изнурительно-страстный*) или глагольные / деепричастные коллокации (*искать любви / в поисках встреч, создать интимность*). Приведем полные контексты: *Я с ним год жила, вот как с вами. Он и невинности меня лишил* [лишил девственности, совершил половой акт] *всего на втором сеансе* (Второй кофейник); *я решил, что настало и для меня время быть как все, нарушить свою чистоту* [вступить в сексуальные отношения], *искать любви без романтики...* [заниматься сексом, не испытывая душевной привязанности] (Натали); *сразу создает некоторую интимность* [настраивает на физическую близость] *между тобой и ею, дает смелость в обращении с нею и уже как бы некоторое право на нее. Но не одно это возбуждало его* (Визитные карточки); *стал ездить в поисках любовных встреч* [случайного секса] *по соседним имениям, по родным и знакомым* (Натали); *Жизнь моя пошла внешне обыденно, но внутренне я не знал ни минуты покоя, все больше и больше привязываясь к Соне, к сладкой привычке изнурительно-страстных свиданий* [сексуальных связей] *с ней по ночам...* (Натали);

б) **разговорные** слова, преимущественно в речи персонажей: *Пойдет женщина или даже невинная в бор за хворостом, за ягодой – глядишь, затяжелела* [забеременела]: *плачет и кается – меня, говорит, Лес осилил* (Железная Шерсть) – глагол мотивирован разг.-сниж. значением прил. *тяжелая* (в ж. р.) ‘2. Беременная’; *И он заставил ее испытать то крайнее бесстыдство, которое так не к лицу было ей и потому так возбуждало его* [вызвало сильное сексуальное влечение] *жалостью, нежностью, страстью...* (Визитные карточки) – у глагола *возбуждать / возбудить* значение ‘3. кого. Разг. Вызвать половое влечение’ маркировано как сниженное, входящее в стилистический диссонанс с названными каузаторами возбуждения платонической природы – *жалость* и *нежность*.

Б. Стилистическая дифференциация субститутов для обозначения коитуса не является обязательным условием для эвфемизации. В этой функции могут выступать и **нейтральные номинации**. Но художественный текст требует от эротического нарратива интригующего «саспенса», поэтому в роли синонимов используются метафорические номинации, не имеющие эксплицированного стилистического макрокомпонента. Именно благодаря метафорическим образам создается дополнительная экспрессия, особенно заметная при сравнении с прямыми значениями функциональных синонимов.

Проанализируем употребление в роли эвфемизма прил. *невинный*. Прямое значение мотивировано сущ. *вина* – ‘не имеющий за собой вины, провинности’. В условно эротическом контексте: *Я невинная!* (Гость) – у него иное значение – ‘о девушке, не имевшей сексуального опыта’, которое в БТС описывается обиняком, эвфемистически – ‘4. Девственный, целомудренный’ (эротический лексикон и в толковом словаре табуирован). Сущ. *вина*, вопреки словарному толкованию (‘1. Проступок, провинность, преступление. // Ответственность

за такие действия; 2. Причина, источник (чего-л. нежелательного, неблагоприятного) [БТС]), синонимично сущ. *грех*, что мотивирует эротическое значение прил. *невинный*.

Аналогичный механизм речевого заполнения семантической и лексикографической лакуны демонстрирует прил. *близкий*, которое по своим прямым значениям принадлежит к пространственной лексике: '1. Находящийся неподалеку: 2. Короткий (о расстоянии)'. Но очевидно, что в таких контекстах, как: *...странны были и наши с ней отношения – совсем близки мы все еще не были* (Чистый понедельник), слово *близкий* фиксирует телесный, сексуальный контакт между людьми (или, как в приведенном примере, его отсутствие). Эротический смысл прил. *близкий*, широко распространенный в современном узусе, в словаре не отражен, но скрывается за эвфемистической формулировкой ЛСВ₅, в которой используются универсальная лексема *любить* и обобщенное слово *связанный* (ср.: *связь* '3. // О любовных отношениях, сожительстве'), – '5. Тесно связанный с кем-, чем-л. какими-л. отношениями. // Дорогой, любимый, милый'.

Метафорическое значение прил. *жадный* '2. Выражающий сильное желание чего-л., сильное стремление к чему-л.' мотивирует отвлеченное сущ. *жадность*, которое в эротическом контексте: *И они скорым шагом пошли в столовую первого класса, она впереди, он за ней, уже с некоторой жаждностью осматривая ее. Он вспоминал о ней ночью* (Визитные карточки) – обозначает 'сильное сексуальное влечение'. Вторым метафорическим планом обусловлен непосредственно значениями сущ. *жадность*, которое описывает неудержимую меркантильность (к деньгам, к наживе), самоотверженность (в работе, учебе и т. п.) или погружение в какую-либо деятельность (познание, чтение, путешествия). Таким образом, нейтральная номинация в функции эвфемизма приобретает образные коннотации и сообщает тексту концентрированную «эротическую энергию», которая приведет сюжет к «сексуальной развязке».

Как видим, не все эротически ориентированные в тестах И. Бунина синонимы-эвфемизмы (*жадность*, *невинный*, *встреча*) потенциально, на уровне словарного значения, соотносены со сценарием плотской любви. Это означает, что лексикон эвфемизмов не представляет собой ограниченного словаря и гипотетически может включать широкое множество лексем.

В эротическом нарративе И. А. Бунина преобладают стилистически высокие единицы или образные номинации, которые создают романтический, лирический, чувственный ореол натуральности и телесности.

2. Генерализация – это замена прямых наименований максимально неконкретными, абстрактными, обобщенными. К этой группе относятся 36 контекстов (17 %). Способы генерализации дифференцируются на основе частеречной принадлежности субститута.

А. Местоименная замена, при которой местоимение, не имеющее возможности называть и обозначать объект, указывает на него вполне определенно при поддержке ближайшего контекста, глагольных связей и сюжетной конситуации.

В роли эвфемизмов используются:

1) дейктики личной сферы (собственно личные местоимения и возвратное *себя*): *она тотчас же, спеша угодить ему* [его сексуальному желанию] *и до конца дерзко использовать все то неожиданное счастье, которое вдруг выпало на ее долю с этим красивым, сильным и известным человеком* (Визитные карточки); *он ночью понял, что уже хотел ее* [близости с женщиной, сексуального обладания ее телом]. *Почему? По привычке дорожного влечения к случайным и неизвестным спутникам?* (Визитные карточки); *...потом, не владея собой* [своим телом, сексуальными желаниями, которые сильнее рассудка], *встал, прокрался в темноте через сенцы в кухню... нашарил, протягивая вперед руки, нары, на которых спала кухарка, нищая, безродная девка* (Дурочка); *И встала во весь рост, показывая всю себя* [свое тело] *спереди во всей своей женской силе* (Месть);

2) «неличные» дейктики, среди которых указательные, определительные, неопределенные или отрицательные местоимения: *всё* [соитие] *вышло и для него совсем неожиданно* (Таня); *Меня что-то страшно укусило там* [за ягодицу]... (Зойка и Валерия) – местоименное наречие *там* призвано скрыть смущение героини; *Ну вот, – сказала она как будто облегченно. –*

Больше пока ничего [соития] *нельзя* (Муза) – героиня с помощью местоимения отрицает возможность сексуального контакта, судя по интонации, нежелательного, даже если *можно*; *Но добьешься ли чего-нибудь* [физической близости]? (Антигона). Сюда же можно отнести контекст, в котором для номинации полового акта используется частично десемантизированное и поэтому максимально зависимое от контекста сущ. *дело*: *он уже знал, почему так влечет его она, и нетерпеливо ждал доведения дела до конца* [до половой связи] (Визитные карточки).

Лингвисты отмечают важную роль местоимений в эротическом нарративе. Так, Н. Г. Бабенко выделяет в качестве уникальной речевой стратегии В. Нарбиковой создание дейктического эротического текста. В цикле И. А. Бунина такой стратегии нет, местоименная эвфемизация встречается эпизодически. Для стиля «Тёмных аллей» не характерен и междометный эротический текст: персонажи И. А. Бунина при «отправлении сексуальной надобности» молчат¹. Такую манеру эротического нарратива Н. Г. Бабенко называет «латентной», цель которой «оставить неизреченным то, что изречено быть не может (вследствие своей иррациональности) и не должно (вследствие своей сугубой интимности)» [Бабенко, 2003, с. 160].

Случаев вторичной семантизации – депрономинализации, свойственной обозначениям эротики и секса в современной повседневности (разговоры *про это*, *заниматься этим самым*), в текстах И. А. Бунина не отмечено.

Б. Снятие семантической дифференциации путем элиминирования определения в коллокациях, имеющих конкретное значение. Например, сущ. *связи* в атрибутивных сочетаниях называет различные типы социальных отношений: *семейные / дружеские / личные / родственные связи* (аналогично в форме ед. ч.: *мобильная / воздушная / спутниковая / телефонная / селекторная* и пр. *связь*). В контексте: *Когда он, из-за связи с одной известной актрисой, промучился в Москве до самого июля* (Степа) – лексема *связь* используется как общая номинация, значение которой наводится контекстом, и читатель понимает, что речь идет о любовной, сексуальной связи. Аналогичный пример: – *ведь были же у вас встречи* [любовные свидания] *за эти годы?* (В Париже).

В. Глагольная метонимия – использование глагола конкретной семантики для обозначения имплицитного действия, которое ситуативно сопутствует основному. Например, глагол *спать* имеет в узусе специальное сниженное значение ‘З. с кем. Разг.-сниж. Быть в половой связи с кем-л., совершать половой акт’, которое реализуется в контексте: *И спать, спать. Мы не дети, вы, я думаю, отлично знали, что раз я согласилась ехать к вам...* (В Париже). На фоне такого употребления главное значение глагола *спать* ‘находиться в состоянии сна, лежать в кровати’ интерпретируется как обобщенное, генерализованное. Подобное развитие семантики наблюдается и у глагола движения *ходить* (*ходит к ней один человек*): *...она теперь приходила ко мне только поздно вечером, когда весь дом засыпал* (Натали).

К метонимической генерализации можно отнести контекст, в котором обозначение супружеской связи (между мужем и женой) указывает на сексуальную «подоплеку» их отношений: *Полежав в изнеможении, она приподнялась и с улыбкой счастливой усталости и еще не утихшей боли сказала: – Теперь мы муж с женой* (Руся).

3. Намёк – это синтаксическая структура, с неявно выраженной коммуникативной интенцией говорящего / пишущего, это способ косвенной передачи смысла, который по ситуации и контексту нужно дешифровать, восстановить. Контексты, содержащие намек (16 единиц), составляют 8 % выборки.

В эротическом нарративе И. А. Бунина, в отличие от современных авторов, которые изобретательно и откровенно живописуют сексуальные действия (например, С. Шаргунов в повести «Малыш наказан»), множество недосказанностей и значимых умолчаний, многозначительных лакун, что свидетельствует о бережном отношении автора к разным проявлениям

¹ В отличие от персонажей В. Сорокина, например, в романе «Тридцатая любовь Марины» или в сб. «Сахарный Кремль».

чувственной любви: – *Только без поцелуев. Мы не гимназисты. А деньги вот сюда, на стол* (Барышня Клара) – утверждение взрослости через отрицание «не гимназисты» – это намек на то, что взрослым людям не следует стесняться ни физической близости, ни «продажности» секса. В приведенном контексте намек очерчивает «перспективу» отношений мужчины и женщины. Но намеки могут быть и ретроспективными, например предложение: *На другое утро он проснулся в ее постели* (Антигона) – воспринимается как намек на то, чем персонажи занимались ночью.

Намеки обозначают контуры события или действия, содержание которых заполняет фантазия и воображение читателя, способного выстроить причинно-следственные связи. Например: *она, только в одних лебяжьих туфельках, стояла, спиной ко мне, перед трюмо* (Барышня Клара) – так автор описывает стоящую лицом к зеркалу обнаженную девушку, за спиной которой мужчина; *Он пил, сидя в широкой ночной рубахе дяди, в его шелковом халате, и с грустью бесполезности рассматривал себя, распахнув халат* (Антигона) – вероятно, автор намекает на то, что в прорези ночной рубахи видно голое тело и его интимные части.

Намеки в синтаксическом аспекте представляют собой законченные по форме и смыслу высказывания, в отличие от эллипсиса или умолчания.

4. Эллипсис – фигура речи, суть которой заключается в пропуске конструктивных элементов предложения, восстанавливаемых по контексту или по общей ситуации. В картотеке контекстов 69 предложений (33 %) содержат эллипсис, в зону которого попадают «эротические подробности». Различия между случаями эвфемистического эллипсиса заключаются в природе пропущенного компонента предложения:

1) элиминация цели: *Я теперь только к вам буду ходить. Вы хотите? – Хочу. Только ко мне одному. Слышишь?* (Мадрид) – пропущено обозначение цели визитов – *буду ходить* зачем? При восстановлении этой позиции можно использовать ресурсы простого или сложного предложений (*ходить ради получения сексуального удовлетворения; ходить, чтобы давать / получать сексуальное удовлетворение*); аналогичные примеры: *Адам Адамыч завтра опять придет, что она увидит его страшные глаза и что, бог даст, господ опять не будет дома* (Гость); *Только нынче суббота, их приказчики взяли* (Мадрид) – *придет / взяли* для занятий сексом (данная подгруппа логически соотносится с приемом генерализации глагольной семантики);

2) элиминация причины: *Полежав в изнеможении, она приподнялась и с улыбкой счастливой усталости и еще не утихшей боли сказала: – Теперь мы муж с женой* (Руся) – очевиден пропуск элемента каузации (полового акта) физического и эмоционального состояния героини – *в изнеможении / не утихшей боли* от чего?; *...потом, не владея собой, встал, прокрался в темноте через сенцы в кухню <...> нашарил <...> нары, на которых спала кухарка, нищая, безродная девка, слывшая дурочкой, и она, от страха, даже не крикнула* (Дурочка) – автор пропускает очевидный элемент «причина страха» – *от страха* перед чем / кем? (перед насильником);

3) элиминация действия сексуального характера, выраженного глаголом или девербативом: *он потянул ее к себе за юбку. Она отклонилась, отстраняя его руку: – Никак нельзя [что делать?], все проснулись...* (Таня); *Иногда он не выдерживал, как бы шутя целовал ее в щеку, и она закрывала глаза, томно и насмешливо улыбалась* (Зойка и Валерия) – *он не выдерживал* чего? – сексуального возбуждения, желания физической близости; *Через минуту [после чего?] он упал лицом к ее плечу* (Антигона); *стремительно-страстно блеснула ими в меня и сказала горячим шепотом: – Барин, завтра он уедет с ночевкой в город, приезжайте ко мне скоротать вечерок* [чем? каким занятием?] *на прощанье* (Дубки).

Прием эллипсиса, создающий смысловые лакуны в синтаксических структурах, позволяет снимать избыточную «сексуальную энергию» текста через эвфемизацию эротических действий.

5. Умолчание – фигура речи, суть которой в осознанном прерывании фразы, в недосказанности. Такой прием отмечен в 37 контекстах (18 %). Характерным маркером умолчания

является знак многоточия, преимущественно в конце предложения: «Из всех возможных в конце предложения знаков препинания именно многоточие точно передает тот поиск, в котором находится современная русская художественная проза, пытаясь облечь в слова чувства, действия, ощущения – всё то, что вбирает в себя триединство любовь-страсть-секс» [Бабенко, 2003, с. 179]. Резкая смена диктума после знака означает намеренный пропуск «эротического события»: *Она быстро обняла его за шею и неловко поцеловала в щеку... С тех пор они стали плавать по ночам* (Руся); *...и с потускневшими глазами медленно раздвинула ноги... Через минуту он упал лицом к ее плечу* (Антигона); *подошла к окну, тоже так таинственно, неслышно... она, лежа на постели, я, стоя на коленях возле и держа ее руку* (Натали); *а я охватил ее плечо и впервые в жизни сомлел в нежном холоде девичьих губ...* (Ворон); *И с умирающими глазами зашептала ему в ухо, лаская мехом и дыханием:– На минутку... Нынче еще можно...* (Генрих); *Быстро вынув одну за другой ноги в шерстяных чулках из валенок, легла, озираясь на дверь...* (Таня); *Он сперва шепотом побудил ее: «Послушай, не бойся...»* (Таня) – в этих примерах автор «замолкает», едва намекнув на сексуальное «сближение» своих героев, их эротическую связь.

Выводы

Как видим по количественным показателям, наиболее характерны для текстов И. А. Бунина синтаксические приемы эвфемизации через недосказанность, непроговоренность табуированных действий: намеки, эллипсис и умолчание (122 контекста, что составляет 58 % выборки). Автор как бы «выводит» эротику из-под прямого наблюдения за ней, не описывая сам процесс, полагаясь на опыт и фантазию взрослого читателя. Способы эвфемизации через смысловые лакуны позволяют И. Бунину максимально оградить личное пространство своих персонажей, переключить внимание читателя с физиологии процесса на философские мысли: о жизни, страсти, судьбе и предопределенности, о грехе и т. д.

Изображение эротического средствами художественной литературы – это всегда мучительный поиск и эксперимент. У сексуальной сферы нет собственного языка, помимо сниженных и обценных слов, которые эротизм убивают, потому что направлены на скабрезное вышучивание и осмеяние предмета описания. Принимая во внимание исключительно эмоциогенный характер эротического нарратива, авторы могут сознательно интенсифицировать или, напротив, ослаблять его. Как показывает проведенный лингвостилистический анализ, И. А. Бунин, используя разнообразный арсенал эвфемизмов лексического (24 %), лексикоморфологического (17 %) и синтаксического (59 %) уровней, сосредоточив их в зонах максимального эротического напряжения, снижает «эмоциогенность» эротики в соответствии с собственными представлениями о границах приемлемого (для вербализации) и допустимого (для публикации) в этой деликатной сфере. И. А. Бунин один из первых русских писателей обратился к теме сексуальности человека и, по сути, разработал эротический нарратив, главной особенностью которого является сдержанность, аккуратность, точность в выборе языковых средств, намеренное избегание грязи, брани, натуралистичности для сохранения гармонии в триаде «ЛЮБОВЬ – СТРАСТЬ – СЕКС». Бунинский «язык любви» можно считать эталоном меры таинства физической любви («тёмных аллей»), «классической манерой повествования об интимной жизни героев» [Бабенко, 2003, с. 168], от которой отталкивались или которой придерживались литераторы XX в.

И если в наше время «проблемы перцепции и презентации эротического уже не играют прежней культуuroобразующей роли» [Пригов, 2003, с. 115], то в 40-е гг. XX в. описание сексуальности человека воспринималось как революционный манифест. Остроту его звучанию придавал запрет, табу на искренность в этой теме, хотя сама природа эротики ограничивает нарратив: «эротика в принципе невыговариваема» [Там же, с. 118], но всегда есть возможность ее описать.

Список литературы

- Бабенко Н. Г.** Русский эротический язык: вербализация вопросов пола в современной художественной прозе // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 157–180.
- Берестнев Г. И.** Современный русский эротический анекдот и «заветные сказки» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 133–146.
- Будагов Р. А.** Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958. 544 с.
- БТС** – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения 20.02.2023).
- Гура А. В.** Коитус в символическом языке у славян // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 121–132.
- Кацев А. М.** Языковое табу и эвфемия: Учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
- Ковшова М. Л.** Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
- Ларин Б. А.** Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101–114.
- Москвин В. П.** Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2010. 260 с.
- Ниман Дж., Сильвер К.** Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур. М., 2007. 245 с.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.
- Сеничкина Е. П.** Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
- Пригов Д. А.** Беседа с Д. А. Приговым (записана А. Черняковым) // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 114–120.
- Lawrence J.** Unmentionables and other euphemisms. London, 1973. 84 p.

References

- Babenko N. G.** Russkii eroticheskii yazyk: verbalizatsiya voprosov pola v sovremennoi khudozhestvennoi proze [Russian Erotic Language: Verbalization of Gender Issues in Modern Fiction]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic Philological Courier], 2003, no. 3, pp. 157–180. (in Russ.)
- Berestnev G. I.** Sovremennyi russkii eroticheskii anekdot i “zavetnye skazki” [Modern Russian Erotic Anecdote and Cherished Tales]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic Philological Courier], 2003, no. 3, pp. 133–146. (in Russ.)
- Bolshoi tolkovyi slovar russkogo yazyka** [Great Dictionary of Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. (in Russ.) URL: <http://www.gramota.ru/> (accessed: 20.02.2023).
- Budagov R. A.** Vvedenie v nauku o yazyke [Introduction to the Science of Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, 544 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Koitus v simvolicheskom yazyke u slavyan [Coitus in the Symbolic Language of the Slavs]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic Philological Courier], 2003, no. 3, pp. 121–132. (in Russ.)
- Katsev A. M.** Yazykovoe tabu i evfemiya: ucheb. posobie k spetskursu [Linguistic Taboo and Euphemia: a Textbook for a Special Course]. Leningrad, LGPI im. A. I. Gertsena Press, 1988, 80 p. (in Russ.)
- Kovshova M. L.** Semantika i pragmatika evfemizmov [Semantics and Pragmatics of Euphemisms]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 320 p. (in Russ.)
- Larin B. A.** Ob evfemizмах [On Euphemisms]. In: Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, pp. 101–114. (in Russ.)

- Lawrence J.** Unmentionables and other euphemisms. London, 1973, 84 p.
- Moskvina V. P.** Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language]. Moscow, LENAND Publ., 2010, 260 p. (in Russ.)
- Niman J., Silver K.** Evfemisticheskaya leksika angliiskogo yazyka kak otrazhenie tsennostei angloyazychnykh kultur [Euphemistic Vocabulary of the English Language as a Reflection of the values of English-Speaking Cultures]. Moscow, 2007, 245 p. (in Russ.)
- Reformatsky A. A.** Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. Ed. by V. A. Vinogradov. Moscow, Aspekt Press, 2000, 536 p. (in Russ.)
- Senichkina E. P.** Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of Russian Euphemisms]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 464 p. (in Russ.)
- Prigov D. A.** Beseda s D. A. Prigovym (zapisana A. Chernyakovym) [Conversation with D. A. Prigov (Recorded by A. Chernyakov)]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic Philological Courier], 2003, no. 3, pp. 114–120.

Информация об авторах

Оксана Михайловна Исаченко, кандидат филологических наук
SPIN 9586-9608
Хэ Син, аспирант

Information about the Authors

Oksana M. Isachenko, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 9586-9608
He Sin, Postgraduate Student

Вклад авторов:

О. М. Исаченко – общая концепция статьи, подготовка теоретической базы исследования, научное руководство, редактирование текста, его подготовка к публикации.

Хэ Син – сбор и первичная обработка материала, классификация контекстов по разным основаниям (темам и средствам эвфемизации), количественные подсчеты, подготовка черного варианта текста.

Contribution of the Authors:

Oksana M. Isachenko – general concept of the article, preparation of the theoretical basis of the study, scientific supervision, text editing, preparation for publication.

He Sin – collection and primary processing of material, classification of contexts on various grounds (topics and means of euphemism), quantitative calculations, preparation of a draft text.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023;
одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 02.06.2023
The article was submitted on 02.05.2023;
approved after reviewing on 30.05.2023; accepted for publication on 02.06.2023

Научная статья

УДК 81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-31-38

Имя собственное в контексте теории прецедентности

Елена Юрьевна Позднякова

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова
Барнаул, Россия

helena_poz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению имени собственного с позиций современной теории прецедентности. Прецедентные феномены употребляются в процессе образования наименований коммерческих объектов, поскольку они обладают большой информационной насыщенностью: в каждой такой единице скрыт в свернутом виде целый текст и связанный с ним комплекс ассоциаций. В проанализированном материале были выявлены три основных группы эргонимов, основанных на прецедентных феноменах: онимы, основанные на прецедентных именах, прецедентных высказываниях и названиях художественных произведений (прецедентных текстов). Анализ показал, что прецедентность онима может проявляться на различных уровнях: международном, национально-культурном, социально-культурном и субъективном. Для сферы функционирования имен собственных особенно важным является международный уровень.

Ключевые слова

имя собственное, дискурс, теория прецедентности, дискурсивная теория, прецедентный феномен, прецедентное имя, эргоним

Для цитирования

Позднякова Е. Ю. Имя собственное в контексте теории прецедентности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 31–38. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-31-38

Proper Name in the Context of Precedent Theory

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University
Barnaul, Russian Federation

helena_poz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Abstract

Purpose. The article reviews the proper name from the point of the modern theory of precedent. The usage of precedent phenomena in the creation of ergonyms can be explained by the fact that these units have a large information capacity, often there is a whole text and a corresponding set of associations behind one proper name. Any proper name could potentially have a precedent quality, however the direction of the movement can be different – from the precedent text to a proper name, or from the proper name to a text. The existence of this precedent quality in onyms can be explained by the involvement of the name in the interpretative activity of the addressee. The name acquires in the process of its “real” life stable signs and qualities, which are later assigned to it as components of its meaning.

Results. Three main groups of ergonyms based on precedent phenomena were identified in the analyzed material. There are onyms based on precedent names, precedent statements and precedent texts.

© Позднякова Е. Ю., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 31–38
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 31–38

Conclusion. The analysis showed that the quality of precedent can be manifested in onym in various levels: international, national-cultural, socio-cultural and subjective. The international level is especially important for the functioning of proper names.

Keywords

proper name, discourse, precedent theory, discursive theory, precedent phenomenon, precedent name, ergonym

For citation

Pozdnyakova E. Yu. Proper Name in the Context of Precedent Theory. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 31–38. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-31-38

Введение

На рубеже XX–XXI вв. актуализировались лингвистические исследования, связанные с функционированием прецедентных феноменов в коммуникативных процессах. Одним из первых ученых, обратившихся к их анализу, был Ю. Н. Караулов, определивший прецедентные тексты как «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2003, с. 216]. В дальнейшем список прецедентных феноменов был расширен за счет включения в него понятий «прецедентная ситуация», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя» в исследованиях В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой (см. [Захаренко и др., 1997; Красных, 2002; 2008; Красных и др., 2004] и др.).

Существование прецедентных феноменов объясняется наличием у носителей языка единой когнитивной базы, которая является «ядром» культурного пространства и понимается как «определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных и др., 2004, с. 11]. Когнитивная база существует в языковом сознании и представляет собой лингвокогнитивный план дискурсивной деятельности индивидов, он «обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [Красных, 2002, с. 11]. Что касается собственно лингвистического плана дискурса, то, по мнению ученого, он проявляется в совокупности порожденных текстов и представляет собой дискурс как результат [Там же]. Как отмечает А. В. Кремнева, «прецедентность связана в первую очередь с феноменом сознания, памяти, способами хранения информации в когнитивной базе писателя / читателя и ее роли в кодировании и интерпретации смысла» [Кремнева, 2017, с. 136]. В настоящее время в большинстве работ явление прецедентности рассматривают на материале художественных и публицистических текстов (см., например: [Артемьева, 2016; Кремнева, 1999; Нахимова, 2011]), что объясняется спецификой данного феномена – он «вырастает» из текстов, хорошо известных лингвокультурному сообществу.

В рамках данной статьи нас интересует прежде всего, как прецедентные феномены используются и функционируют в сфере коммерческой номинации. Целью статьи является рассмотрение имени собственного в контексте теории прецедентности. Рассматривая имя собственное в качестве элемента дискурсивной деятельности носителей языка, мы предполагаем, что оно позволяет номинатору – адресанту «сворачивать» текст-дискурс, таким образом кодируя разнообразную информацию, легшую в основу именованного. При восприятии онима адресат выполняет обратное действие – он разворачивает наименование, актуализируя различные смыслы и таким образом декодируя информацию. «Имя собственное в таком случае представляется и как производная, и как производящая единица, способная как вырастать из текстов-дискурсов, в том числе прецедентных, так и порождать новые тексты, имеющие онимический характер, т. е. связанные с референтным значением онима» [Позднякова, 2023,

с. 557]. Данные единицы могут и «вырастать» из прецедентных феноменов, и становиться прецедентными в процессе своего употребления.

Материалом исследования послужили наименования коммерческих предприятий – эргонимы, функционирующие в языковом пространстве города Барнаула (около 1 000 лексических единиц, зафиксированных в электронном справочнике ДубльГИС). Названия предприятий, учреждений, обществ и т. п. А. В. Суперанская относит к собственным именам «независимо от сохранения ими лексического значения апеллятивов, от которых они образованы, потому что это индивидуальные обозначения отдельных единиц, денотат которых определен, что накладывает ограничения на их коннотации» [Суперанская, 2019, с. 198].

Выбор данной группы имен собственных обусловлен тем, что названия коммерческих объектов городского пространства наиболее часто употребляются и в устной речи горожан, и в различных письменных текстах города – на вывесках, рекламных щитах, в специализированных рекламных изданиях, в городской прессе. Эргонимы погружены в городской дискурс, вовлечены в его существование и зачастую становятся основой для создания новых текстов городской среды.

От прецедентного феномена к имени собственному

При образовании коммерческих имен чаще всего используются прецедентные имена и прецедентные тексты. Прецедентный текст ученые рассматривают как (поли)предикативную единицу, это «сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу» [Красных и др., 2004, с. 17]. К числу прецедентных текстов относят произведения художественной литературы, публицистики, тексты песен, рекламы и т. д. В качестве прецедентного имени выступает имя собственное (обычно это антропоним – имя реального или вымышленного персонажа), особенностью которого в процессе употребления является «апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Там же]. К прецедентным высказываниям принадлежат цитаты из текстов различного характера, пословицы и пр. [Там же, с. 18].

В проанализированном материале выявлены наименования, образованные на базе прецедентных имен, прецедентных высказываний и названий художественных произведений (прецедентных текстов). Процесс номинации в этом случае идет от хорошо известных лингвокультурному сообществу прецедентных феноменов путем выделения наиболее важных компонентов их значения к свертыванию до одной лексической единицы (либо словосочетания или лаконичной фразы) в полученном эргониме. Например:

а) наименования, образованные от прецедентных имен: турагентство «*Арго*»; банкетный зал «*Афродита*»; салон ортопедической обуви «*Ахиллес*»; продуктовый магазин «*Гермес*»; торговая сеть «*Дарвин*»; магазин «*Ермак*»; магазин разливных напитков «*Демидовъ*»; ресторан «*Дон Корлеоне*»; ресторан «*Камелот*»; кафе «*Ноев ковчег*»; лаундж-бар «*Онегин*»; ресторан «*Ползуновъ*»; дом-ресторан «*Ясная поляна*»; свадебный салон «*Callipso*»; магазин детских товаров «*Chipollino*»; магазин стильной детской одежды и обуви «*Gulliver*» и др.;

б) наименования, основанные на названиях художественных произведений (прецедентных текстов): туристическое агентство «*Алые паруса*» (название повести А. Грина); ресторан-поэма «*Живые души*» (в названии содержится аллюзия на роман Н. В. Гоголя «Мертвые души», расположен на ул. Гоголя); магазин «*Мастер и маргаритки*» (аллюзия на роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») и др.;

в) наименования, в основу которых легли прецедентные высказывания: винный бар «*In Vino*» (начало латинского выражения «*In vino veritas, in aqua sanitas*» – «Истина – в вине, здоровье – в воде»); рестораб «*По щучьему велению*»; магазин детской и подростковой одежды «*Сто одежек*» и др.

В указанных примерах связь между именем собственным и прецедентным феноменом легко прослеживается. Прецедентность в данном случае используется для привлечения по-

тенциального клиента и, кроме того, для указания на специфику деятельности коммерческого предприятия, например, в таких эргонимах, как турагентство «*Арго*»; салон ортопедической обуви «*Ахиллес*»; магазин детских товаров «*Chipollino*»; винный бар «*In Vino*» и др.

А. В. Кремнева отмечает, что имена собственные, «при их использовании в качестве прецедентных, в значительной степени утрачивают свою референтную соотнесенность и становятся средствами номинации определенных качеств» [Кремнева, 2017, с. 139–140], впоследствии такие имена могут переходить в разряд имен нарицательных. В коммерческой номинации эргонимы, образованные при помощи трансонимизации антропонимов, обладающих признаками прецедентных имен, используются, скорее, как некое широко известное имя, способное привлечь клиента, чем как указание на специфику объекта номинации или его качеств, например: бар «*Уинстон*», клуб-бар «*Che Guevara*», ресторан «*Casanova*» и др.

Как утверждают И. В. Захаренко, В. В. Красных и Д. Б. Гудков, прецедентность может быть выявлена на разных уровнях – международном, национально-культурном, социально-культурном, субъективном, и порождать универсально-, национально- и социумно-прецедентные феномены. Возможно также и существование автопрецедентов, однако В. В. Красных не рассматривает данную категорию как отдельную разновидность прецедентных феноменов, поскольку они либо не отвечают самому определению прецедентных феноменов, либо входят в группу социумно-прецедентных [Красных, 2002, с. 50]. Например:

а) эргонимы, основанные на универсально-прецедентных именах: торгово-развлекательный центр «*Европа*», торговый центр «*Москва*» и др.;

б) эргонимы, образованные от национально-прецедентных феноменов: микрорайон «*Невский*» и магазин «*Александр Невский*» в г. Барнауле, дом-ресторан «*Ясная поляна*» и др.;

в) эргонимы, в основу которых легли социумно-прецедентные феномены (распространенные в определенном регионе или социуме), например, наименования с «сибирской» спецификой: магазин «*Ермак*», ресторан «*Демидовский*», ресторан «*Ползунов*» и др.;

г) эргонимы, основанные на автопрецедентах: субъективный уровень предполагает отражение личностного опыта и фиксацию его в создаваемом ониме, например: фабрика натяжных потолков «*Милана*» названа так в честь дочери владельца; турагентство «*Алладина*», по внешней форме название напоминает имя сказочного героя – Аладдина, однако оно образовано в результате соединения имен двух хозяек – Алла и Дина; и др. Очевидно, что автопрецеденты не могут быть интерпретированы в том же виде, в каком задумывал номинатор, поэтому такие наименования интерпретируются адресатом в соответствии с его личностными смыслами и субъективными ассоциациями.

Для сферы функционирования имен собственных особенно важны международный, национально-культурный и социально-культурный уровни, причем международный уровень, несомненно, превалирует над остальными, что подтверждают многочисленные примеры: турагентство «*Арго*»; банкетный зал «*Афродита*»; салон ортопедической обуви «*Ахиллес*»; продуктовый магазин «*Гермес*»; торговая сеть «*Дарвин*»; ресторан «*Дон Корлеоне*»; ресторан «*Камелот*»; кафе «*Ноев ковчег*»; свадебный салон «*Callipso*»; магазин детских товаров «*Chipollino*»; магазин стильной детской одежды и обуви «*Gulliver*»; бар «*Уинстон*»; клуб-бар «*Che Guevara*»; ресторан «*Casanova*» и мн. др. Довольно редко индивидуально-субъективные прецеденты (автопрецеденты) воплощаются в национально-культурном пространстве и начинают воспроизводиться в дискурсивных практиках говорящих и пишущих.

От имени собственного к прецедентному феномену

Мы полагаем, что любое имя собственное потенциально может обладать свойством прецедентности, однако одни имена вырастают из прецедентных феноменов – текстов, цитат, имен и пр., хорошо знакомых данной лингвокультуре, либо нескольким лингвокультурам, другие же могут приобретать прецедентность в процессе своего функционирования. Появление

ние данного свойства у имен собственных, первоначально не имевших его, можно объяснить включением имени в интерпретационную деятельность адресата, поскольку только в процессе своей «действительной» жизни оним приобретает устойчивые признаки и качества, которые затем закрепляются за ним как компоненты его значения. Л. Г. Ким указывает на то, что «совмещение отражательных (мотивированных) и условных (произвольных) свойств языковых знаков позволяет говорить о символической природе языковых знаков, смысл которых не дан, а лишь задан намеком их внутренней формой, допускающей неоднозначную интерпретацию и бесконечно порождающей новые смыслы» [Ким, 2012, с. 17]. Действительно, если рассматривать имя собственное как свернутый текст или «текст-примитив», то оним предстает как речевой акт номинатора в свернутом виде, который может быть рассмотрен как первая реплика в диалогическом дискурсе, провоцируемом онимом. Движение от онима к прецедентному феномену оказывается возможно, поскольку наименование при восприятии адресатом встраивается в социально-культурный контекст, интерпретируется и приобретает новые смыслы, не всегда адекватные замыслу номинатора.

Возьмем в качестве примера некоторые онимы, которые приобрели прецедентность на разных уровнях, однако изначально данного свойства не имели:

а) международный уровень: корабль «Титаник», кабаре «Мулен Руж», парк развлечений «Дисней-Лэнд» и др.

б) национально-культурный: микрорайон *Черемушки*, *Арбат*, *Рублевка*, *Барвиха* и др.;

в) социально-культурный: магазин «*Мария Ра*», микрорайон *Поток* в г. Барнауле; магазин «*Под штилем*» в г. Барнауле и др.

По мнению А. В. Кремневой, «превращение имен собственных в прецедентные имена происходит в результате их семантического обогащения, суть которого состоит в том, что закрепление за именем собственным определенных качеств, характерных для референта, приводит к расширению семантики имени собственного, к появлению в ней качественных компонентов, именующих эти качества» [Кремнева, 2019, с. 22]. Исследователь утверждает, что имена собственные (антропонимы) обогащаются в концептуальном плане, не только отражая знания об определенной категории объектов, но и ассоциативно соотносясь с прецедентным феноменом, в результате становясь знаками-символами [Там же, с. 22–23]. Мы полагаем, что сказанное справедливо и по отношению к другим группам собственных имен, в частности эргонимам и топонимам.

Имена собственные, с одной стороны, могут быть созданы на основе прецедентных феноменов, а с другой – могут становиться прецедентными в процессе функционирования. Любое имя собственное – эргоним, топоним, антропоним, астионим и пр. – обладает свойством прецедентности. Различие может состоять только в уровне, на котором данное свойство проявляется. Онимы приобретают прецедентность, входя в дискурс и обогащаясь дополнительными оттенками смысла для носителей языка.

Оним в дискурсивной деятельности

Имя собственное являет собой результат номинативной деятельности создателя наименования, заключающейся в свертывании необходимой для него информации и личностных смыслов и образования лаконичной, информационно емкой лексической единицы – онима. Воспринимая наименование, адресат актуализирует в своем сознании всю имеющуюся информацию, все фоновые знания, тексты и высказывания, связанные с именем собственным. Мы утверждаем, что «оним имеет двунаправленные связи с текстом: на этапе создания номинатор “вычерпывает смыслы” из всех актуальных для него текстов (в том числе прецедентных) для создания имени, сворачивая их в лексическую единицу (слово или словосочетание, иногда – предикативную конструкцию), и в готовом виде вводит имя собственное в узус и в ономастическое пространство» [Позднякова, 2022, с. 164].

Имя собственное представляется как речевой акт номинатора, обладающий целенаправленностью, интенциональностью, мотивированностью, который может быть рассмотрен с позиции теории речевых актов как иллокутивный акт, «вынуждающий» адресата вступить в диалог. Адресат «пропускает» каждый такой речевой акт через свои личностные смыслы, оценивая и интерпретируя оним. Как отмечает В. Е. Чернявская, «адресат имеет собственные коммуникативно-прагматические установки, собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариативно) “мерцать” те или иные текстовые смыслы, заложенные в тексте и актуализированные так или иначе субъектом речи» [Чернявская, 2007, с. 311]. Данное утверждение можно отнести и к имени собственному, поскольку наименование мы рассматриваем как свернутый текст-компрессив.

Итак, жизнь имени собственного на всех этапах, начиная от создания и заканчивая появлением новых текстов, напрямую зависит от дискурсивной деятельности носителей языка. По нашему мнению, сколько существует контекстов употребления имени собственного, столько и оттенков смысла может быть у онима. Многие имена собственные приобретают свое значение только в процессе функционирования в дискурсивной деятельности адресатов. Семантика имени собственного носит интегративный характер, поскольку складывается из сосуществующих значений лексемы-онима (энциклопедических, лексических, коннотативных) и разнообразных смыслов, приобретаемых онимом в процессе его функционирования в дискурсивных практиках носителей языка.

Заключение

Имена собственные, таким образом, могут как создаваться на основе прецедентных феноменов, так и приобретать прецедентность в процессе своего функционирования. В проанализированном материале выявлены наименования, образованные на базе прецедентных имен, прецедентных высказываний и названий художественных произведений (прецедентных текстов). Любое имя собственное потенциально обладает свойством прецедентности, при этом направление движения может быть разнонаправленным – от прецедентного текста к ониму либо наоборот. Прецедентность онима может проявляться на различных уровнях: международном, национально-культурном, социально-культурном и субъективном. Для сферы функционирования имен собственных особенно важным является международный уровень.

Имя собственное подлежит интерпретации и развертыванию адресатом в процессе коммуникации. В процессе развертывания оним встраивается в высказывания носителей языка и становится исходной темой разворачивающегося дискурса. При этом происходит обогащение семантики имени за счет личностных смыслов и индивидуальных коннотаций воспринимающего субъекта.

Список литературы

- Артемяева П. С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016. 163 с.
- Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2003. 264 с.
- Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. 3-е изд., испр. и доп. Кемерово, 2012. 272 с.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

- Красных В. В.** Единицы языка vs единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 53–58.
- Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В.** Теоретические положения. Принципы описания // Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Выпуск первый. М.: Гнозис, 2004. С. 7–54.
- Кремнева А. В.** Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Джона Стейнбека): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 153 с.
- Кремнева А. В.** Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. 378 с.
- Кремнева А. В.** Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2019. 42 с.
- Нахимова Е. А.** Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
- Позднякова Е. Ю.** Дискурсивный эксперимент как способ актуализации дискурса онима // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 5. С. 155–166. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.5.14
- Позднякова Е. Ю.** О дискурсивной природе имени собственного // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42, № 3. С. 556–565. DOI 10.52575/2712-7451-023-42-3-556-565
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / Отв. ред. А. А. Реформатский. М.: Либроком, 2019. 366 с.
- Чернявская В. Е.** Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме. К вопросу о градуальном характере текстuality // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2007. № 1. С. 303–314.

References

- Artemieva P. S.** *Pretsedentnye fenomeny kak vyrazitel'noe sredstvo: dialog kul'tur v khudozhestvennom tekste* [Precedent Phenomena as Means of Expression: the Dialogue of Cultures in a Literary Text]. Diss. Cand. Philol. Sci. Saratov, 2016, 163 p. (in Russ.)
- Chernyavskaya V. E.** *Tekst v kognitivno-diskursivnoi paradigme. K voprosu o gradual'nom kharaktere tekstual'nosti* [Text in the Cognitive and Discursive Paradigm. On the Question of the Graduated Nature of Textuality]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta Lingvistikheskikh Issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research], 2007, no. 1, pp. 303–314. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N.** *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka, 2003, 264 p. (in Russ.)
- Kim L. G.** *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variative and Interpretative Functioning of a Text]. 3rd ed. Kemerovo, 2012, 272 p. (in Russ.)
- Krasnykh V. V.** *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologia: kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and Linguaculturology: a Course of Lectures]. Moscow, Gnozis, 2002, 284 p. (in Russ.)
- Krasnykh V. V.** *Edinitsy yazyka vs edinitsy diskursa i lingvokul'tury (k voprosu o statuse pretsedentnykh fenomenov i stereotipov)* [Units of Language vs Units of Discourse and Linguo-culture (on the Status of Precedent Phenomena and Stereotypes)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2008, no. 7, pp. 53–58. (in Russ.)

- Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V.** Teoreticheskie polozhenia. Printsipy opisaniya. [Theoretical Statements. The Principles of Description]. In.: Russkoe kulturnoe prostranstvo: lingvokulturologicheskii slovar' [Russian Cultural Space: Linguacultural Dictionary]. Moscow, Gnozis, 2004, pp. 7–54. (in Russ.)
- Kremneva A. V.** Funktsionirovanie bibleiskogo mifa kak pretsedentnogo teksta (na materiale proizvedenii Jona Steinbeka) [The Functioning of the Biblical Myth as a Precedent Text (Based on the Works of John Steinbeck)]. Diss. Cand. Philol. Sci. Barnaul, 1999, 153 p. (in Russ.)
- Kremneva A. V.** Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodeistviya v semioticheskom prostranstve kultury [Intertextuality as one of the Forms of Intertextual Interaction in the Semiotic Space of Culture]. Barnaul, AltSTU Press, 2017, 378 p. (in Russ.)
- Kremneva A. V.** Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodeistviya: kognitivno-semioticheskii aspekt [Intertextuality as one of the Forms of Intertextual Interaction: Cognitive and Semiotic Aspects]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Barnaul, 2019, 42 p. (in Russ.)
- Nakchimova E. A.** Pretsedentnye onimy v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii: teoria i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya [Precedent Onyms in the Contemporary Russian Communication: Theory and Methodics of Cognitive and Discourse Analysis]. Yekaterinburg, USPU Press, 2011, 276 p. (in Russ.)
- Pozdnyakova E. U.** Diskursivnyi eksperiment kak sposob aktualizatsii diskursa onima [Discursive Experiment as a Method of Onym Discourse Actualization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 5, pp. 155–166. (in Russ.) DOI 10.15688/jvolsu2.2022.5.14
- Pozdnyakova E. U.** O diskursivnoi prirode imeni sobstvennogo [On the Discursive Nature of the Proper Name]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], 2023, vol. 42, no. 3, pp. 556–565. (in Russ.) DOI 10.52575/2712-7451-023-42-3-556-565
- Superanskaya A. V.** Obshchaya teoria imeni sobstvennogo [The General Theory of the Proper Name]. Ed. by A. A. Reformatsky. Moscow, Librocom Publ., 2019, 366 p. (in Russ.)
- Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V.** Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov [Precedent Name and Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena]. In: Krasnykh V. V., Izotov A. I. (eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]: Coll. of articles. Moscow, Filologiya Publ., 1997, iss. 1, pp. 82–103. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Юрьевна Позднякова, кандидат филологических наук, доцент
WoS Researcher ID JRY-1383-2023

Information about the Author

Elena Yu. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
WoS Researcher ID JRY-1383-2023

Статья поступила в редакцию 05.08.2022;
одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 22.03.2023
The article was submitted on 05.08.2022;
approved after reviewing on 20.03.2023; accepted for publication on 22.03.2023

Научная статья

УДК 81.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-39-55

Методы машинного обучения для анализа морфологических и лексических особенностей речи мальчиков с расстройствами аутистического спектра и синдромом Дауна

Олеся Владимировна Махныткина¹

Ольга Владимировна Фролова²

Елена Евгеньевна Ляксо³

¹ Университет ИТМО
Санкт-Петербург, Россия

^{2,3} Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ makhnytkina@itmo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8992-9654>

² olchel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6293-009X>

³ lyakso@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6073-0393>

Аннотация

Предлагается подход к выявлению различий в речи мальчиков с типичным развитием (ТР), расстройствами аутистического спектра (РАС) и синдромом Дауна (СД) на основе сравнения морфологических и лексических характеристик их речи. В рамках исследования были интервьюированы 69 детей. Для каждой реплики ребенка выделено по 45 лингвистических признаков. На основании критерия Манна – Уитни выявлены различия между детьми с ТР и РАС, детьми с ТР и СД по 31 лингвистическому признаку, между детьми с РАС и СД по 15 признакам. Эти признаки были использованы для построения классификационных моделей методами машинного обучения. Выявленные признаки показали хорошую разделяющую способность, была достигнута точность классификации диалогов равная 88 %.

Ключевые слова

детская речь, лингвистические признаки, машинное обучение, расстройства аутистического спектра, синдром Дауна

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект RSF-DST № 22-45-02007)

Для цитирования

Махныткина О. В., Фролова О. В., Ляксо Е. Е. Методы машинного обучения для анализа морфологических и лексических особенностей речи мальчиков с расстройствами аутистического спектра и синдромом Дауна // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 39–55. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-39-55

Machine Learning Methods for Analyzing Morphological and Lexical Characteristics of Speech of Boys with Autism Spectrum Disorders and Down Syndrome

Olesia V. Makhnytkina¹, Olga V. Frolova², Elena E. Lyakso³

¹ ITMO University
St. Petersburg, Russian Federation

^{2,3} St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ makhnytkina@itmo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8992-9654>

² olchel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6293-009X>

³ lyakso@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6073-0393>

Abstract

Purpose. In this paper, we propose an approach to identifying significant differences in the speech of typically developing boys (TD), boys with Autism Spectrum Disorder (ASD) and Down syndrome (DS) based on a comparison of morphological and lexical characteristics of their speech. The linguistic characteristics were extracted automatically using the morphological analyzer pymorphy2. Sixty nine boys were interviewed. In total, 45 linguistic features were extracted from each dialogue.

Results. The Mann – Whitney U test was used for assessing the differences in linguistic features of speech, and differences were identified for 31 linguistic features of speech of boys with TD and with ASD, 31 linguistic features of speech of boys with TD and with DS, and 15 linguistic features of speech of boys with ASD and with DS. These features were used to build classification models using machine learning methods: gradient boosting, random forest, and AdaBoost algorithm. The identified features showed good separability, and the accuracy of the classification of the dialogues of boys with typical development, autism spectrum disorders and Down syndrome equal to 88 % was achieved.

Keywords

children's speech, linguistic features, machine learning, autism spectrum disorder, Down syndrome

Acknowledgements

The study was funded by Russian Science Foundation (project RSF-DST no. 22-45-02007)

For citation

Makhnytkina O. V., Frolova O. V., Lyakso E. E. Machine Learning Methods for Analyzing Morphological and Lexical Characteristics of Speech of Boys with Autism Spectrum Disorders and Down Syndrome. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 39–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-39-55

Введение

Изучение речи как сложно организованной системы требует использования разных подходов. Традиционно вопросами строения языка, порождением и пониманием языковых высказываний, социальной вариативностью занимается лингвистика. В каждом конкретном случае, в зависимости от изучаемых аспектов лингвистики, анализируются определенные признаки речевых высказываний, например, графематические, лексико-морфологические. Большее число исследований посвящено лингвистике речи типично развивающихся (ТР) детей [Елисеева, 2015]. Для детей с атипичным развитием (АР), воспитывающихся в русскоязычной среде, такие исследования немногочисленны и посвящены изучению грамматических и лексических особенностей речи детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) и синдромом Дауна (СД) [Ляксо, Фролова, 2017; Городный, Ляксо, 2018; Николаев и др., 2019; Ляксо и др., 2020].

Согласно Международной классификации болезней (<http://mkb-10.com>) расстройства аутистического спектра определены как «группа расстройств, характеризующихся качественными отклонениями в социальных взаимодействиях и показателях коммуникабельности,

а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся комплексом интересов и действий». Множественная симптоматика нарушений информантов с РАС объединена в «аутистическую триаду» [Kanner, 1943]. Степень выраженности аутистических расстройств и возраст проявления симптоматики, характерной для РАС, индивидуальны [Wing, 1993].

Речевое развитие детей с РАС варьирует от хорошо сформированной речи у высокофункциональных аутистов [Grossman et al., 2013] до использования отдельных вокализаций. Речь детей с РАС представлена в основном вокализациями, отдельными словами и короткими простыми фразами [Tek et al., 2014; Lyakso, Frolova, 2016]. Они имеют более бедный, по сравнению со сверстниками с ТР, лексикон и испытывают затруднения при построении предложений. В их лексике преобладают существительные [Tek et al., 2014], отмечается своеобразное словоупотребление, в частности использование слов в неправильном значении. Дети с РАС отличаются от детей с ТР по использованию личных [Mazzaggio, Shield, 2020] и предметных местоимений [Terzi et al., 2019].

Синдром Дауна (СД, трисомия по хромосоме 21) – одна из форм геномной патологии. Проявления СД представлены обширным спектром нарушений: психических – снижением умственного развития, задержкой речевого развития; морфо-анатомических – замедленным ростом, патологией речевого аппарата, мышечной гипотонией [Лебединский, 2003]. Когнитивные и физические нарушения у детей варьируют от легких до тяжелых. Особенности речи детей с СД обусловлены анатомо-функциональными особенностями строения речевого аппарата ребенка и уровнем когнитивного развития.

Картина нарушений речевого развития детей с СД индивидуальна [Cleland et al., 2010]. Показано, что дети с СД имеют меньшую длину высказываний по сравнению с детьми с ТР, их речь обладает плохой разборчивостью, которая улучшается в подростковом периоде. Дети могут четко произносить отдельные слова и фразы, состоящие из одного-двух слов, но их беглая и развернутая речь – неразборчива [Kumin, 2003]. На материале английского языка показано, что дети с СД чаще, чем дети с ТР, используют устойчивые словосочетания и произносят больше глаголов, чем существительных [Hessling, Brimo, 2019]. На материале немецкого языка у детей с СД отмечены трудности с глагольным словоизменением: образованием форм прошедшего времени [Penke, 2019], согласованием сказуемого в лице и числе с подлежащим [Penke, 2018].

Анализ частей речи, используемых русскоязычными детьми 6–7 лет, показал, что дети с ТР используют в речи преимущественно существительные и глаголы, дети с РАС и с СД – частицы и вокализации. Дети с РАС реже употребляют глаголы, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, предлоги и союзы по сравнению со сверстниками с ТР. Для детей с СД обнаружена достоверно меньшая частота употребления глаголов, местоимений, прилагательных, наречий, числительных, предлогов и союзов, чем для детей с ТР [Городный, Ляксо, 2018]. Фонетический анализ показал в речи детей с РАС нетипичные для русского языка фонемы, несформированность некоторых групп согласных и замены согласных [Николаев и др., 2019]. Во всех представленных исследованиях лингвистический анализ речи детей проводили вручную.

В настоящее время широко обсуждается возможность использования автоматического распознавания психоневрологического состояния ребенка по его речи в качестве одного из методов дополнительной диагностики [Fusaroli et al., 2017; Matveev et al., 2021]. Создается большое количество мобильных приложений для детей, в том числе с АР [Adamu et al., 2019]. Внедрение автоматической классификации речи детей с ТР и АР в такие приложения позволит адаптироваться под пользователя. Для автоматической классификации речи детей используются как звучащая речь, так и тексты.

Исследователи выделяют акустические признаки, которые позволяют классифицировать детей на две группы – РАС / ТР [Fusaroli et al., 2017], и ставят задачу определения специфических акустических признаков, позволяющих отличить речь детей с РАС от речи детей

с другими диагнозами – умственной отсталостью, смешанными специфическими расстройствами психологического развития, СД [Lyakso et al., 2018; Matveev et al., 2021].

В работе [Cho et al., 2019] впервые была показана возможность совместного применения лингвистических и акустических признаков для автоматического определения методами машинного обучения аутистических расстройств по речи ребенка, ранее в работах рассматривались только акустические признаки [Pokorny et al., 2017]. На материале русского языка работы по автоматической классификации речи детей с использованием лингвистических признаков отсутствуют.

Целью исследования явилась автоматическая классификация речи типично развивающихся детей, детей с расстройствами аутистического спектра и с синдромом Дауна по специфическим лингвистическим признакам с использованием методов машинного обучения.

Методика исследования

Набор данных

В исследовании использовался оригинальный набор данных, содержащий диалоги экспериментатора с детьми с ТР, СД и РАС. В выборку включен речевой материал 69 мальчиков в возрасте от 8 до 11 лет (табл. 1). Выбор речевого материала мальчиков обусловлен большей частотой проявления аутистических расстройств у лиц мужского пола, чем женского [Nicholas et al., 2008]. Выбор возраста информантов связан с тем, что дети обладают достаточными вербальными навыками для общения с другими людьми. Все дети посещали школу (дети с ТР – общеобразовательную, дети с РАС и СД – коррекционную школу VIII вида). Уровень речевого развития детей с РАС и СД предполагал возможность использования ими отдельных слов и фраз. Диагноз детям с РАС был подтвержден детским психиатром СПбГПМУ. Для оценки степени выраженности аутистических расстройств использовали шкалу CARS (Childhood Autism Rating Scale) [Shopler et al., 1980]. В исследовании приняли участие дети с РАС, имеющие баллы по шкале CARS 31–42 (31–37 – средняя степень; 38–60 – тяжелая форма РАС, дети с высокофункциональным аутизмом не включены в исследование). По баллам вербального развития по шкале CARS все дети с РАС не различались.

Таблица 1

Число детей каждого возраста, принявших участие в исследовании

Table 1

Number of children of each age who took part in the study

Диагноз	Возраст, лет				Всего
	8	9	10	11	
ТР	5	5	5	5	20
РАС	8	10	5	12	35
СД	4	2	4	4	14
Всего	17	17	14	21	69

Запись речи детей производили в условиях школы, лаборатории и детского центра в стандартизированных условиях в модельной ситуации «диалог с экспериментатором». Диалог включал стандартный набор вопросов о семье, друзьях, прогулках, любимых занятиях, школе. Экспериментатор чередовал общие и специальные вопросы, чтобы создать впечатление естественного взаимодействия. Стратегия экспериментатора основана на максимальном привлечении внимания ребенка, речь и поведение взрослого эмоциональны, но регламентированы дизайном эксперимента. Диалоги с детьми с РАС и СД осуществляли в присутствии родителей.

Для записи речевого материала использована профессиональная аппаратура: магнитофон «Marantz PMD660» с выносным микрофоном «Sennheiser e835S». Расстояние от лица ребенка до микрофона составляло 30–50 см. Параллельно с аудиозаписью осуществляли видеозапись поведения детей на камеру «Sony HDR-CX560». Речевые файлы сохраняли в формате Windows PCM WAV, 44 100 Гц, 16 бит; видеофайлы – в формате AVI.

Транскрибирование диалогов осуществлялось экспертами – специалистами в области изучения детской речи. В рамках исследования анализировали только реплики детей.

В наборе данных содержится 69 файлов с репликами детей из диалогов. Описательные характеристики набора данных представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описание набора данных

Table 2

Description of the dataset

Признаки	ТР	СД	РАС
Количество реплик	834	1 173	2 550
Количество предложений	1 105	1 206	2 930
Количество токенов	5 319	1 737	5 348

Методы машинного обучения

С целью определения возможности использования методов машинного обучения для задачи классификации речи детей с ТР, СД и РАС проведено данное исследование. На первом этапе проводились исследование и отбор лингвистических признаков, отражающих особенности речи детей с ТР, РАС и СД. Для выявления особенностей речи использовался лексический, морфологический и частотный анализ. На втором этапе исследования осуществлялся выбор значимых признаков для решения задачи классификации речи детей. Выбор значимых признаков является важным этапом, так как универсального набора признаков не существует, и для различных задач классификации речи набор может существенно отличаться. На третьем этапе исследования осуществлялся выбор метода машинного обучения для решения задачи классификации речи детей.

Лексический анализ – первичный этап в процессе автоматической обработки текстов на естественном языке. Основной задачей лексического анализа является выделение структурных единиц из входного текста, а именно предложений, абзацев, слов (токенов), знаков препинания и т. д. Транскрибирование реплик детей производилось вручную, что позволило выделить паузы в речи, используя знаки пунктуации (...). Деление текста на предложения производили по стандартным правилам, если последовательность слов заканчивается такими знаками препинания, как точка, вопросительный знак, восклицательный знак. В соответствии с разметкой использовали правило: если последовательность слов заканчивается паузой (...) и далее текст начинается с прописной буквы, то производится деление на предложения; если последовательность слов заканчивается паузой (...) и далее текст начинается со строчной буквы, то деления на предложения нет.

Пример:

Ну, нравятся ... Но математика лучше нравится. – 2 предложения

Количество пауз рассчитывали на основании расчета количества вхождений последовательности символов «...» в тексте, при этом учитывали паузы после неоконченных слов.

Пример:

Больш... Большие такие как бы, красивые. – 1 пауза

Количество неоконченных слов рассчитывали на основе последовательности букв, не являющихся конечным словом, и наличием паузы после него (...).

Пример:

Больш... Большие такие как бы, красивые. – 1 неоконченное слово

Таким образом, после проведения лексического анализа были извлечены следующие признаки:

- 1) количество предложений в репликах респондента в диалоге;
- 2) количество пауз во всех репликах респондента в диалоге;
- 3) среднее количество пауз в реплике респондента в диалоге;
- 4) количество неоконченных слов во всех репликах респондента в диалоге;
- 5) среднее количество неоконченных слов в реплике респондента в диалоге;
- 6) среднее количество токенов в предложении респондента в диалоге;
- 7) среднее количество токенов в реплике респондента в диалоге.

Морфологический анализ текстов с использованием библиотеки *rumorphy2* можно проводить в двух режимах: 1) простым поиском по словарю *OpenCorpora*; 2) простым поиском с использованием словаря и предсказателем на основе правил для незнакомых слов. В библиотеке *rumorphy2* реализована возможность не только разбирать словарные слова, но и для несловарных слов автоматически задействовать предсказатель. В документации разработчики приводят пример: «Например, попробуем разобрать слово “бутявковедами” – *rumorphy2* поймет, что это форма творительного падежа множественного числа существительного “бутявковед” и что “бутявковед” – одушевленный и мужского рода».

Для формирования частотного словаря лексики детей осуществлялась лемматизация, (приведения словоформы к лемме – ее нормальной (словарной) форме). В русском языке нормальными формами считаются следующие морфологические формы: для существительных – именительный падеж, единственное число; для прилагательных – именительный падеж, единственное число, мужской род; для глаголов, причастий, деепричастий – глагол в инфинитиве несовершенного вида.

После проведения морфологического анализа были вычислены относительные частоты употребления следующих частей речи для каждого ребенка:

- 1) имя прилагательное (полное) – ADJF;
- 2) имя прилагательное (краткое) – ADJS;
- 3) наречие – ADVB;
- 4) компаратив – COMP;
- 5) союз – CONJ;
- 6) глагол (инфинитив) – INFN;
- 7) междометие – INTJ;
- 8) несуществующее слово – None;
- 9) имя существительное – NOUN;
- 10) местоимение-существительное – NPRO;
- 11) числительное – NUMR;
- 12) частица – PRCL;
- 13) предикатив – PRED;
- 14) предлог – PREP;
- 15) причастие (краткое) – PRTS;
- 16) глагол (личная форма) – VERB.

Оценка употребления позитивных и негативных слов проводилась с использованием тонального словаря *LinisCrowd 2015* (<http://linis-crowd.org/>). Для каждого диалога составляли список тональных слов и вычисляли среднее, максимальное, минимальное, суммарное значения тональности слов, количество позитивных и негативных слов.

Для выбора значимых признаков проводилась проверка гипотезы о различии двух независимых выборок по уровню выраженности изучаемого признака. Оценка нормальности распределения признаков с использованием теста Колмогорова – Смирнова показала, что выборка не происходит из нормального распределения. Так как количество наблюдений каждого класса достаточно мало, то для проверки гипотезы о различии двух независимых выборок по уровню выраженности изучаемого признака использовали критерий U Манна – Уитни. На втором этапе формировали набор данных с признаками, имеющими различия на уровне значимости 0,05.

Для подтверждения гипотезы о значимости различий значений лингвистических признаков решалась задача классификации диалогов на основе использования классических методов машинного обучения, с учетом наличия или отсутствия диагноза у детей. В качестве базового метода рассматривался градиентный бустинг (Gradient Boosted Decision Trees), который показал хорошие результаты при решении задачи классификации текстов детей с ТР и РАС [Cho et al., 2019]. Градиентный бустинг представляет собой ансамбль деревьев решений, обучение которых происходит последовательно. С целью повышения качества классификации рассматриваются другие ансамбли моделей на основе деревьев решений: случайный лес (Random Forest), алгоритм AdaBoost. Для оценивания обобщающей способности рассмотренных алгоритмов классификации использовался метод кросс-валидации LeaveOneOut. Все рассматриваемые методы реализованы с использованием библиотеки scikit-learn в Python¹.

Результаты исследования

Морфологический анализ текста позволил выявить наиболее частотные слова в речи детей с ТР, РАС и СД. Значительная часть наиболее употребительных слов относится к группе функциональных (предлоги, местоимения, артикли и союзы), которые обозначают отношения между словами, но сами не несут почти никакой смысловой нагрузки. В результате исключения из анализа функциональных слов (ADVB – наречие, CONJ – союз, INTJ – междометие, None – несуществующее, NPRO – местоимение-существительное, PRCL – частица, PRED – предикатив, PREP – предлог) получен словарь частотной лексики (табл. 3).

Для транскрипций реплик детей с ТР предсказатель позволял провести полный морфологический анализ большего числа слов, так как часть слов, имеющих в нашей повседневной речи, в словаре отсутствовала:

универ – существительное, неодушевлённое, единственное число.

Для транскрипций диалогов детей с атипичным развитием с использованием предсказателя были получены неоднозначные результаты:

люиай – глагол, несовершенный вид, говорящий не включен в действие, повелительное наклонение, единственное число.

Далее в исследовании морфологический анализ проводился только на основе словаря (первый режим морфологического анализа). Частично несуществующим словам создателями набора данных были поставлены в соответствие слова из словаря, и статистический анализ употребления частей речи проводился на основе морфологического разбора слова из словаря:

здрасьте = здравствуйте – глагол, множественное число, несовершенный вид, говорящий не включен в действие.

¹ <https://scikit-learn.org/stable/>.

Таблица 3

Частотность 10 слов,
наиболее часто встречающихся в лексиконе детей

Table 3

Frequency of the 10 words
most frequently found in children's vocabulary

Диагноз	ТОП-10			
	слов		после удаления функциональных слов	
ТР	ну	213	все	52
	да	188	люблю	37
	и	174	нравится	29
	в	152	больше	20
	там	128	три	18
	я	109	хожу	15
	не	102	такие	15
	на	91	знаю	15
	а	81	один	14
	это	79	русский	14
СД	да	149	мама	32
	нет	83	стой	14
	не	38	коза	9
	там	32	тигр	9
	мама	32	пантера	8
	и	23	волк	8
	ыыы	22	лев	8
	а	22	морковка	7
	это	21	мой	7
	кто	19	медведь	7
РАС	да	342	мама	40
	а	120	папа	37
	это	102	тигр	31
	не	97	один	24
	я	79	три	19
	и	79	два	18
	ну	67	знаю	17
	угу	64	кот	16
	нет	59	улыбается	15
	что	55	хочет	14
			мальчик	14

Среди признаков по результатам морфологического анализа однородными оказались только относительные частоты основных частей речи в репликах детей с ТР: прилагательное, наречие, существительное, частица, глагол.

Частотный анализ: для наиболее употребляемых частей речи (имя существительное, глагол) определены граммы по следующим категориям, принятым в OpenCorpora (<http://opencorpora.org/dict.php?act=gram>):

1. категория одушевленности (animacy):
 - 1.1. anim – одушевленное;

- 1.2. inan – неодушевленное;
2. число (number):
 - 2.1. sing – единственное число;
 - 2.2. plur – множественное число;
3. категория вида:
 - 3.1. perf – совершенный вид;
 - 3.2. impf – несовершенный вид;
4. категория совместности (involvement):
 - 4.1. incl – говорящий включен (идем, идемте);
 - 4.2. excl – говорящий не включен в действие (иди, идите);
5. категория наклонения:
 - 5.1. Indc – изъявительное наклонение;
 - 5.2. Impr – повелительное наклонение;
6. категория лица (у глаголов будущего и настоящего времени):
 - 6.1. 1per – 1 лицо;
 - 6.2. 2per – 2 лицо;
 - 6.3. 3per – 3 лицо;
7. категория времени (кроме повелительно наклонения):
 - 7.1. pres – настоящее время;
 - 7.2. past – прошедшее время;
 - 7.3. futr – будущее время.

В тональном словаре для каждого слова определена его тональная оценка, например, для слова «лгать» тональная оценка равна 1,67, а для слова «мягкий» – 0,5. Показано, что позитивные слова преобладают в речи детей с ТР, негативные – в речи детей с СД. Выявлены значимые различия в речи детей с ТР и детей с РАС и СД на уровне лексических и морфологических признаков (табл. 4).

Таблица 4

Особенности в речи детей с типичным и атипичным развитием

Table 4

Features in the speech of children with typical and atypical development

Категория		ТР	СД	РАС
Количество реплик	ТР		+	–
	СД	+		–
	РАС	–	–	
Количество предложений	ТР		+++	+++
	СД	+++		–
	РАС	+++	–	
Среднее количество предложений в 1 реплике	ТР		++++	++++
	СД	++++		+++
	РАС	++++	+++	
Среднее количество токенов в реплике	ТР		++++	++++
	СД	++++		+++
	РАС	++++	+++	
Среднее количество токенов в предложении	ТР		++++	++++
	СД	++++		++++
	РАС	++++	++++	

Продолжение табл. 4

Категория		ТР	СД	РАС
Количество пауз	ТР		+***	—
	СД	+***		+
	РАС	—	+	
Количество неоконченных слов	ТР		—	+
	СД	—		—
	РАС	+	—	
ADJF	ТР		+***	+
	СД	+		+
	РАС	+	+	
ADJS	ТР		+	—
	СД	+		—
	РАС	—	—	
ADVB	ТР		+***	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	
COMP	ТР		+***	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	
CONJ	ТР		+***	+
	СД	+		+
	РАС	+	+	
INFN	ТР		+***	+
	СД	+		+
	РАС	+	+	
INTJ	ТР		+***	+
	СД	+		+
	РАС	+	+	
None	ТР		+***	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	
NPRO	ТР		+***	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	
NUMR	ТР		+***	+
	СД	+		+
	РАС	+	+	
PRCL	ТР		+	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	
PREP	ТР		+***	+
	СД	+		+
	РАС	+	+	
VERB	ТР		+***	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	

Продолжение табл. 4

Категория		ТР	СД	РАС
NOUN_plur	ТР		+***	+***
	СД	+***		—
	РАС	+***	—	
NOUN_sing	ТР		***	+***
	СД	***		—
	РАС	+***	—	
NOUN_anim	ТР		—	***
	СД	—		—
	РАС	***	—	
NOUN_anim	ТР		—	***
	СД	—		—
	РАС	***	—	
NOUN_inan	ТР		+	***
	СД	+		—
	РАС	***	—	
VERB_plur	ТР		+***	***
	СД	+***		—
	РАС	***	—	
VERB_impf	ТР		+***	+
	СД	+***		—
	РАС	+	—	
VERB_excl	ТР		—	—
	СД	—		+
	РАС	—	+	
VERB_None	ТР		+***	+
	СД	+***		***
	РАС	+	***	
VERB_impr	ТР		—	—
	СД	—		+
	РАС	—	+	
VERB_indc	ТР		+***	+
	СД	+***		***
	РАС	+	***	
VERB_past	ТР		+***	***
	СД	+***		+
	РАС	***	+	
VERB_pres	ТР		+	+
	СД	+		—
	РАС	+	—	
VERB_1per	ТР		+***	+***
	СД	+***		—
	РАС	+***	—	

Окончание табл. 4

Категория		ТР	СД	РАС
Максимальное значение тональности слов	ТР		***	+
	СД	***	—	—
	РАС	+	—	—
Количество позитивных слов	ТР	—	+	+
	СД	+	—	—
	РАС	+	—	—

Условные обозначения: минус (–) – нет различий; плюс (+) – есть различия; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Значимые различия выявлены на уровне лексических и морфологических признаков. По большинству критериев наблюдаются различия между речью детей с ТР и детей с СД, детей с ТР и детей с РАС. Значимые различия между речью детей с РАС и детей с СД выявлены для признаков: среднее количество предложений в одной реплике; среднее количество токенов в реплике; среднее количество токенов в предложении; доля союзов, междометий, глаголов; доля глаголов повелительного и изъявительного наклонения; доля глаголов, обозначающих, что говорящий не включен в действие.

С использованием значимых признаков проведены эксперименты по построению классификационных моделей, позволяющих по репликам из диалогов определять принадлежность реплики ребенку с ТР, СД, РАС. Результаты экспериментов представлены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты классификации диалогов детей

Table 5

Results of classification of children's dialogues

Метод	Диагноз	Точность / precision	Полнота / recall	F1-мера	Точность / accuracy
Градиентный бустинг	ТР	0,89	0,80	0,84	0,75
	СД	0,60	0,64	0,62	
	РАС	0,75	0,77	0,76	
Случайный лес	ТР	0,90	0,95	0,93	0,88
	СД	0,91	0,71	0,80	
	РАС	0,86	0,91	0,89	
AdaBoost	ТР	0,90	0,95	0,93	0,83
	СД	0,67	0,71	0,69	
	РАС	0,85	0,80	0,82	
Базовая модель	ТР	0,71	0,86	0,78	0,76
	РАС	0,82	0,66	0,73	

Использование метода «случайный лес» для предсказания меток классов позволило достичь точности 88 %. В результате 95 % диалогов детей с ТР были правильно классифицированы (19 из 20, один диалог был отнесен к РАС). Для детей с атипичным развитием правильно классифицированы 71 % диалогов детей с СД (11 из 14, 3 диалога были отнесены к РАС), 91 % диалогов детей с РАС (31 из 35, 2 диалога были отнесены к диалогу детей с ТР).

и 2 – к диалогу детей с СД). Результаты экспериментов значительно превышают базовый уровень [Cho et al., 2019]. Однако это может быть связано, в том числе, с разной степенью тяжести РАС у детей в нашем эксперименте и экспериментах коллег. Полученное решение также превышает результаты, опубликованные в работе [Makhnytka et al., 2021], за счет рассмотрения новых морфологических признаков и тональностей слов.

Заключение

В статье представлены результаты пилотного исследования различий в речи мальчиков с ТР, СД и РАС с использованием методов машинного обучения. Выявлены лингвистические особенности диалогов детей с типичным и атипичным развитием. Из 45 рассматриваемых признаков 36 являются различительными для изучаемых групп. В среднем значения значимых лингвистических признаков диалогов детей с РАС находятся между значениями признаков для диалогов детей с ТР и детей с СД. Подход на основе использования классификатора «случайный лес» позволил добиться точности классификации диалогов в 88 %, при этом наилучшее качество было достигнуто для диалогов детей с типичным развитием (accuracy = 95 %) и детей с РАС (accuracy = 91 %), а наихудшее – для детей с СД (accuracy = 71 %). В ряде исследований, например [Cho et al., 2019], было показано, что для повышения точности классификации диалогов детей с типичным и атипичным развитием полезным является объединение аудио- и текстовой модальности. В дальнейшем мы планируем проанализировать речевой материал детей с другими типами нарушений развития для уточнения и подтверждения специфичности выявленных в данном исследовании различий между группами детей и провести эксперименты по мультимодальному (текстовые и аудиоданные) распознаванию состояний детей, что может улучшить качество классификационных моделей.

Список литературы

- Городный В. А., Ляксо Е. Е. Характеристика речи детей 6–7 лет с расстройствами аутистического спектра и синдромом Дауна // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, № 2. С. 22–37.
- Елисеева М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: ЯСК, 2015. 344 с.
- Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте. М.: Академия, 2003. 140 с.
- Ляксо Е. Е., Фролова О. В., Гречаный С. В., Матвеев Ю. Н., Верхоляк О. В., Карпов А. А. Голосовой портрет ребенка с типичным и атипичным развитием: Монография. СПб.: Изд.-полигр. ассоциация высших учебных заведений, 2020. 204 с.
- Ляксо Е. Е., Фролова О. В. Анализ текстов речи «взрослый – ребенок», «взрослый – взрослый» при нормальном и атипичном развитии информантов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Т. 2. С. 20–47.
- Николаев А. С., Фролова О. В., Городный В. А., Ляксо Е. Е. Характеристика ответных реплик детей 5–11 лет с расстройствами аутистического спектра в диалогах со взрослыми // Вопросы психолингвистики. 2019. Т. 4, № 42. С. 92–105.
- Adamu A. S., Abdullahi S. E., Aminu R. K. A Survey on Software Applications use in Therapy for Autistic Children // 15th International Conference on Electronics, Computer and Computation (ICECCO). 2019. P. 1–4. DOI 10.1109/ICECCO48375.2019.9043237
- Cho S., Liberman M., Ryant N., Cola M., Schultz R. T., Julia Parish-Morris J. Automatic detection of Autism Spectrum Disorder in children using acoustic and text features from brief natural conversations // Proc. Interspeech 2019: 20th Annual Conference of the International Speech Communication Association. 2019. P. 2513–2517. DOI 10.21437/Interspeech.2019-1452

- Cleland J., Wood S., Hardcastle W., Wishart J., Timmins C.** Relationship between speech, oromotor, language and cognitive abilities in children with Down's syndrome // *International Journal of Language and Communication Disorders*. 2010. Vol. 45 (1). P. 83–95.
- Fusaroli R., Lambrechts A., Bang D., Bowler D. M., Gaigg S. B.** Is Voice a Marker for Autism Spectrum Disorder? // *A Systematic Review and Meta-Analysis*. *Autism Research*. 2017. Vol. 10. P. 384–407.
- Grossman R. B., Edelson L. R., Tager-Flusberg H.** Emotional facial and vocal expressions during story retelling by children and adolescents with high-functioning autism // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2013. Vol. 56 (3). P. 1035–1044.
- Hessling A., Brimo D. M.** Spoken fictional narrative and literacy skills of children with Down syndrome // *Journal of Communication Disorders*. 2019. Vol. 79. P. 76–89. DOI 10.1016/j.jcomdis.2019.03.005
- Kanner L.** Autistic disturbances of affective contact // *Nervous Child*. 1943. Vol. 2. P. 217–250.
- Kumin L.** Early communication skills for children with Down syndrome: A guide for parents and professionals. Bethesda, MD: Woodbine House, 2003. 391 p.
- Lyakso E., Frolova O.** Speech features of typically developing children and children with autism spectrum disorders. In: Abstract book. BIT's 7th Annual World Congress of Neurotalk – 2016. Innovation of Neuroscience. 2016.
- Lyakso E., Frolova O., Karpov A.** A New Method for Collection and Annotation of Speech Data of Atypically Developing Children // *International Conference on Sensor Networks and Signal Processing (SNSP)*. 2018. P. 175–180. DOI 10.1109/SNSP.2018.00040
- Makhnytkina O. V., Grigorev A., Nikolaev A.** Analysis of dialogues of typically developing children, children with Down syndrome and ASD using machine learning methods // *Lecture Notes in Computer Science*. 2021. P. 397–406. DOI 10.1007/978-3-030-87802-3_36.
- Matveev Y., Matveev A., Frolova O., Lyakso E.** Automatic Recognition of the Psychoneurological State of Children: Autism Spectrum Disorders, Down Syndrome, Typical Development // *Speech and Computer. SPECOM 2021. Lecture Notes in Computer Science*. 2021. Vol. 12997. P. 417–425. DOI 10.1007/978-3-030-87802-3_38
- Mazzaggio G., Shield A.** The Production of Pronouns and Verb Inflections by Italian Children with ASD: A New Dataset in a Null Subject Language // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2020. Vol. 50. P. 1425–1433. DOI 10.1007/s10803-019-04349-7
- Nicholas J. S., Charles J. M., Carpenter L. A., King L. B., Jenner W., Spratt E. G.** Prevalence and characteristics of children with autism-spectrum disorders // *Annals of Epidemiology*. 2008. Vol. 18 (2). P. 130–136.
- Penke M.** Verbal Agreement Inflection in German Children With Down Syndrome // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2018. Vol. 61 (9). P. 2217–2234. DOI 10.1044/2018_JSLHR-L-17-0241
- Penke M.** Regular and irregular inflection in Down syndrome – New evidence from German // *Cortex*. 2019. Vol. 116. P. 192–208. DOI 10.1016/j.cortex.2018.08.010
- Pokorny F. B., Schuller B., Marschik P. B., Brueckner R., Nyström P., Cummins N., Bölte S., Einspieler C., Falck-Ytter T.** Earlier Identification of Children with Autism Spectrum Disorder: An Automatic Vocalisation-Based Approach // *Interspeech*. 2017. P. 309–313. DOI 10.21437/Interspeech.2017-1007
- Schopler E., Reichler R. J., DeVellis R. F., Daly K.** Toward objective classification of childhood autism: Childhood Autism Rating Scale (CARS) // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 1980. March. No. 10 (1). P. 91–103. DOI 10.1007/BF02408436
- Tek S., Mesite L., Fein D., Naigles L.** Longitudinal analyses of expressive language development reveal two distinct language profiles among young children with autism spectrum disorders // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2014. Vol. 44 (1). P. 75–89.

- Terzi A., Marinis T., Zafeiri A., Francis K.** Subject and Object Pronouns in High-Functioning Children with ASD of a Null-Subject Language // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10, no. 1301. P. 1–8. DOI 10.3389/fpsyg.2019.01301
- Wing L.** The definition and prevalence of autism: a Review // *European Child and Adolescent Psychiatry*. 1993. Vol. 2 (1). P. 61–74.

References

- Adamu A. S., Abdullahi S. E., Aminu R. K.** A Survey on Software Applications use in Therapy for Autistic Children. In: 15th International Conference on Electronics, Computer and Computation (ICECCO), 2019, pp. 1–4. DOI 10.1109/ICECCO48375.2019.9043237
- Cho S., Liberman M., Ryant N., Cola M., Schultz R.T., Julia Parish-Morris J.** Automatic detection of Autism Spectrum Disorder in children using acoustic and text features from brief natural conversations. In: *Proc. Interspeech 2019: 20th Annual Conference of the International Speech Communication Association*, 2019, pp. 2513–2517. DOI 10.21437/Interspeech.2019-1452
- Cleland J., Wood S., Hardcastle W., Wishart J., Timmins C.** Relationship between speech, oromotor, language and cognitive abilities in children with Down's syndrome. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 2010, vol. 45 (1), pp. 83–95.
- Eliseeva M. B.** Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka. Rannie etapy [Formation of a Child's Individual Language System: Early Stages]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015, 344 p. (in Russ.)
- Fusaroli R., Lambrechts A., Bang D., Bowler D. M., Gaigg S. B.** Is Voice a Marker for Autism Spectrum Disorder? A Systematic Review and Meta-Analysis. *Autism Research*, 2017, vol. 10, pp. 384–407.
- Gorodnyi V. A., Lyakso E. E.** Kharakteristika rechi detei 6–7 let s rasstroistvami autisticheskogo spektra i sindromom Dauna [Characteristic of Speech of Children aged 6–7 years with Autism Spectrum Disorders and Down Syndrome]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 22–37. (in Russ.)
- Grossman R. B., Edelson L. R., Tager-Flusberg H.** Emotional facial and vocal expressions during story retelling by children and adolescents with high-functioning autism. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2013, vol. 56 (3), pp. 1035–1044.
- Hessling A., Brimo D. M.** Spoken fictional narrative and literacy skills of children with Down syndrome. *Journal of Communication Disorders*, 2019, no. 79, pp. 76–89. DOI 10.1016/j.jcomdis.2019.03.005
- Kanner L.** Autistic disturbances of affective contact. *Nervous Child*, 1943, vol. 2, pp. 217–250.
- Kumin L.** Early communication skills for children with Down syndrome: A guide for parents and professionals. Bethesda, MD, Woodbine House, 2003, 391 p.
- Lebedinsky V. V.** Narusheniya psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste [Disorders of Mental Development in Childhood]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, 140 p. (in Russ.)
- Lyakso E., Frolova O.** Speech features of typically developing children and children with autism spectrum disorders. In: Abstract book. BIT's 7th Annual World Congress of Neurotalk – 2016. Innovation of Neuroscience. 2016.
- Lyakso E., Frolova O., Karpov A.** A New Method for Collection and Annotation of Speech Data of Atypically Developing Children. In: *International Conference on Sensor Networks and Signal Processing (SNSP)*, 2018, pp. 175–180. DOI 10.1109/SNSP.2018.00040
- Lyakso E. E., Frolova O. V.** Analiz tekstov rechi “vzroslyi – rebenok”, “vzroslyi – vzroslyi” pri normal'nom i atipichnom razvitii informantov [Analysis of “Adult-Child” and “Adult-Adult” Speech Texts Produced by Informant with Typical and Atypical Development] *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2017, vol. 2, pp. 20–47. (in Russ.)

- Lyakso E. E., Frolova O. V., Grechanyi S. V., Matveev Yu. N., Verkholyak O. V., Karpov A. A.** Golosovoi portret rebenka s tipichnym i atipichnym razvitiem [Speech Profile of a Child with Typical and Atypical Development]. St. Petersburg, Izdatel'sko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshikh uchebnykh zavedenii, 2020, 204 p. (in Russ.)
- Makhnytkina O. V., Grigorev A., Nikolaev A.** Analysis of dialogues of typically developing children, children with Down syndrome and ASD using machine learning methods. *Lecture Notes in Computer Science*, 2021, vol. 12997, p. 397–406. DOI 10.1007/978-3-030-87802-3_36
- Matveev Y., Matveev A., Frolova O., Lyakso E.** Automatic Recognition of the Psychoneurological State of Children: Autism Spectrum Disorders, Down Syndrome, Typical Development. *Speech and Computer. SPECOM 2021. Lecture Notes in Computer Science*, 2021, vol. 12997, pp. 417–425. DOI 10.1007/978-3-030-87802-3_38
- Mazzaggio G., Shield A.** The Production of Pronouns and Verb Inflections by Italian Children with ASD: A New Dataset in a Null Subject Language. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2020, vol. 50, pp. 1425–1433. DOI 10.1007/s10803-019-04349-7
- Nicholas J. S., Charles J. M., Carpenter L. A., King L. B., Jenner W., Spratt E. G.** Prevalence and characteristics of children with autism-spectrum disorders. *Annals of Epidemiology*, 2008, vol. 18 (2), pp. 130–136.
- Nikolaev A. S., Frolova O. V., Gorodnyi V. A., Lyakso E. E.** Kharakteristika otvetnykh replik detei 5–11 let s rasstroistvami autisticheskogo spektra v dialogakh so vzroslymi [Features of Responses of 5–11 years old Children with Autism Spectrum Disorders in Dialogues with Adults]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2019, vol. 4, no. 42, pp. 92–105. (in Russ.)
- Penke M.** Regular and irregular inflection in Down syndrome – New evidence from German. *Cortex*, 2019, vol. 116, pp. 192–208. DOI 10.1016/j.cortex.2018.08.010
- Penke M.** Verbal Agreement Inflection in German Children With Down Syndrome. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2018, vol. 61 (9), pp. 2217–2234. DOI 10.1044/2018_JSLHR-L-17-0241
- Pokorny F. B., Schuller B., Marschik P. B., Brueckner R., Nyström P., Cummins N., Bölte S., Einspieler C., Falck-Ytter T.** Earlier Identification of Children with Autism Spectrum Disorder: An Automatic Vocalisation-Based Approach. *Interspeech*, 2017, pp. 309–313. DOI 10.21437/Interspeech.2017-1007
- Schopler E., Reichler R. J., DeVellis R. F., Daly K.** Toward objective classification of childhood autism: Childhood Autism Rating Scale (CARS). *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 1980, March, no. 10 (1), pp. 91–103. DOI 10.1007/BF02408436
- Tek S., Mesite L., Fein D., Naigles L.** Longitudinal analyses of expressive language development reveal two distinct language profiles among young children with autism spectrum disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2014, vol. 44 (1), pp. 75–89.
- Terzi A., Marinis T., Zafeiri A., Francis K.** Subject and Object Pronouns in High-Functioning Children with ASD of a Null-Subject Language. *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10, p. 1301. DOI 10.3389/fpsyg.2019.01301
- Wing L.** The definition and prevalence of autism: a Review. *European Child and Adolescent Psychiatry*, 1993, vol. 2 (1), pp. 61–74.

Информация об авторах

Олеся Владимировна Махныткина, кандидат технических наук
 Scopus Author ID 57208002090
 WoS Researcher ID F-2283-2017
 SPIN 1723-5004

Ольга Владимировна Фролова, кандидат биологических наук

Scopus Author ID 8521676200

WoS Researcher ID G-2649-2015

SPIN 4811-1118

Елена Евгеньевна Ляксо, доктор биологических наук, профессор

Scopus Author ID 24468656100

WoS Researcher ID H-9904-2013

SPIN 8669-2483

Information about the Authors

Olesia V. Makhnytkina, Candidate of Sciences (Engineering)

Scopus Author ID 57208002090

WoS Researcher ID F-2283-2017

SPIN 1723-5004

Olga V. Frolova, Candidate of Sciences (Biology)

Scopus Author ID 8521676200

WoS Researcher ID G-2649-2015

SPIN 4811-1118

Elena E. Lyakso, Doctor of Sciences (Biology), Professor

Scopus Author ID 24468656100

WoS Researcher ID H-9904-2013

SPIN 8669-2483

Вклад авторов:

О. В. Махныткина – разработка алгоритма анализа морфологических и лексических особенностей речи с использованием методов машинного обучения, проведение экспериментов.

О. В. Фролова – сбор исходного материала, доработка текста.

Е. Е. Ляксо – разработка концепции исследования, сбор оригинального материала.

Contribution of the Authors:

Olesia V. Makhnytkina – design of an algorithm for analyzing morphological and lexical features of speech using machine learning methods, conducting computational experiments.

Olga V. Frolova – collection of source material, finalization of the text.

Elena E. Lyakso – development of the research concept, collection of original material.

Статья поступила в редколлегию 10.07.2022;

одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 07.04.2023

The article was submitted on 10.07.2022;

approved after reviewing on 05.04.2023; accepted for publication on 07.04.2023

Научная статья

УДК 81'37, 811.134.3, 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-56-67

Образ замужней женщины в португальских, испанских и русских пословицах в свете средневековой христианской этики

Наталья Арсентьева¹

Ана М. Диас Ферреро²

Энрике Ф. Кери Хервилья³

¹⁻³ Университет Гранады

Гранада, Испания

¹ arsnat@ugr.es, <https://orcid.org/0000-0002-5616-1589>

² anadiaz@ugr.es, <https://orcid.org/0000-0002-0916-5552>

³ efquero@ugr.es, <https://orcid.org/0000-0002-1240-8121>

Аннотация

Пословицы во многом являются выражением формировавшейся веками традиционной духовной культуры носителей языка. В настоящей работе нами проанализирован корпус из 437 пословиц на примере паремий в португальском, испанском и русском языках, запечатлевший образ женщины в браке. Поощряя целомудрие как идеал гендерных отношений, христианская церковь, тем не менее, поддерживала институт брака как средство борьбы с половой распущенностью. Нами установлено сходство южноевропейских и русских пословиц, касающихся духовной основы организации жизни в христианском браке, определяющих характер взаимоотношений супругов в семье и качества, которыми должна обладать жена-домохозяйка, а также женщина-мать. Это междисциплинарное исследование позволяет убедиться в том, что стереотип замужней женщины, сложившийся под влиянием христианской гендерной доктрины, является общим для католиков и православных.

Ключевые слова

женщина, христианство, брак, пословицы, русский, португальский, испанский языки

Для цитирования

Арсентьева Н., Диас Ферреро А. М., Кери Хервилья Э. Ф. Образ замужней женщины в португальских, испанских и русских пословицах в свете средневековой христианской этики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 56–67. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-56-67

The Image of the Married Woman in Portuguese, Spanish and Russian Proverbs in the Light of Medieval Christian Ethics

Natalia Arsentieva¹, Ana M. Díaz Ferrero², Enrique F. Quero Gervilla³

¹⁻³ Granada State University

Granada, Spain

¹ arsnat@ugr.es, <https://orcid.org/0000-0002-5616-1589>

² anadiaz@ugr.es, <https://orcid.org/0000-0002-0916-5552>

³ efquero@ugr.es, <https://orcid.org/0000-0002-1240-8121>

Abstract

Purpose. To examine the portrayal of women in matrimonial contexts through an analysis of 437 proverbs originating from Portuguese, Spanish, and Russian traditions. This study aims to explore how these sayings mirror the cultural, societal, and religious beliefs surrounding women's roles in the institution of marriage.

© Арсентьева Н., Диас Ферреро А. М., Кери Хервилья Э. Ф., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 56–67

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 56–67

Results. The study found that the image of women in marriage within these proverbs is consistent across the cultures studied. It highlighted that while the Christian Church promotes chastity, it also endorses marriage to combat sexual promiscuity. Similarities were identified between Southern European and Russian proverbs regarding the spiritual foundation of Christian marriage, the nature of spousal relationships, and the expected qualities of a wife and mother.

Conclusion. Proverbs serve as a cultural repository, mirroring traditions and values shaped by historical and literary influences. The proverbs perpetuate the religious and moral ideals of the Catholic and Orthodox Churches, particularly the patriarchal view of marriage. This view enforces a hierarchy within marriage, with the wife subordinated to the husband, who is seen as her spiritual guide and the determinant of roles and responsibilities in the family and the broader society.

Keywords

woman, Christianity, marriage, proverbs, Russian, Portuguese, Spanish

For citation

Arsentieva N., Díaz Ferrero A. M., Quero Gervilla E. F. The Image of the Married Woman in Portuguese, Spanish and Russian Proverbs in the Light of Medieval Christian Ethics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 56–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-56-67

Введение

На заре нового тысячелетия, на волне расцвета гендерных исследований, образ женщины и ее место в общественном мнении стали ключевыми темами междисциплинарного анализа. В рамках данной работы мы стремимся осмыслить, как в паремиях Португалии, Испании и России отражается образ замужней женщины и как он соотносится с народными представлениями о ее роли в брачной жизни в католической и православной культуре. По словам Форгас Берде, «в историческом языке, законсервированном в одной из этих устойчивых формул, сохраняется память веков, забытые нравы и обычаи, социальная организация и в целом устаревшая концепция жизни. Эти термины и эти понятия, передаваемые устной традицией и застывшие в паремиях, [...] позволяют нам получить ряд исторических сведений о материальной и духовной культуре народов, которые часто невозможно реконструировать другими способами» [Forgas Berdet, 1993, p. 36]. Таким образом, изучение пословиц, в том числе и вышедших из употребления, дает ценную информацию о взаимоотношениях между носителями языка и культурой.

Большинство паремий относится к роду назидательной литературы [Сопса, 1987, p. 23], но в отличие от поучений пословицы, как жанр, содержат «лаконичное суждение, вбирающее в себя практические знания о том или ином явлении в формулировках, свойственных живой народной речи, обобщающее значение которых обычно передается в переносном смысле» [Valverde Abril, 2018, p. 422]. Это значение воспроизводится пословицей в типовой ситуации [Hallik, 2007] в образно-эмоциональной форме языковыми средствами двойной серьезно-смеховой природы. Так, ценностно-положительное в супружеской жизни выражено путем одобрения, а все, что ему не соответствует, – сниженными фамильярными образными средствами в иронических и сатирических тонах различной градации, констатирующих «отрицательное отношение творящего к предмету своего изображения» [Бахтин, 1997, с. 11].

Разрабатывая подход к анализу пословиц, содержащих образ замужней женщины, мы исходили из предположения о том, что в их тематике нашло отражение единство христианской модели брачно-семейных отношений Южной и Восточной Европы, несмотря на конфессиональные различия католиков и православных. Материалом для исследования послужил корпус паремий, состоящий из 437 единиц, извлеченных из словарей и художественной литературы.

Обзор христианских источников пословиц о женщине в браке

Хотя Евангелия учили равенству и взаимоуважению между мужчинами и женщинами, на христианское сознание накладывал свой отпечаток библейский миф о несовершенстве женской природы: *От жены начало греха, и через нее мы все умираем (Книга Иисуса сына*

Сирахова, глава 25, стих 27. [Пр. 19]). Библейское сказание о грехопадении в иберийском и русском фольклоре становится семантическим ядром пословиц о женщине как источнике зла: *Do mar se tira o sal, e da mulher muito mal* (Жди от моря добычи соли, а от жены – злой воли) // *La mujer y el vino sacan al hombre de tino* (От женщины и от вина у мужчины дурная голова) // *От нашего ребра нам не ждать добра; бабы-то промыслы, что неправые помыслы*. Из Библии проистекала и мысль о противоестественности половых отношений как следствии грехопадения. Поэтому в христианской литературе вожделение к женщине считалось соблазном, отвлекающим от духовной жизни, способным толкнуть мужчину на путь греха, как свидетельствует древнерусское изречение: «Въ добротѣ женѣстѣй мнози погыбоша, и от того любви яко огнь възгарається»¹. Поэтому первоапостолы, особенно Павел, проповедовали отказ от чувственных удовольствий. Безбрачие в раннем христианстве становится идеалом человеческой жизни, а женское целомудрие – высшей добродетелью, что нашло отражение не только в историческом, но и в современном пословичном жанре: *A mulher casta, Deus lhe basta* (Целомудренной женщине довольно и Бога)² // *Целомудрие – алмаз в короне женственности*.

Ратуя за отмену родовых и брачных связей, паулианские общины, тем не менее, оставляли достаточно места для тех, кто мог соединиться в браке, не разрывая таких связей полностью [Kraemer, 1992, p. 140]. По учению апостолов, брак предотвращал распространение безнравственности: «Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (Кор, 7:2). Отцы церкви также рассматривали брак как средство борьбы с искушениями: «Только по этой причине мы должны взять жену, чтобы избежать греха, чтобы избежать всякой нечистоты» (свт. Иоанн Златоуст, 2001, с. 115). Девственность девушки до брака в христианстве не утрачивала своего значения как свидетельство ее нравственного достоинства³, о чем говорят и пословицы: *Formosa é do rosto, a que é boa do seu corpo* (Хороша лицом та, что телом чиста) // *Не бери жену богатую, бери непочатую*.

Создание христианского института брака сопровождалось восстановлением его патриархальной роли [Duby, 1982; Estévez López, 1997; Kraemer, 1992]. Апостолы вносили свои поправки в учение о спасении души, возводя в закон отношение зависимости жен от мужей: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви» (Еф. 5, 2А. 21–33)⁴. Св. Августин теологически узаконил легитимность подчинения замужней женщины мужчине, рассматривая этот императив как выражение божественной воли» [Morano Rodríguez, 2006, p. 15]. Женщина должна быть подвластна мужчине, так как он способен ее образумить, наставить на путь истинный для ее же пользы.

Со времен поздней античности и средневековья и в католичестве, и в православии формировалась доктрина христианского брака, согласно которой муж должен был заботиться не только о пропитании, но и о душе своей жены, быть ее наставником: «Доброе замужество приближает к Богу» [Fray Luis de León, 1991, p. 226]. Иберийские пословицы прекрасно иллюстрируют эту тенденцию: *Mulher que sabe obedecer, em casa reina a valer* (Послушная жена – царица в доме) // *La cabeza de la mujer es el varón* (Глава жены – муж). Тому же учила и русская церковная литература: «А вы, мужья, по закону наставляйте своих жен, ибо нелегко найти хорошую жену» (Сахаров, 1841, с. 63). *Домострой* призывал супругов жить в люб-

¹ Текст Слова «о злых женах» публикуется по списку «Златой Матицы» (РНБ. Ф. 905 (НСРК), 1946 г., № 35/2 Ф. Л. 141 – 143 об.), датируемому по водяным знакам второй половиной 70-х – началом 80-х гг. XV в.

² В переносном смысле это изречение употребляется по отношению к человеку, который отдает себя Богу и живет целомудренной и чистой жизнью, не нуждаясь ни в чем другом, чтобы быть счастливым.

³ В этом усматривают не только влияние христианства, но и пережиток язычества, где ритуальная чистота служительниц культа девственной богини была условием его религиозно-магической действенности [Martínez López, 1988, p. 139].

⁴ Главным критерием оценки им женской природы было превосходство мужского принципа благоразумия, определяемого Аристотелем как «сила души, фиксирующая благодать цели и адекватность средств для достижения этой цели» (Aristóteles, 2007, p. 25).

ви и согласии, что одобряла и пословица: *Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад; Муж да жена – одна душа*. Но при этом главенствовать в семье должен был муж: *Муж в дому, что глава (что крест) на церкви; Муж жене отец, жена мужу венец*.

Считалось, что лишившись мужа, женщина утрачивала духовные и нравственные ориентиры: *Mulher sem marido, barco sem leme (Женщина без мужа, что лодка без руля)* // *Candil sin torcida, mujer sin marido (Женщина без мужа, что свеча без фитиля)* // *Дай Бог погореть, не дай овдоветь*.

Со времен античности было распространено мнение и о неспособности женщин к управлению и участию в общественной жизни: «Занятие женщин – ткацкие станки, а не собрания», – заявлял софист Менандр (Menandro, 1999, p. 363). В христианском браке женщине возбранялось заниматься какой бы то ни было деятельностью, кроме ведения домашнего хозяйства, во избежание греха и соблазна [Newsom, Ringe, 1998]. В своем *Послании в наставление супругам (Carta de Guía de Casados)* 1651 г.⁵ португальский писатель Франсиску Мануэль де Мелу утверждал, что женщина должна жить, как монахиня, в затворе, заботиться о доме, муже и детях. С изрядной долей иронии отмечалось, что женщинам не следует думать об образовании: «o melhor livro he a almofada e o bastidor» («Лучшая книга – подушка да вешалка»). [Melo, 2007, p. 41]. Для наглядности Ф. Мелу приводит пословицу: *Deos o guardasse de mula que faz him, e de mulher que sabe latim* // *Боже упаси от мула, что кричит «иа-иа», и от жены, что говорит на латыни* [Ibid., p. 39]. К этому было добавлено: «O ponto está em que o latim não he o que dana; mas o que consigo tras de outros saberetes envolto aquelle saber» («Дело не в самой латыни, от которой нет вреда, дело в тех знаниях, которые изложены на этом языке» [Ibid.]). Ссылаясь на Библию и Притчи Соломона, испанский поэт и богослов XVI в. Фрай Луис де Леон в труде «De perfecta casada» («Об образцовой жене») высказывал мысль, что женщина выходит замуж не для того, чтобы получать удовольствие от жизни, а для совершенствования своей природы через обретение полезных навыков прядения и ведения домашнего хозяйства [Fray Luis de León, 1991, p. 291]. Из подобных руководств вытекал наставительный тон португальских и испанских пословиц: *O homem na praça, e a mulher em casa (Муж в городе, жена на огороде, букв. Муж в городе, жена дома)* // *Al hombre, la espada; a la mujer, la rueca (Мужчине шпага, женщине прялка)*. Социальная дискриминация по отношению к женщине была характерна и для России. Русская пословица в достаточно грубой форме выражала мысль, что «мужчина и собака всегда на дворе, а женщина и кошка завсегда в избе».

Домашние кодексы католиков предопределяли достоинства, которыми должна была обладать жена-домохозяйка [Labarge, 1989]. Те же качества прививал женщине и русский *Домострой* [Колесов, Рождественская, 1994]. Поэтому пословицы восхваляли трудолюбивую женщину и порицали нерадивую: *Fias e teces, o lar enriqueces (Прядешь и вяжешь – дом краше)* // *Aquella es buena mujer, que barre la casa al amanecer (Та жена хороша, что с утра до вечера полы метет)* // *Добрая жена дом сбережет, плохая рукавом растрясет; Весь дом опрала, на всех*.

Пристрастие женщин к украшениям осуждалось еще с античности⁶ за обман, потому что с их помощью женщины скрывали свои недостатки [Omato, 1992]. Средневековые моралисты считали пристрастие женщин к косметике грехом в силу того, что, движимые страстью улучшить свою физическую природу, они посягали на ее богоданность: «Положить шафран на голову христианки, – писал испанский богослов Луис де Леон, – это все равно, что положить его на алтарь идола» [Fray Luis de León, 1989, p. 319]. Подобные суждения становились источником пословиц: *Mulher, quanto mais olha a cara, tanto mais destrói a casa*

⁵ Произведение, выдержавшее много изданий [Fernandes, 2003, p. 345].

⁶ Неприятие женской тяги к физической красоте и привычке к ухоженности у христиан восходило к книге Тертуллиана «De Cultu Feminarum» («Украшение женщин»), которая, в свою очередь, брала начало в греко-латинской литературе кинического происхождения, воспринятой стоиками [Gómez-Acebo, 2005, p. 242].

(Чем больше жена смотрит на себя саму, тем менее на хозяйство в дому) // Не наряд жену красит – домостройство.

Женское превосходство в браке считалось бедой для супружеской жизни: *Mal vai a casa onde a rosa manda a espada* (Плох тот дом, где правит не палка, а прялка; букв. Плох тот дом, где правит не ипага, а прялка) // *Casa donde la mujer manda, mal anda* (Где жена правит в дому, тот дом на кону) // *Худо мужу тому, у кого жена бóльшая в дому*. Так называемые «мирские притчи о злых женах» в русском средневековье наводили на мысль об отказе от женитьбы из-за боязни «злой жены», способной взять верх над мужем [Бобров, 1993; Каган-Тарковская, 1976], что отражалось и в пословицах: *Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; От пожара, от потопа, от злой жены, Боже, сохрани*. Но страх перед женской независимостью часто преодолевался смехом. Пословицы во всех рассмотренных нами языках запечатлели насмешливо-пренебрежительное отношение мужчины к жене, уподобленной животному, т. е. существу низшего порядка, а то и приравненной к вещи, собственности: *A arma, a mulher e o alquidar não são coisas de emprestar* (Не дают в долг ни оружие, ни метлу, ни жену) // *Caballo, mujer y escopeta son prendas que no se prestan* (Не дают в долг ни лошадь, ни ружье, ни жену) // *Курица не птица, баба не человек*.

По мысли М. Бахтина, в пословице часто встречается сатирическое, «отрицательное отношение творящего к предмету своего изображения» [Бахтин, 1997, с. 11]. Если хвалебно-прославляющие формы языковой жизни сосредоточены, по мнению философа языка, прежде всего вокруг имени, которое содержит «однозначные прославляющие характеристики», то прозвище, наоборот, тяготеет к «бранному проклинающему полюсу языковой жизни», развенчивает и профанирует, в чем можно убедиться на примере пословиц романской и русской традиций, метафорически заменяющих слово «жена» на прозвище «курица»: *Casa de Gonçalo, onde manda mais a galinha que o galo* (Дом Гонсало, где правит курица, а не петух); *Triste da casa onde a galinha canta e o galo cala* (Плачевен тот дом, где курица поет петухом). То же и в русской пословице: *Не петь курице петухом, не владеть бабе мужиком*.

В современном понимании угнетение женщины в семье и насилие над ее личностью – это преступление, закон дает женщине право на защиту и поддержку со стороны общества в случае произвола со стороны мужа. Но в прошлом все было иначе. Многие пословицы оправдывали дурное обращение с женщинами ради того, чтобы сделать их послушными и добродетельными. Как утверждают А. Диас Ферреро и Э. Керо Хервилья [2018], в народной культуре Португалии и Испании, равно как и в России, насилие в отношении женщин часто считалось проявлением внимания и любви мужа. Об этом говорит, к примеру, португальская поговорка *A mulher e a galinha torce – lhe o pescoço se a quiseses boa* (Женщине и курице сверни шею⁷, если хочешь им добра). Это выражение означает, что женщина должна иметь определенные моральные качества и соблюдать обычаи в доме мужа, иначе ее могут сурово наказать. В кратких афористичных формулах фольклор запечатлел циничное и жестокое обращение мужей с женами: *Um bom correctivo vale mais às mulheres que um colar de pérolas* (От хорошей порки жене больше пользы, чем от жемчужной подвески) // *A la mujer y a la mula, vara dura* (Для женщины, как для скотины, нужна хворостина) // *Люби жену, как душу, трясси ее, как грушу; Жена без грозы, хуже козы*.

Религия налагала на замужних женщин обязанности по рождению и воспитанию детей. Что касается материнства, то в католичестве и православии материнство одинаково ценится превыше всего, и пословицы, вслед за церковными поучениями, прививают уважение к нему, возвышая роль женщины-матери, от которой зависит физическое и моральное благополучие детей: *Dai-me mãe acautelada, dar-vos-ei filha guardada* (Покажите мне заботливую мать, а я покажу вам благоразумную дочь, растущую в безопасной и здоровой среде) // *A la mujer*

⁷ Буквально следует читать «выжми шею» – имеется в виду способ подготовки курицы к употреблению, когда, удалив голову, дают стечь крови из шеи животного.

casada, sus hijos y su casa (У замужней женщины дом и дети на первом месте) // Какова matka, таковы и детки; осуждают мать, пренебрегающую воспитанием детей: Erros de filhos são culpas de mães (Ошибки сыновей – вина матерей) // Madre holgazana cria hija cortesana (У ленивой матери и дочь белоручка) // Народи́ла, да не научи́ла.

Результаты исследования

Исследовав 437 пословиц о замужней женщине и ее роли в браке на португальском, испанском и русском языках, мы получили подтверждение нашей гипотезы об их связи с народным религиозным сознанием. Поощряя целомудрие как идеал гендерных отношений, христианская церковь, тем не менее, поддерживала институт брака как средство борьбы с половой распущенностью. Нами установлено сходство южноевропейских и русских пословиц, касающихся духовной основы организации жизни в христианском браке, определяющих характер взаимоотношений супругов в семье и качества, которыми должна обладать жена-домохозяйка, а также женщина-мать. Все собранные данные говорят о том, что пословицы являются хранилищем традиций, социальных и культурных ценностей, отраженных в ряде историко-литературных источников, и, как правило, являются проводниками религиозно-нравственного идеала и церковной политики, как католической, так и православной, в отношении женщины. Пословицы утверждают и пропагандируют в целом совпадающие католическую и православную церковную патриархальную концепции взаимоотношений супругов в брачной жизни, которая подразумевает подчинение жены мужу как ее духовному наставнику, обуславливая характер поведения и распределения обязанностей супругов в семье и обществе в целом. Считая женскую природу несовершенной, христианская церковь вменяла мужчине в обязанность быть пастырем своей жены. Таким образом, замужество обретало особый сотериологический смысл. Однако в результате исследования установлен и тот факт, что пословицы являются свидетельством искаженного понимания того идеала семейной жизни, который заложен в христианском учении, как следствие его неадекватной трактовки и в средневековой назидательной литературе, и в народной культуре. В связи с этим женщина выступает в пословицах как существо, целиком зависимое от мужа, и жертва его произвола, а ее свобода ограничивается домашними делами и заботой о детях. Удельный вес пословиц, иронизирующих над вышеназванной традицией, ничтожно мал.

Что касается теории речевых жанров М. М. Бахтина, то сравнительный анализ пословиц, принадлежащих к близкородственным (испанская и португальская) и географически удаленным (русская) народным традициям, подтвердил мысль филолога о том, что в подобных первичных, неразложимых фольклорных жанрах, независимо от их национальной специфики, особенно четко видна воля речевого субъекта. То «высокий официальный», назидательный стиль рассмотренных нами пословиц, то интимно-доверительный, в сочетании с «низкими фамильярными» средствами языка, указывают на то, что одна часть паремий имела книжный характер, а другая – простонародный. Так, в пословицах на тему положения жены в семейных отношениях мы встречаемся с избытком формулировок в стиле поэтики хулы с употреблением унижительной, оскорбительной и бранной лексики по отношению к женщине.

Заключение

Представления, исходящие из одного духовного источника, в данном случае из общей для католиков и православных христианской гендерной доктрины, сходным образом переосмысливаются в фольклоре национальных культур, географически удаленных и в эпоху средневековья редко соприкасавшихся друг с другом. Эта концепция подразумевает, что женщина воспринимается как человек в нравственном отношении неустойчивый, нуждающийся не только в материальном обеспечении, но и в постоянном контроле со стороны мужа за исполнением своего долга как добродетельной супруги и домохозяйки, допускающем

и применение насилия. Будучи важным источником информации о культуре и традициях национальных сообществ, основы которых закладывались в период средневековья, многие пословицы, тематика которых связана с ролью женщины в браке, в настоящее время уже вышли из употребления и являются отражением отживших представлений об отношениях между супругами, основанных не на равенстве и взаимном уважении, а на моральном авторитете мужчины, позволяющем ему ограничивать свободу жены по праву, предоставленному ему обществом и церковью. Поэтому, в свете результатов этого исследования, интересно было бы в дальнейшем проследить, как передают образ замужней женщины пословицы, бытующие в современной языковой среде, по сравнению с теми, в которых отлились традиционные начала народной культуры, основанные на античной, библейской и средневековой христианских ценностях. Другой линией сравнительного исследования может быть изучение ситуаций в повседневной жизни и литературе, когда, казалось бы, устаревшие пословицы, унижающие достоинство женщины, оказываются актуализованы, будучи обусловлены стремлением мужчины к восстановлению своего лидерства в брачной жизни как реакция на перераспределение гендерных ролей в обществе и семье на общегуманистических началах. Настоящая работа также вносит свой вклад в развитие бахтинской теории малых речевых жанров и поэтики фольклора.

Список литературы

- Бахтин М. М.** Собр. соч.: В 7 т. / [Ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили]. М.: Рус. словари, 1997. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. 731 с.
- Бобров А. Г.** «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV века // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 292–299.
- Диас Ферреро А. М., Киро Хервилья Э. Ф.** Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 54. С. 42–58. DOI 10.17223/19986645/54/3
- Каган-Тарковская М. Д.** «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина [Сборник Кирилло-Белозерского монастыря 6/1083, КБ-6] // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Наука, 1976. 384 с.
- Conca M.** Paremiologia. Valencia: Universitat de Valencia, 1987.
- Duby G.** El caballero, la mujer y el cura. El matrimonio en la Francia feudal / Versión castellana de Mauro Armiño. Madrid: Taurus, 1982. 329 p.
- Estévez López M. E.** Pluralidad y unidad en los orígenes cristianos // Almogaren: revista del Centro Teológico de Las Palmas. 1997. No. 20. P. 31–51.
- Fernandes M. de L. C.** Da casa ao palácio: A Carta de Guia de Casados de D. Francisco Manuel de Melo em Espanha no século XVIII // Península. Revista de Estudos Ibéricos. 2003. N.º 0. P. 345–353.
- Forgas Berdet E.** Cultura popular y cultura material: el refranero // Paremia. 1993. No. 1. P. 35–44.
- Fray Luis de León.** Obras completas castellanas. Prólogo y notas del padre Félix García. Madrid: Biblioteca de autores cristianos, 1991. Vol. 1. 1040 p.
- Gómez Acebo I.** La mujer en los orígenes del cristianismo. Bilbao: Editorial Desclée de Brouwer, 2005.
- Hallik S.** Sententia und Proverbium: Begrissgeschichte und exttheorie in Antike und Mittelalter, Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. Stagg, Frank, 2007.
- Kraemer R. S.** Her Share of the Blessings: Women's Religions among Pagans, Jews, and Christians in the Greco-Roman World. New York; Oxford: Oxford Uni. Press, 1992, 275 p.
- Labarge M. W.** La mujer en la Edad media. Madrid: Nerea, 1989.
- Martínez López C.** Virginidad-Fecundidad: en torno al suplicio de las vestales // Studia Histórica. Historia Antigua. 1988. No. 6. P. 137–144.

- Melo F. M. de.** Carta de Guia de Casados. Edición semidiplomática de Daniel Neto Rocha. Lisboa: Officina Craesbeeckiana, 2007.
- Morano Rodríguez C.** Los comienzos de la discriminación de la mujer en la Iglesia: algunos datos de la exégesis y las traducciones bíblicas latinas del siglo IV. // *Proyección Teología y Mundo actual*, Año LIII. 2006. N.º 223. P. 7–16.
- Newsom C., Ringe S.** (eds.). *Women's Bible Commentary: Expanded Edition*. Louisville, KY: Westminster John Knox, 1998, 501 p.
- Omatos O.** Misoginia en la tradición literaria neohelénica // *Fortunatae: Revista canaria de Filología, Cultura y Humanidades Clásicas*. 1992. No. 4. P. 163–182.
- Valverde Abril J. J.** Los Apophthegmata de Conradus Lycosthenes o las vicisitudes de la sabiduría humanística // Valverde Abril J. J., Gatsioufa P. (eds.). *Nardus et myrto plexae coronae*. Granada: Universidad de Granada, 2018.

Список словарей

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.** Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
- Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н.** Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994. 116 с.
- Жуков В. П.** Словарь русских пословиц и поговорок. 3-е изд., стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 535 с.
- Зимин В. И.** Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. 2-е изд., стереотип. Ростов н/Д: Феникс; М.: Цитадель-Тренд, 2005.
- Campos J. García, Barella A.** Diccionario de refranes. Madrid: RAE. Anejo XXX del Boletín de la Real Academia Española, 1975.
- Correas G.** Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana, ed. de 2000 de L. Combet, revisada por R. James y M. Mir-Andreu. Madrid: Castalia, 2000.
- Sbarbi y Osuna J. M.** Gran diccionario de refranes de la lengua española. Edición de 1943. Buenos Aires: Joaquín Gil Editor, 1943.

Список источников

- Даль В. И.** Пословицы русского народа. М., 1994. URL: <http://www.aphorism.ru/dal/>. Златая Матица. РНБ. Ф. 905 (НСРК), 1946 г., № 35/2 Ф. Л. 141 – 143 об.
- Колесов В. В., Рождественская В. В.** Домострой. СПб.: Наука, 1994. 425 с.
- Сахаров И. П.** Сказания русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1841. Т. 1. 598 с.
- Aristóteles.** *Ética a Nicómaco*. Traducción, introducción y notas de J. L. Calvo Martínez, Madrid: Alianza, 2007. 360 p.
- Carrusca M. de S.** Vozes da Sabedoria. In: 3 vols. Lisboa: União gráfica, 1974. Vol. 1; 1977. Vols. 2 y 3.
- Delicado A.** Adagios Portuguezes reduzidos a lugares communs pello Lecenciado Antonio Delicado, Prior da Igreja de Nossa Senhora da Charidade, termo da Cidade de Evora, natural da villa de Alvito. Em Lisboa, com todas as licenças necessarias, na officina de Domingos Lopes Rosa, 1651.
- Delicado A.** Adagios Portuguezes reduzidos a lugares communs. Nova edição revista e prefaciada por Luís Chaves. Lisboa: Livraria Universal, 1923.
- Doval G.** Refranero temático español. Madrid: Ediciones del Prado, 1997.
- Lima F. de, Castro Pires de.** Adagiário português. Lisboa: Fundação Nacional para a Alegria no Trabalho. Gabinete Etnográfico, 1963.
- Machado J. P.** O grande livro dos provérbios. Lisboa: Editorial Notícias, 1996.

- Martínez Kleiser, L.** Refranero General Ideológico // Español. Madrid: Editorial Hernando, 1953.
- Menandro.** Proverbios griegos / Sentencias. Madrid: Gredos, 1999. 499 p.
- New Testament Theology. Nashville: Broadman Press, 2007.
- Rolland F.** Adagios, proverbios, ríflões e anexins da lingua portuguesa, tirados dos melhores autores nacionaes, e recopilados por ordem alfabetica, por F. R. I. L. E. L. Lisboa: Typografia Rollandiana, 1780.

References

- Bakhtin M. M.** Collected of Works. In 7 vols. Ed. by S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili. Moscow, Rus. Slovari Publ., 1997, vol. 5: Works of the 1940s and early 1960s, 731 p. (in Russ.)
- Bobrov A. G.** “Mirskie pritchi” v drevnerusskoi rukopisi XV veka [*Mundane Parables in an Old Russian Manuscript from the 15th Century*]. In: TODRL. St. Petersburg, 1993, vol. 46, pp. 292–299. (in Russ.)
- Conca M.** Paremiología [Paremiology] Valencia, Universitat de Valencia, 1987. (in Span.)
- Díaz Ferrero A. M., Quero Gervilla E. F.** Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, no. 54, pp. 42–58. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/54/3
- Duby G.** El caballero, la mujer y el cura. El matrimonio en la Francia feudal [The Knight, the Woman and the Priest. Marriage in Feudal France]. Versión castellana de Mauro Armiño. [The Knight, The Lady, and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France]. Madrid, Taurus, 1982, 329 p. (in Span.)
- Estévez López M. E.** Pluralidad y unidad en los orígenes cristianos [Plurality and Unity in Christian Origins]. *Almogaren: revista del Centro Teológico de Las Palmas*, 1997, no. 20, pp. 31–51. (in Span.)
- Fernandes M. de L. Correia.** Da casa ao palácio: A Carta de Guia de Casados de D. Francisco Manuel de Melo em Espanha no século XVIII [From the House to the Palace: The Marriage Guidance Letter of D. Francisco Manuel de Melo in Spain in the 18th Century]. *Península. Revista de Estudos Ibéricos*, 2003, no. 0, pp. 345–353. (in Portug.)
- Forgas Berdet E.** Cultura popular y cultura material: el refranero [Popular Culture and Material Culture: the Proverbs]. *Paremia*, 1993, no. 1, pp. 35–44. (in Span.)
- Fray Luis de León.** Obras completas castellanas [Complete Castilian Works]. Prólogo y notas del padre Felix García, T. 1. Madrid, Biblioteca de autores cristianos, 1991, 1040 p. (in Span.)
- Gómez Acebo I.** La mujer en los orígenes del cristianismo [Women in the Origins of Christianity]. Bilbao, Editorial Desclée de Brouwer, 2005. (in Span.)
- Hallik S.** Sententia und Proverbium: Begrisgeschichte und exttheorie in Antike und Mittelalter [Sententia and Proverbium: History of Concepts and Exegetical Theory in the Ancient and Medieval Worlds] (Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag. Stagg, Frank, 2007.
- Kagan-Tarkovskaya M. D.** “Slovo o ženakh o dobrykh i o zlykh” v sbornike Efrosina [*Speech on the Good and Bad Wives in the Euphrosine Collection*] [Collected from the Kirillo-Belozersk Monastery 6/1083, KB-6]. In: Kul'turnoe nasledie drevnei Rusi. Istoki. Stanovlenie. Traditsii, [The Cultural Heritage of Ancient Russia. Origins. Formation. Traditions]. Org. by M. B. Khrarčenko, Moscow, Nauka, 1976, pp. 282–286. (in Russ.)
- Kraemer R. S.** Her Share of the Blessings: Women's Religions among Pagans, Jews, and Christians in the Greco-Roman World. New York, Oxford, Oxford Uni. Press, 1992, 275 p.
- Labarge M. W.** La mujer en la Edad media [Women in the Middle Ages]. Madrid, Nerea, 1989, 298 p. (in Span.)
- Martínez López C.** Virginidad-Fecundidad: en torno al suplicio de las vestals [Virginitiy-Fecundity: Around the Torment of the Vestals]. *Studia Histórica. Historia Antigua*, 1988, no. 6, pp. 137–144. (in Span.)

- Melo F. M. de.** Carta de Guia de Casados [The Marriage Guidance Letter]: Edición semi-diplomática de Daniel Neto Rocha. Lisboa, Officina Craesbeeckiana, 2007. (in Span.)
- Morano Rodríguez C.** Los comienzos de la discriminación de la mujer en la Iglesia: algunos datos de la exégesis y las traducciones bíblicas latinas del siglo IV [The Beginnings of Discrimination Against Women in the Church: Some Data from 4th Century Latin Biblical Exegesis and Translations]. *Proyección Teología y Mundo actual Año LIII*, 2006, no. 223, pp. 7–16. (in Span.)
- Newson C., Ringe S.** (eds.). Women's Bible Commentary: Expanded Edition. Louisville, KY, Westminster John Knox, 1998, 501 p.
- Omatos O.** Misoginia en la tradición literaria neohelénica [Misogyny in the Neo-Hellenic Literary Tradition]. *Fortunatae: Revista canaria de Filología, Cultura y Humanidades Clásicas*, 1992, no. 4, pp. 163–182. (in Span.)
- Valverde Abril J. J.** Los Apophthegmata de Conradus Lycosthenes o las vicisitudes de la sabiduría humanística In: Valverde Abril J. J., Gatsioufa P. (eds.). *Nardus et myrto plexae coronae*. Granada, Universidad de Granada, 2019, 345+ p. (in Span.)

List of Dictionaries

- Birikh A. K., Mokienko V. M., Strepanova L. I.** Slovar' russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Handbook]. St. Petersburg, Folio-Press, 1998. (in Russ.)
- Campos J. García, Barella A.** Diccionario de refranes. Madrid, RAE. Anejo XXX del Boletín de la Real Academia Española, 1975. (in Span.)
- Correas G.** Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana. Ed. de 2000 de L. Combet, revisada por R. James y M. Mir-Andreu. Madrid, Castalia, 2000. (in Span.)
- Dobrovolsky D. O., Karaulov Yu. N.** Assotsiativnyi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [The Associative Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Pomovsky i partnery Publ., 1994. (in Russ.)
- Sbarbi y Osuna J. M.** Gran diccionario de refranes de la lengua española. Edición de 1943. Buenos Aires, Joaquín Gil Editor, 1943. (in Span.)
- Zimin V. I.** Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bol'shoi tolkovyi slovar' [Proverbs and Sayings of Russian People. Large Explanatory Dictionary]. 2nd ed. Rostov on Don, Feniks Publ., Moscow, Tsitadel'-treid Publ., 2005. (in Russ.)
- Zhukov V. P.** Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993. (in Russ.)

List of Sources

- Aristóteles.** Ética a Nicómaco. Traducción, introducción y notas de J. L. Calvo Martínez [Nicomachean Ethics. Translation, Introduction and Notes by J. L. Calvo Martínez]. Madrid, Alianza, 2007, 360 p. (in Span.)
- Carrusca M. de S.** Vozes da Sabedoria. In: 3 vols. Lisboa, União gráfica, 1974, vol. 1; 1977, vols. 2, 3. (in Portug.)
- Dal V. I.** Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 1994. (in Russ.) URL: <http://www.aphorism.ru/dal/>.
- Delicado A.** Adagios Portuguezes reduzidos a lugares communs pello Lecenciado Antonio Delicado, Prior da Igreja de Nossa Senhora da Charidade, termo da Cidade de Evora, natural da villa de Alvito [Adagios Portuguezes Reduced to Common Places by the Professor Antonio Delicado, Prior of the Church of Nossa Senhora da Charidade, Term of the City of Evora, Born

- in Alvito]. Em Lisboa, com todas as licenças necessárias, na officina de Domingos Lopes Rosa, 1651. (in Portug.)
- Delicado A.** Adagios Portugueses reduzidos a lugares communs [Portuguese Adages Reduced to Common Places]. Nova edição revista e prefaciada por Luís Chaves. Lisboa, Livraria Universal, 1923. (in Portug.)
- Kolesov V. V., Rozhdestvenskaya V. V.** (eds.). Domostroi. St. Petersburg, Nauka, 1994, 425 p. (in Russ.)
- Doval G.** Refranero temático español [Spanish Thematic Proverbs]. Madrid, Ediciones del Prado, 1997. (in Span.)
- Lima F. de, Castro Pires de.** Adagiário português. Lisboa: Fundação Nacional para a Alegria no Trabalho. Gabinete Etnográfico, 1963. (in Portug.)
- Machado J. P.** O grande livro dos provérbios. Lisboa, Editorial Notícias, 1996. (in Portug.)
- Martínez Kleiser L.** Refranero General Ideológico Español [General Spanish Ideological Proverbs]. Madrid, Editorial Hernando, 1953. (in Span.)
- Menandro.** Proverbios griegos. Sentencias [Greek Proverbs. Sentences]. Madrid, Gredos, 1999, 499 p. (in Span.)
- New Testament Theology. Nashville, Broadman Press, 2007.
- Rolland F.** Adagios, proverbios, ríões e anexins da lingua portugueza, tirados dos melhores autores nacionaes, e recopilados por ordem alfabetica, por F. R. I. L. E. L. [Adagios, Proverbs, Rhymes and Similes of the Portuguese Language, Taken from the Best National Authors, and Compiled in Alphabetical order, by F. R. I. L. E. L.]. Lisboa, Typografia Rollandiana, 1780. (in Portug.)
- Sakharov I. P.** Skazaniya russkogo naroda [Tales of the Russian People]. St. Petersburg, Tip. Sakharova, 1841, vol. 1, 598 p. (in Russ.)
- Zlataia Matica. RNB, f. 905 (NSRK), 1946, no. 35/2 F, pp. 141–143. (in Russ.)

Информация об авторах

- Наталья Арсентьева**, доктор филологических наук
WoS Researcher ID AAB-3574-2019
RSCI Author ID 57219949948
- Ана М. Диас Ферреро**, доктор филологических наук
Энрике Ф. Киро Хервилья, доктор филологических наук
Scopus Author ID 24476723500
WoS Researcher ID CSG-4084-2022
SPIN 7720-7823

Information about the Authors

- Natalia Arsentieva**, Doctor of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID AAB-3574-2019
RSCI Author ID 57219949948
- Ana M. Díaz Ferrero**, Doctor of Sciences (Philology)
Enrique F. Quero Gervilla, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 24476723500
WoS Researcher ID CSG-4084-2022
SPIN 7720-7823

Вклад авторов:

- Н. Арсентьева – участие в подготовке текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала на русском языке, анализ источников, подготовка заключения.
- А. М. Диас Ферреро – участие в подготовке текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала на португальском языке, анализ источников.
- Э. Ф. Керио Хервилья – участие в подготовке текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала на испанском языке, анализ источников.

Contribution of the Authors:

- Natalia Arsentieva – prepared the text of the article, developed the research methodology, collected and systematized linguistic material in Russian, analyzed sources, and prepared the conclusions.
- Ana M. Díaz Ferrero – prepared the text of the article, developed the research methodology, collected and systematized linguistic material in Portuguese, analyzed sources.
- Enrique F. Quero Gervilla – prepared the text of the article, developed the research methodology, collected and systematized linguistic material in Spanish, analyzed sources.

*Статья поступила в редколлегию 18.04.2023;
одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 05.05.2023
The article was submitted on 18.04.2023;
approved after reviewing on 03.05.2023; accepted for publication on 05.05.2023*

Научная статья

УДК 811.512.141'37

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-68-75

Названия для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке

Римма Талгатовна Муратова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Уфа, Россия

bairima@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-0675>

Аннотация

Цель статьи – изучение названий для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке, которые функционируют в нескольких вариантах. Выявлено, что для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке употребляются четыре типа названий: 1) персидское заимствование; 2) аналитические названия, состоящие из сочетания двух цветообозначений; 3) калька с русского языка; 4) диалектное слово. Персидское заимствование *шәмәхә* применяется в литературном языке, сочетания *кызыл / кызғылт күк* ‘букв. красновато-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’, *көрән күк* ‘букв. коричневатого-синий’ встречаются в народно-разговорном языке, калька *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’ употребляется в публицистике, моноксема *көрән* ‘букв. коричневый’ характерна для диалектов.

Ключевые слова

цветообозначения, фиолетовый цвет, тюркские языки, башкирский язык

Для цитирования

Муратова Р. Т. Названия для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 68–75. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-68-75

Terms for the Purple Color in the Bashkir Language

Rimma T. Muratova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

bairima@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-0675>

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to study the names for the purple color in the Bashkir language, which function in several versions. The study is relevant due to the lack of research on the names of the color, not only in the Bashkir, but also in the Turkic languages in general. The study is carried out using descriptive, comparative-historical methods, and the method of lexico-semantic analysis. The electronic corpora of the Bashkir language, the dialectological base, and lexicographic works acted as linguistic material on the Bashkir language.

Results. It was revealed that four types of names are used to designate purple in the Bashkir language: 1) a borrowing from Persian; 2) analytical names, consisting of a combination of two color designations; 3) a loan translation from the Russian language; 4) a dialect word. It has been established that these names differ from each other in terms of their scope: 1) the name *šāmāxä*, borrowed from the Persian language, is used in the modern literary language;

© Муратова Р. Т., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 68–75

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 68–75

2) the word *körän*, which means ‘brown’ in the literary language, is used in dialects; 3) a loan translation from the Russian language – *miläwşä töθ* (‘violets color’) – is used in publicism; 4) analytical names are presented in the colloquial language: *qıdıl kük* ‘red blue’, *qıdılıt kük* ‘lit. reddish-blue’, *körän kük* ‘brown-blue’, *zängär kük* ‘bluish blue’.

Keywords

color names, purple, Turkic languages, Bashkir language

For citation

Muratova R. T. Terms for the Purple Color in the Bashkir Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 68–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-68-75

Введение

В тюркских языках нет исконной непроизводной лексемы для обозначения одного из основных спектральных цветов – фиолетового. В них фиолетовый цвет обозначается либо заимствованием, либо аналитическим названием, либо калькой с другого языка. Цель данной статьи – изучение названий для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке, которые функционируют в нескольких вариантах. Задачи исследования предполагают выявление литературных и диалектных названий, определение особенностей их функционирования в письменной и народно-разговорной речи, употребления в разных литературных жанрах. Исследование проводится с использованием описательного, сравнительно-исторического методов, метода лексико-семантического анализа. В качестве языкового материала по башкирскому языку выступили электронные корпуса башкирского языка, лексикографические труды (КБЯП; КБЯПубл; КБЯФ; РБС, 2005). Также привлекались словари тюркских языков, в которых представлены названия для обозначения фиолетового цвета (АРС, 2006; АРС, 2018; БРТС, 2009; ГРРГС, 1993; РКС, 1967; РХС, 1961; РЧС, 2002; ТРС, 2007).

В языковедческой науке, в том числе и тюркологической, цветообозначения являются объектом внимания работ разных лингвистических направлений: исторического, лексико-семантического, этнолингвистического и др. (см., например: [Бахилина, 1975; Габышева, 2019; Кезина, 2008; Кононов, 1978; Майзина, 2008; Сувандии, 2019; Фрумкина, 1984; Berlin, Kay, 1969]). Но, тем не менее, некоторые аспекты изучения цветообозначающей лексики остаются неизученными. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием специальных работ по названиям для фиолетового цвета в тюркских языках. Новизна исследования заключается в том, что, во-первых, лексемы для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке рассматриваются как в лексико-семантическом плане, так и в сравнительно-историческом аспекте, во-вторых, на основе большого объема текстов из корпусов башкирского языка выявляются особенности функционирования названий для фиолетового цвета в разных жанрах. Научная значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в изучение не освещенных ранее вопросов по цветообозначающей лексике башкирского языка. Результаты исследования также могут пролить свет на вопросы, возникающие относительно правомерности выбора того или иного варианта названия для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке.

Лексемы для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке

В башкирском языке фиолетовый цвет обозначается следующими лексемами.

1. Персидское заимствование *шәмәхә*.

В современном башкирском литературном языке фиолетовый цвет обозначен словом *шәмәхә* (РБС, 2005, с. 587). Слово происходит от перс. *شماخی* (*šātaxī*) ‘цвет шамаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в городе Шамахи’ (Ахметьянов, 2015, с. 484).

Из современных тюркских языков лексема *шәмәхә* встречается только в татарском языке, следовательно, данное заимствование носит ареальный характер – оно свойственно для кыпчакских языков Урало-Поволжья: *шәмәхә бәрхәт* ‘фиолетовый бархат’, *аксыл шәмәхә* ‘ли-

ловый, букв. светло-фиолетовый’, *томан аша океан шәмәхәләнеп күренә* ‘сквозь туман океан кажется фиолетовым’ (ТРС, 2007, с. 616).

В других тюркских языках для обозначения фиолетового цвета также могут употребляться заимствования из неродственных языков, например: гаг. *мор*, тур. *mor* (< инд.-евр.) (БРТС, 2009, с. 566; ГРРГС, 1993, с. 221).

2. Аналитические названия, состоящие из сочетания двух цветообозначений.

Фиолетовый является седьмым – завершающим цветом спектра и находится после синего. Видимо, поэтому у тюрков этот участок спектра воспринимается как синий с оттенком другого цвета, прежде всего красного. В лексикографических трудах по башкирскому языку приведены следующие названия для фиолетового цвета: *кызыл күк* ‘букв. красно-синий’ (БРС, 1996, с. 312), *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’ (РБС, 2005, с. 587), *зәңгәр күк* ‘букв. голубо-синий’ (Фатихов, 1997). В художественной прозе встречается также сочетание *кыз-гылт күк* ‘букв. красновато-синий’ (КБЯП). Аналогичные сочетания встречаются и в других тюркских языках: ккалп. *кызгылт көк* ‘букв. красновато-синий’, алт. *көк-кызыл* ‘букв. сине-красный’, хак. *хызамдых көк* ‘букв. красновато-синий’, чув. *хёрлэ-кйвак* ‘букв. красно-синий’ (АРС, 2018, с. 371; РКС, 1967, с. 1069; РХС, 1961, с. 908; РЧС, 2002, с. 460). Здесь следует обратить внимание на то, что способы образования названий цвета в приведенных языках по сути идентичны. В постпозиции располагается основное название цвета, а в препозиции – название цвета, представляющего его оттенок, причем он может использоваться как с аффиксом прилагательного, так и без него. Так, наличие аффиксов неполноты признака наблюдается в каракалпакском и хакасском языках: ккалп. *кыз-гылт*, хак. *хыз-амдых*. В словарях алтайского, чувашского и тувинского языков первые компоненты сложного термина для обозначения фиолетового цвета приведены без аффикса прилагательного: алт. *көк-кызыл*, тув. *ягаан-көк*, чув. *хёрлэ-кйвак*, что ошибочно можно принять за название сине-красного сочетания. В источниках по башкирскому языку представлены оба варианта названий (как с аффиксом прилагательного, так и без него).

Итак, с учетом вышеизложенного отметим: фиолетовый цвет в мировоззрении тюрков не является самостоятельным цветом, а представляет собой оттенок, образующийся путем смешения двух цветов, в основном синего или красного.

3. Калька с русского языка *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’.

Природным эталоном фиолетового цвета является цветок фиалки. Возможно, в связи с этим в обозначении фиолетового цвета в башкирском языке может употребляться название фиалки. Считается, что оно является калькой с русского языка: *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’ (рус. *фиолетовый*) (Суфьянова, 2005). В других тюркских языках также встречаются аналитические названия, употребляемые, как и в башкирском, в значении ‘цвета фиалки’ (калька с русского): гаг. *меневише бойасы* ‘цвета фиалки’ (ГРРГС, 1993, с. 221), аз. *bəpövsəyi* ‘цвета фиалки’ (АРС, 2006, с. 280).

4. Дialeктное слово *көрән*.

В демском говоре южного диалекта и северо-западном диалекте башкирского языка фиолетовый цвет обозначен лексемой *көрән* (СБГ, 1970, с. 112). Слово восходит к ПТю. **k'ürey* ‘коричневый’¹, рефлекс которого в тюркских языках, в том числе и в башкирском, употребляются для обозначения коричневого цвета. На первый взгляд не совсем ясно, в связи с чем этот термин стал употребляться в значении ‘фиолетовый’. Но, если обратить внимание на праалтайскую форму цветообозначения, которая восстанавливается как **k'iy'ru* ‘красный; коричневый, темный’ [Starostin et al., 2003, p. 828–829], можно предположить, что в демском говоре слово *көрән*, возможно, сохранило такие праалтайские значения, как ‘красный’ и ‘темный’, поскольку, как говорилось выше, фиолетовый в тюркских языках – это оттенок синего или красного.

¹ См.: Мудрак О. А. Развитие пратюркской системы фонем. URL: <http://altaica.ru/texts/prototurk.pdf> (дата обращения 31.03.2023).

Отметим, что подобное явление наблюдается и в случае с цветообозначением *albajı* ‘желтый; русый, рыжий (о человеке)’ в киргизском языке. Предполагается, что кирг. *al*, которое является рефлексом ПА **ɣiðle* ‘красный, розовый, желтый’, сохранило праалтайское значение ‘желтый’, тогда как в других тюркских языках зафиксированы значения ‘красный’ и ‘розовый’ [Муратова, 2020, с. 721].

Итак, в башкирском языке для обозначения фиолетового цвета встречаются четыре типа названий, которые отличаются по сфере употребления: 1) персидское заимствование *шәмәхә*; 2) аналитические названия, состоящие из сочетания двух цветообозначений (*кызыл / кызгылт күк, көрән күк, зәңгәр күк*); 3) калька с русского языка *миләүшә төс* ‘цвета фиалки’; 4) диалектное слово *көрән*.

Особенности употребления лексем для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке

Функционирование цветообозначений в современном башкирском языке находит отражение в художественных произведениях, фольклоре, публицистических текстах, которые представлены в электронных корпусах башкирского языка (КБЯП; КБЯПубл; КБЯФ).

Использование слова *шәмәхә* ‘фиолетовый’ характерно для художественных произведений и публицистики. Заметим, что в прозе оно встречается с начала XX в.: *Электән дә шәмәхә танауы тағы ла бүртенгән* ‘Его и так **фиолетовый** нос еще сильнее вздулся’ (А. Тагиров); *Үзе [Ардыуанов]... шәмәхә кәләм менән ашығып низер яззы* ‘Сам [Ардуванов]... торопливо писал **фиолетовым** карандашом’ (И. Абдуллин); *Шәмәхә төсөндәге умырзая икән, сирень сәскәһенә лә окшап тора әзерәк* ‘Это, оказывается, подснежник **фиолетового** цвета, он чем-то даже похож на цветок сирени’ (Г. Якупова) (КБЯП).

Активное применение слова *шәмәхә* наблюдается в публицистике последних лет: *Әгәр олоноң киҗелгән урынына йод һөртһән, уның [ағастың] үзәге зәңгәр йәки шәмәхә төскә инә* ‘Если намазать йод на поперечный разрез ствола, то сердцевина дерева окрасится в голубой или **фиолетовый** цвет’².

Употребление сочетаний *кызыл / кызгылт күк* отмечается в прозе, поскольку язык прозы, как правило, основывается на разговорной речи народа: *Ул Емеште кескәй бала шикелле итеп күтәрәп алды. Сөгәлдөр кеүек кызыл күк төскә ингән аяктарын үзенең шинель салгыйзары менән ураны* ‘Он поднял Емеш на руки, как маленького ребенка. Ноги дочери, ставшие **фиолетовыми**, как свекла, он укутал полами своей шинели’ (З. Биешева); *Тулыбай... кызгылт күк тәңкәләргә төртөп күрһәтте* ‘Тулыбай... показал пальцем на **фиолетовые** кружочки’ (Д. Буляков) (КБЯП).

Калька с русского *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’ встречается только в публицистике: *Бала Лунтиктың ниндәй йәнлек икәнән аңлай алмай, ә уның Айза йәшәгәнән белгәс, ни өсөн миләүшә төсөндә икән, тип баш вата* ‘Ребенок не может понять, каким животным является Лунтик, и, когда узнает, что он живет на Луне, задумывается о том, почему он **фиолетового** цвета’³.

Примеров использования названий *көрән* ‘букв. коричневый’, *көрән күк* ‘букв. коричневатого-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’ в рассмотренных нами источниках (корпусы башкирской прозы, публицистики, фольклора, поэзии) не обнаружено. Данные слова зафиксированы в двуязычных, диалектологических, терминологических словарях башкирского языка, составители которых при интерпретации названий, как правило, опирались на народно-разговорный язык, например: *көрән умырзая* ‘фиолетовый подснежник’ (ДСБЯ,

² Нилектән шулай? (Отчего так?) // URL: <http://bash.bashgazet.ru/obshestvo/22284-nilektn-shulay.html> (дата обращения 31.10.2022).

³ Как булығыз, йәнһүрәт! (Осторожно, мультфильм) // URL: <https://ye102.ru/articles/obrazovanie/2019-03-30/abuly-y-y-n-r-t-716617> (дата обращения 31.10.2022).

2002, с. 155; СБГ, 1970, с. 112), *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’ (РБС, 2005, с. 587), *зәңгәр күк* ‘букв. голубо-синий’ (Фатихов, 1997).

Итак, примеры показывают, что названия для обозначения фиолетового цвета отличаются друг от друга по сфере применения. Их употребление зависит от формы речи (устной или письменной) и литературного жанра.

Заключение

Подытоживая исследование, отметим, что для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке употребляются четыре типа названий: 1) персидское заимствование *шәмәхә* (перс. شامخی ‘цвет шамаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в городе Шамахи’); 2) аналитические названия, состоящие из сочетания двух цветообозначений (*кызыл / кызгылт күк* ‘букв. красно(вато)-синий’, *көрән күк* ‘букв. коричневатого-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’); 3) калька с русского языка *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’; 4) диалектное слово *көрән*, которое в литературном языке употребляется в значении ‘коричневый’.

Данные названия отличаются друг от друга по сфере применения. В современном литературном языке принято название *шәмәхә*; в публицистике преимущественно употребляется название эталона цвета, калька с русского языка – *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’; в диалектах встречается моноксема *көрән* ‘букв. коричневый’; в народно-разговорной речи представлены аналитические названия *кызыл күк* ‘букв. красновато-синий’, *кызыл күк* ‘букв. красно-синий’, *көрән күк* ‘букв. коричневатого-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’.

В заключение отметим, что отсутствие непроизводного слова для одного из основных цветов спектра привело к использованию заимствованной лексемы в башкирском литературном языке, которая находит активное применение в прозе и публицистике, но не применяется в народно-разговорной речи, вследствие чего в диалектах и в устной речи народа употребляются аналитические названия, а также диалектное слово, которое в литературном языке является названием другого цвета.

Список сокращений

букв. – буквально; языки: аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, гаг. – гагаузский, инд.-евр. – индо-европейские, кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, перс. – персидский, ПА – праалтайский, ПТю. – пратюркский, рус. – русский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, хак. – хакасский, чув. – чувашский, як. – якутский.

Список литературы

- Бахилина Н. Б.** История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
- Габышева Л. Л.** Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. 2019. № 6. С. 57–65. DOI 10.25587/SVFU.2019.74.44569
- Кезина С. В.** Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Монография. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 304 с.
- Кононов А. Н.** Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
- Майзина А. Н.** Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком): Монография. Горно-Алтайск: Науч.-исслед. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. 263 с.

- Мудрак О. А.** Развитие пратюркской системы фонем. URL: <http://altaica.ru/texts/prototurk.pdf> (дата обращения 31.03.2023).
- Муратова Р. Т.** Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения *al* 'алый, розовый' в тюркских языках // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13, № 3. С. 714–727. DOI 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714-727
- Сувандии Н. Д.** Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // *Новые исследования Тувы*. 2019. № 4. С. 195–206. DOI 10.25178/nit.2019.4.16.
- Фрумкина Р. М.** Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа: Монография. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Berlin B., Kay P.** Basic color terms. Their universality and evolution. Berkley and Los Angeles: The Uni. of California Press, 1969. 178 p.
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.** An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.

Список источников

- АРС, 2006 – Азербайджанско-русский словарь: В 4 т. Баку: Şərq-Qərb, 2006. Т. 1 (А–Д). 896 с.
- АРС, 2018 – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- Ахметьянов Р. Г.** Этимологический словарь татарского языка: В 2 т. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. Т. 2 (М–Я). 567 с. (на тат. яз.)
- БРС – Башкирско-русский словарь. М.: Диогра; Русский язык, 1996. 884 с.
- БРТС – Большой русско-турецкий словарь. М.: Дом славянской книги, 2009. 608 с.
- ГРРГС – **Бабоглу Н. И., Бабоглу И. И.** Гагаузско-русский, русско-гагаузский словарь. Кишинев: Vivat, 1993. 237 с.
- ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
- КБЯП – Корпус башкирского языка. Проза. URL: <http://212.193.132.98/bashcorp/bashcorp> (дата обращения 31.03.2023).
- КБЯПубл – Корпус башкирского языка. Публицистика. URL: <http://212.193.134.139/bashcorp/korpuspub> (дата обращения 31.03.2023).
- КБЯФ – Корпус башкирского языка. Фольклор. URL: <http://212.193.134.139/bashcorp/korpusfol> (дата обращения 31.03.2023).
- РБС – Русско-башкирский словарь: В 2 т. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 2 (П–Я). 680 с.
- РКС – Русско-каракалпакский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 1124 с.
- РХС – Русско-хакасский словарь / Под ред. Д. И. Чанкова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 968 с.
- РЧС – **Скворцов М. И., Скворцова А. В.** Русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 511 с.
- СБГ – Словарь башкирских говоров. Уфа: Китап, 1970. Т. 2 (Южный диалект). 326 с. (на башк. яз.).
- Суфьянова Н. Ф.** Русско-башкирский словарь-справочник: для работников торговли и общественного питания. Уфа: Китап, 2005. 127 с.
- ТРС – Татарско-русский словарь: В 2 т. Казань: Магариф, 2007. Т. 2 (М–Я). 726 с.
- Фатихов Р. Р.** Русско-башкирский словарь терминов по изобразительному искусству. Уфа: Китап, 1997. 55 с.

References

- Bakhilina N. B.** Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke [History of the Color Terms in the Russian Language]. Moscow, Nauka, 1975, 292 p. (in Russ.)

- Berlin B., Kay P.** Basic color terms. Their universality and evolution. Monograph. Berkley and Los Angeles, The Uni. of California Press, 1969, 178 p.
- Frumkina R. M.** Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza [Color, Meaning, Similarity. Aspects of Psycholinguistic Analysis]. Moscow, Nauka, 1984, 176 p. (in Russ.)
- Gabysheva L. L.** Simvolicheskie znacheniya imeni krasnogo tsveta v yazykakh i kul'ture tyurkskikh narodov [Symbolic Meanings of the Red Color Name in the Languages and Culture of Turkic Peoples]. *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Vestnik of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University], 2019, no. 6, pp. 57–65. (in Russ.) DOI 10.25587/SVFU.2019.74.44569
- Kezina S. V.** Semanticheskoe pole tsvetooboznachenii v russkom yazyke (diakhronicheskii aspekt) [The Semantic Field of Color Terms in the Russian Language (Diachronic Aspect)]. Monograph. Penza, PGPU im. V. G. Belinskogo Press, 2008, 304 p. (in Russ.)
- Kononov A. N.** Semantika tsvetooboznachenii v tyurkskikh yazykakh [Semantics of Color Terms in Turkic Languages]. In: Tyurkologicheskii sbornik – 1975 [Turkological collection – 1975]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 159–179. (in Russ.)
- Mayzina A. N.** Semanticheskoe pole tsvetooboznachenii v altaiskom yazyke (v sopostavlenii s mongol'skim yazykom) [Semantic Field of Color Namings in the Altai Language (In Comparison with the Mongolian Language)]. Gorno-Altaysk, Nauch.-issled. in-t altaistiki im. S. S. Surazakova, 2008, 263 p. (in Russ.)
- Mudrak O. A.** Razvitie pratyurkskoi sistemy fonem [Development of the Proto-Turkic System of Phonemes]. (in Russ.) URL: <http://altaica.ru/texts/prototurk.pdf>
- Muratova R. T.** Istoricheskoe i leksiko-semanticheskoe razvitie tsvetooboznacheniya *al* ‘alyi, rozovyi’ v tyurkskikh yazykakh [Historical and Lexical-Semantic Development of the Color Designation *al* ‘Scarlet, Pink’ in the Turkic Languages]. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 714–727. (in Russ.) DOI 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714-727
- Suvandii N. D.** Toponimy-tsvetooboznacheniya v tuvinskom yazyke [Toponyms of Color Designations in the Tuvan Language]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2019, no. 4, pp. 195–206. (in Russ.) DOI 10.25178/nit.2019.4.16
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.** An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, Brill, 2003, 1556 p.

List of Sources

- Akhmetyanov R. G.** Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka [The Etymological Dictionary of the Tatar Language]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, vol. 2: M–Ya, 567 p. (in Tatar.)
- Altaisko-russkii slovar'** [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 936 p. (in Altai, in Russ.)
- Azerbaidzhansko-russkii slovar'** [Azerbaijani-Russian dictionary]. In 4 vols. Baku, Şərq-Qərb, 2006, vol. 1 (A–D), 896 p. (in Azer., in Russ.)
- Baboglu N. I., Baboglu I. I.** Gagauzsko-russkii, russko-gagauzskii slovar' [Russian Gagauz-Gagauz dictionary]. Kishinev, Vivat, 1993, 237 p. (in Gagauz, in Russ.)
- Bashkirsko-russkii slovar'** [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, Diogra Publ., Russkii yazyk Publ., 1996, 884 p. (in Bashk., in Russ.)
- Bol'shoi russko-turetskii slovar'** [Large Russian-Turkish dictionary]. Moscow, Dom slavyanskoi knigi, 2009, 608 p. (in Turk., in Russ.)
- Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka** [Dialectological dictionary of Bashkir]. Ufa, Kitap, 2002, 432 p. (in Bashk.)
- Fatikhov R. R.** Russko-bashkirskii slovar' terminov po izobrazitel'nomu iskusstvu [Russian-Bashkir Dictionary of Fine Arts Terms]. Ufa, Kitap Publ., 1997, 55 p. (in Russ., in Bashk.)
- Korpus bashkirskogo yazyka. Fol'klor** [Corpus of the Bashkir language. Folklore]. (in Bashk.) URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/korpusfol> (accessed 31.03.2023).

- Korpus bashkirskogo yazyka. Proza [Corpus of the Bashkir language. Prose]. (in Bashk.) URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/bashkorp> (accessed 31.03.2023).
- Korpus bashkirskogo yazyka. Publitsistika [The Bashkir language corpus. Publicism]. (in Bashk.) URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/korpuspub> (accessed 31.03.2023).
- Russko-bashkirskii slovar' [Russian-Bashkir dictionary]. In 2 vols. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 2005, vol. 2 (P–Ya), 680 p. (in Bashk., in Russ.)
- Russko-karakalpaskii slovar' [Russian-Karakalpak Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967, 1124 p. (in Karakalpak, in Russ.)
- Russko-khakasskii slovar' [Russian-Khakass dictionary]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1961, 968 p. (in Khakas, in Russ.)
- Skvortsov M. I., Skvortsova A. V.** Russko-chuvashskii slovar' [Russian-Chuvash dictionary]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, 511 p. (in Chuvash, in Russ.)
- Slovar' bashkirskikh govorov [Dictionary of Bashkir dialects]. Ufa, Kitap Publ., 1970, vol. 2 (Southern dialect), 326 p. (in Bashk., in Russ.)
- Sufyanova N. F.** Russko-bashkirskii slovar'-spravochnik: dlya rabotnikov trgovli i obshchestvennogo pitaniya [Russian-Bashkir dictionary-reference book: for trade and public catering workers]. Ufa, Kitap Publ., 2005, 127 p. (in Bashk.)
- Tatarsko-russkii slovar'. In 2 vols. [Tatar-Russian dictionary]. Kazan, Magarif Publ., 2007, vol. 2 (M–Ya), 726 p. (in Tatar, in Russ.)

Информация об авторе

Римма Талгатовна Муратова, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57203181636
WoS Researcher ID C-3771-2014
RSCI Author ID 620425
SPIN 6172-8800

Information about the Author

Rimma T. Muratova, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57203181636
WoS Researcher ID C-3771-2014
RSCI Author ID 620425
SPIN 6172-8800

*Статья поступила в редакцию 03.11.2022;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 28.04.2023
The article was submitted on 03.11.2022;
approved after reviewing on 24.04.2023; accepted for publication on 28.04.2023*

Научная статья

УДК 811.512.122 + 81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-76-88

Ассоциативный эксперимент как вспомогательный метод выявления особенностей лингвоцветовой картины мира казахов

Наталья Борисовна Кошкарева¹

Майя Даулеткызы Абжапарова²

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Товарищество с ограниченной ответственностью «Astana IT University»
Астана, Казахстан

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>

² abzhaparovamd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4828-3110>

Аннотация

Анализируются результаты, полученные в ходе психолингвистического ассоциативного эксперимента (АЭ), проведенного в 2021 г. с аудиторией студентов, для которых казахский язык является родным. К базовым цветообозначениям в казахском языке отнесено 8 лексем: *қара* 'черный', *ақ* 'белый', *көк* 'синий', *қызыл* 'красный', *сары* 'желтый', *қоңыр* 'коричневый', *жасыл* 'зеленый' и *сұр* 'серый' – на основе их частотности, непроизводности, прозрачности лексического значения, широкой сочетаемости со словами разных семантических классов и словообразовательной продуктивности. АЭ показал, что значительная доля устойчивых ассоциаций лежит в эмоциональной, духовной и интеллектуальной сферах, тогда как предметы окружающего мира как эталоны для цветообозначений представлены большим количеством единичных, индивидуальных ассоциаций.

Ключевые слова

ассоциативный эксперимент, казахский язык, символика цвета, цветообозначения

Для цитирования

Кошкарева Н. Б., Абжапарова М. Д. Ассоциативный эксперимент как вспомогательный метод выявления особенностей лингвоцветовой картины мира казахов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 76–88. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-76-88

Associative Experiment as an Auxiliary Method to Identify the Features of the Linguocolor Pictures of the Kazakh World

Natalia B. Koshkareva¹, Maya D. Abzhaparova²

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Limited Liability Partnership “Astana IT University”
Astana, Kazakhstan

¹ koshkar_nb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4578-6591>

² abzhaparovamd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4828-3110>

Abstract

Purpose. General aim of this article is the structuring of the functional-semantic field of color terms in the Kazakh language.

© Кошкарева Н. Б., Абжапарова М. Д., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 76–88

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 76–88

Results. The article analyzes the experimental results obtained during the psycholinguistic association experiment (AE) conducted in 2021 with students being native Kazakh speakers. The Almaty Corpus of the Kazakh language was used for determining the frequency of basic adjectives in the Kazakh language. There were assigned 8 lexemes as basic color terms in the Kazakh language: *qara* 'black', *aq* 'white', *kok* 'blue', *kyzyl* 'red', *sary* 'yellow', *qoңыр* 'brown', *zhasyl* 'green' and *sur* 'grey' – on the basis of their frequency, non-derivation, transparency of lexical meaning, wide compatibility with words of different semantic classes and word-formation productivity. The conducted associative experiment was aimed to identify the standards of basic color designations rooted in the linguistic consciousness, as well as the respondents' original reactions to color.

Conclusion. The application of the associative experiment revealed the features of the linguistic picture of the world of the Kazakhs in terms of the color representation of reality. The use of AE made it possible to obtain information about different levels of color awareness, which allows clarifying and verifying one of the possible ways to study color designations. A significant proportion of stable associations lie in the emotional, spiritual and intellectual spheres, whereas objects of the environment acting as standards for color values are represented by a large number of single, individual associations.

Keywords

associative experiment, associations, research, Kazakh language, lexemes, method, color symbolism, color, color perception, color designations

For citation

Koshkareva N. B., Abzhaparova M. D. Associative Experiment as an Auxiliary Method to Identify the Features of the Linguocolor Pictures of the Kazakh World. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 76–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-76-88

Введение

Актуальность работы связана с реализацией комплекса подходов, позволяющих дать всестороннюю характеристику одной из важнейших лексических подсистем – прилагательных-цветообозначений, через которую отражается взгляд народа на предметный мир.

Объект исследования – лексемы-цветообозначения, предмет – структурирование функционально-семантического поля цветообозначений в казахском языке. В нашем исследовании казахских цветообозначений ассоциативный эксперимент стал вспомогательным методом, способствующим структурированию семантического поля цветообозначений.

Согласно теории Б. Берлина и П. Кея, критериями определения цветообозначений в качестве базовых являются следующие: они наиболее частотны, непроеизводны и не относятся к сложным словам, имеют широкую сочетаемость, могут служить деривационной базой для производного словообразования, их значение прозрачно для носителей языка [Berlin, Kay, 1969].

Единого мнения о составе и количестве базовых цветообозначений в казахском языке до сих пор нет. Согласно эмпирическим исследованиям казахстанских и зарубежных ученых, количество базовых цветообозначений варьирует от 6 до 11.

А. Т. Кайдаров на основе частоты использования в лексических оборотах, идиомах и пословицах выделяет шесть основных цветообозначений: *aq* 'белый', *qara* 'черный', *qyzyl* 'красный', *kök* 'синий', *sary* 'желтый', *ala* 'разноцветный' [Кайдаров, 2013]. В других работах к базовым причисляются также лексемы *sur* 'серый', *qoңыр* 'коричневый' в связи с частотностью их употребления во фразеологических оборотах [Кайдаров et al., 1992].

В работе В. Grezsa «What do colour names tell us? The case of Kazakh» [2018] («О чем говорят цветообозначения? Пример казахского языка») цветообозначения разделяются на три категории: основные, производные, особо выделяется группа сложных прилагательных. К основным относится 9 лексем: *aq* 'белый', *qara* 'черный', *boro* 'серый', *qyzyl* 'красный', *kök* 'синий', *zhasyl* 'зеленый', *sary* 'желтый', *qoңыр* 'коричневый', *ala* 'пестрый, разноцветный'. Спорным, на наш взгляд, является отнесение к числу базовых прилагательного *boro* 'серый', так как оно употребляется в основном для обозначения масти лошадей, более широкую сочетаемость имеет прилагательное *sur*, обозначающее серый цвет, а также включение в группу основных прилагательного *ala* 'пестрый, разноцветный', так как его сочетае-

мость также ограничена, и оно именует не цвет как таковой, а особенность окраски, распределения пятен и полос на поверхности.

С. Абдраманова на основе эксперимента, проведенного с молодыми представителями казахского народа, относит к базовым 11 цветообозначений: *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *сары* ‘желтый’, *жасыл* ‘зеленый’, *қызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *қоңыр* ‘коричневый’, *сұр* ‘серый’, *көгілдір* ‘бледно-голубой’, *қызғылт* ‘розовый’ и *күлгін* ‘пурпурный’ [Abdramanova, 2017].

Мы относим к числу базовых в казахском языке следующие 8 цветообозначений:

- ахроматические: *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *сұр* ‘серый’;
- хроматические: *қызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *жасыл* ‘зеленый’, *сары* ‘желтый’, *қоңыр* ‘коричневый’.

В определении частотности употребления базовых прилагательных в казахском языке мы опирались на данные Алматинского корпуса казахского языка (далее – АККЯ)¹, который представляет собой пилотную интеллектуальную информационно-справочную систему на основе обширного фонда размеченных текстов. В настоящий момент размер АККЯ составляет более 40 миллионов словоупотреблений, он включает письменные тексты на современном казахском языке, сбалансированно распределенные по нескольким подкорпусам: художественный, научный, художественно-публицистический. Данные корпуса даются на трех языках: казахском, русском, английском. Результаты поисковых возможностей АККЯ обширные. Ключевой особенностью АККЯ является наличие не только метатекстовой информации, но и трех дополнительных разметок – морфологической, синтаксической и семантической, позволяющих использовать его данные для научных исследований.

В таблице приведены полученные нами данные АККЯ, показывающие количество употреблений рассматриваемых цветообозначений, которые предопределили выбор восьми базовых цветообозначений в казахском языке.

Количество употреблений цветообозначений
по данным Алматинского корпуса казахского языка
The number of uses of color terms according to the Almaty corpus
of the Kazakh language

Цветообозначение	Количество употреблений в корпусе
<i>қара</i> ‘черный’	2 514
<i>ақ</i> ‘белый’	1 884
<i>көк</i> ‘синий’	901
<i>қызыл</i> ‘красный’	768
<i>сары</i> ‘желтый’	740
<i>қоңыр</i> ‘коричневый’	219
<i>жасыл</i> ‘зеленый’	173
<i>сұр</i> ‘серый’	167
<i>көгілдір</i> ‘голубой’	84
<i>қызғылт</i> ‘розовый’	42
<i>қызғылт сары</i> ‘оранжевый’	42
<i>күлгін</i> ‘фиолетовый’	18

По количественному параметру цветообозначения казахского языка распределяются на четыре группы. В первую входят наиболее частотные лексемы *қара* ‘черный’ и *ақ* ‘белый’, количество вхождений для которых составляет порядка двух тысяч. Вторую группу образуют три лексемы: *көк* ‘синий’, *қызыл* ‘красный’, *сары* ‘желтый’, количество употреб-

¹ http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru

лений которых лежит в пределах семисот-девятисот. К третьей группе относятся цветообозначения *қоңыр* 'коричневый', *жасыл* 'зеленый', *сұр* 'серый', количество употреблений которых колеблется в пределах двухсот. В четвертую группу мы относим лексемы *көгілдір* 'голубой', *қызғылт* 'розовый', *қызғылт сары* 'оранжевый', *күлгін* 'фиолетовый', количество употреблений которых не превышает ста.

Прилагательные *ақ* 'белый', *қара* 'черный', *qiz(i)l* 'красный', *kök* 'синий' являются древнетюркскими, этим обуславливается их устойчивость в языке и частотность словоупотреблений.

Согласно теории Б. Берлина и П. Кея, хронологически третьим по порядку после прилагательных *черный* и *белый* появляется наименование для красного цвета. Однако в казахском языке, согласно данным АККЯ, третье место по частотности занимает лексема *көк* 'синий'. Данные этимологических словарей показывают, что еще в древнетюркском языке лексема *көк* 'синий' была полисемантической. Обозначение одним словом *көк* синего, голубого, зеленого и серого цветов А. Н. Баскаков называл «тюркским дальтонизмом» и характеризовал это явление как общетюркское [Мусаев, 1996]. Вероятно, высокая частотность данного слова объясняется его многозначностью. Следующими по частоте употребления являются *қызыл* 'красный' и *сары* 'желтый'. В соответствии с данными АККЯ, лексема *қоңыр* 'коричневый' имеет относительно более высокую частотность по сравнению со словами *сұр* 'серый' и *жасыл* 'зеленый', что подтверждает необходимость включения этого цветообозначения в состав базовых.

По количественному параметру в круг базовых для казахского языка цветообозначений мы включаем прилагательные первых трех групп, для которых количество употреблений составило в АККЯ более ста. Кроме того, мы учитываем частотность цветообозначений в устойчивых сочетаниях, которая отмечается в предшествующих исследованиях, а также представления самих носителей языка о значимости данных цветов для культуры казахского народа, их широкие словообразовательные возможности и круг переносных значений как обоснование их отнесения к числу базовых.

Цветообозначения *көгілдір* (*көк=il=dір*) 'голубой', *қызғылт* (*қыз=ғылт*) 'розовый', *қызғылт сары* 'оранжевый' (букв.: розовый желтый), *күлгін* (*күл=gін*) 'фиолетовый' в данной работе не рассматриваются, так как они имеют низкую частотность употребления, являются производными и появились в языке сравнительно недавно.

Таким образом, к базовым цветообозначениям в казахском языке мы относим 8 лексем: *қара* 'черный', *ақ* 'белый', *көк* 'синий', *қызыл* 'красный', *сары* 'желтый', *қоңыр* 'коричневый', *жасыл* 'зеленый' и *сұр* 'серый' – на основе их частотности, непродуцируемости, прозрачности лексического значения, широкой сочетаемости со словами разных семантических классов и словообразовательной продуктивности.

Ассоциативный эксперимент как инструмент изучения цветообозначений

В настоящее время ассоциативный эксперимент (АЭ) является одним из самых востребованных образовательных методов и широко применяется в исследованиях в разных областях знания – психологии, лингвистике, психолингвистике, социологии и др.

В психолингвистике АЭ позволяет раскрыть уникальные характеристики мировидения определенного народа, показать его национально-культурные особенности. Результаты АЭ дают представление о содержании и функционировании разных слоев языкового сознания, иерархии ценностных представлений о мире и специфике языкового сознания этноса. По мнению Н. В. Дмитриук, вербальные ассоциации в этом аспекте рассматриваются как одно из средств доступа к языковому сознанию посредством ассоциативных реакций, представленных, в частности, в словарях ассоциативных норм разных языков [Дмитриук, 2014, с. 76].

Результаты проведенного нами эксперимента несколько отличаются от результатов, полученных в 2014 г. группой исследователей под руководством Н. В. Дмитриук [Дмитриук и др., 2014; 2015], которые отражены в «Казахском ассоциативном словаре», где содержатся реакции на три слова: *ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *қызыл* ‘красный’. Возможно, расхождения связаны с тем, что наш эксперимент проведен на существенно меньшей группе испытуемых, и, при расширении состава, результаты могут быть скорректированы. Проведенный нами АЭ был направлен прежде всего на выявление укорененных в языковом сознании эталонов базовых цветообозначений, а также оригинальных реакций респондентов на цвет.

Испытуемыми в АЭ стали студенты вузов очного и заочного обучения в возрасте 17–25 лет, для которых казахский язык является родным. Всего собрано 100 анкет. На каждое из 8 слов-стимулов (*ақ* ‘белый’, *қара* ‘черный’, *сұр* ‘серый’, *қызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *жасыл* ‘зеленый’, *сары* ‘желтый’, *қоңыр* ‘коричневый’) было предложено написать по три реакции. Таким образом, для каждого цветообозначения получено по 300 реакций. Представим основные результаты эксперимента.

Ақ ‘белый’. Самой частотной реакцией в нашем АС на стимул *ақ* ‘белый’ оказалась реакция *тазалық* ‘чистота’, на ее долю приходится 37 ответов (12,4 %). Реакция *сүт* ‘молоко’ дана 23 раза (7,7 %), *қар* ‘снег’ – 17 раз (5,8 %).

От 14 до 4 ответов приходится на следующие ассоциации: *жарық* ‘свет’ (4,7 %), *періште* ‘ангел’ (4 %), *жақсылық* ‘доброта’ (4 %), *тыныштық* ‘тишина’ (2,8 %), *нәзіктік* ‘нежность’ (2,4 %), *төсек орын* ‘постельные принадлежности’ (2,4 %), *бұлт* ‘облака’ (2,4 %), *пәктік* ‘непорочность’ (2 %), *бостандық* ‘свобода’ (2 %), *раушан гүл* ‘роза цветок’ (1,8 %), *аңқаулық* ‘наивность’ (1,4 %), *ана* ‘мать’ (1,4 %), *айран* ‘кефир’ (1,4 %), *орамал* ‘полотенце’ (1,4 %), *құрт* ‘курт’ (1,4 %), *жеңіл көйлек* ‘легкое платье’ (1,4 %).

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 9 ассоциаций: *бөпе* ‘малыш’, *көгершін* ‘голубь’, *киім* ‘одежда’, *сиыр* ‘корова’, *әділдік* ‘справедливость’, *сенім* ‘доверие’, *ақ кесе* ‘белая чашка’, *қыс* ‘зима’, *жаңа өмір* ‘новая жизнь’.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 18 ассоциаций: *тәуелсіздік* ‘независимость’, *аспан* ‘небеса’, *той көйлегі* ‘свадебное платье’, *бақыт* ‘счастье’ и др.

Больше всего в ассоциативном эксперименте единичных ассоциаций – 52 реакции (по 0,3 %): *пиджак* ‘куртка’, *таза көлік* ‘чистый транспорт’, *машина* ‘машина’, *шын ниет* ‘искреннее намерение’, *берілу* ‘отдача’, *кінәсіздік* ‘невинность’, *сергектік* ‘свежесть’, *анашым* ‘мама’, *мақта кәмпит* ‘сахарная вата’ и др.

С наиболее частотной реакцией *тазалық* ‘чистота’ группируются другие абстрактные понятия, связанные с представлениями о положительных характеристиках внутреннего мира человека: *жақсылық* ‘доброта’, *нәзіктік* ‘нежность’, *пәктік* ‘честность’, *әділдік* ‘справедливость’, *сенім* ‘доверие’. К ним примыкают такие ассоциации, как *жарық* ‘свет’, *періште* ‘ангел’, *бостандық* ‘свобода’, *бақыт* ‘счастье’, *жеңілдік* ‘легкость’, *қанаттар* ‘крылья’, *жаңа бастау* ‘новое начало’, *өмір* ‘жизнь’, *әлем* ‘мир’, *қуаныш* ‘радость’, *жақсы* ‘хорошо’. Совокупно такие реакции составляют 39,1 % ответов.

Соответственно, по результатам проведенного нами эксперимента, молодое поколение связывает белый цвет прежде всего с духовной сферой, а не с предметами материального мира.

Слово *сүт* ‘молоко’ входит в группу ассоциаций *айран* ‘кефир’, *құрт* ‘курт’, *сиыр* ‘корова’. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 11,5 %.

Слово *қар* ‘снег’ группируется с такими словами, как *бұлт* ‘облака’, *қыс* ‘зима’. Всего – 9,2 %.

Наиболее разнообразно представлена группа ассоциаций, называющих конкретные предметы реального мира белого цвета, при этом практически все они представлены в выборке единичными примерами: *төсек орын* ‘постельные принадлежности’, *орамал* ‘полотенце’, *перделер* ‘шторы’, *іш киім* ‘нижнее белье’, *көйлек* ‘платье’, *той көйлек* ‘свадебное платье’, *мақта кәмпит* ‘сахарная вата’, *бос шифер* ‘пустой лист’, *пластик терезе* ‘пластиковое ок-

но', маска 'маска', тоңазытқыш 'холодильник', тәтті мақта 'сладкая вата', жаялық 'подгузник' и др. Всего – 6,5 %.

Среди наиболее частотных реакций в эксперименте, проведенном под руководством Н. В. Дмитриук [Дмитриук и др., 2014], выступают ақ қар 'белый снег' (77), қара 'черный' (70), сүт 'молоко' (36). Выявленная нами самая частотная реакция тазалық 'чистота' соотносится с реакцией таза 'чистый' (20), которая располагается на 10-м месте после таких слов, как пәк 'невинный' (29), аққөңіл 'простодушный' (24), ақ гүл 'белый цветок' (23), көйлек 'платье' (23), ақ машина 'белая машина' (20). Однако слова, относящиеся к той же понятийной области ('невинный', 'простодушный'), также занимают высокие позиции в рейтинге, что скорее показывает сходство результатов экспериментов в целом при различии в частностях.

Қара 'черный'. Получено 92 реакции на стимул «черный», на шесть реакций меньше, чем на стимул «белый». Самой частотной является реакция өлім 'смерть' – 20 ответов (6,7 %), за ней следуют түтін 'дым' – 18 реакций (5,8 %) и көмір 'каменный уголь' – 16 реакций (5,4 %). Таким образом, количество трех самых частотных реакций кардинальным образом не различается.

От 12 до 4 реакций приходится на следующие ассоциации: көлеңке 'тень' (4 %), классикалық 'классика' (4 %), қайғы 'печаль' (4 %), нүкте 'точка' (3,7 %), шайтан 'сатана' (3,7 %), мұң 'думы' (3 %), қара көр 'видеть черное' (3 %), қараңғы 'темнота' (2 %), стресс 'стресс' (2 %), ішімдік 'алкоголь' (2 %), жамандық 'зло' (2 %), күнә 'грех' (1,8 %), сатқындық 'предательство' (1,8 %), қараңғылық 'тьма' (1,8 %), қорқыныш 'страх' (1,4 %), жабығу 'депрессия' (1,4 %), теледидар 'телевидение' (1,4 %), шаш 'волосы' (1,4 %), қайғы мұң 'горе' (1,4 %), мәйіт 'труп' (1,4 %), шам 'свеча' (1,4 %).

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 9 ассоциаций: мансап 'карьера', түн 'ночь', белгісіздік 'неопределенность', нәсіл 'раса', шәй 'чай', клуб 'клуб', көлеңке 'тень', әсемдік 'красота', стиль 'стиль'.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 15 ассоциаций: жын 'демон', теңіз 'море', мөр 'печать', мазар 'мавзолей', тұмар 'амулет', жарақ 'оружие', кофе 'кофе' и др.

Больше всего в ассоциативном эксперименте единичных ассоциаций – 44 реакции (по 0,3 %): қағаз 'бумага', құл / күң 'раб', түс 'цвет', жоқтау 'траур', соңы 'конец', жабдық 'оборудование', теріс 'отрицание', жауыздық 'злоба', қатыгездік 'жестокость', смокинг 'смокинг', лофт стилі 'стиль лофт', мақтанишақтық 'хвастовство', суық 'холод' и др.

С наиболее частотной реакцией өлім 'смерть' группируются другие абстрактные понятия, связанные с представлениями о загробной жизни, трауре, горе и несчастьях: тозақ 'ад', арғы өмір 'загробная жизнь', шайтан 'сатана', жын 'демон', табыт 'гроб', мәйіт 'труп', мазар 'мавзолей', жоқтау 'траур', қайғы 'печаль', стресс 'стресс', қорқыныш 'страх', жабығу 'депрессия', қайғы мұң 'горе', жауыздық 'злоба', негатив 'негатив', соғыс 'война', есірткі 'наркотики', ішімдік 'алкоголь'. Совокупно такие реакции составляют 27,3 % ответов.

По результатам проведенного нами эксперимента, молодое поколение связывает черный цвет прежде всего со смертью.

Слово түтін 'дым' входит в группу ассоциаций: қара көр 'видеть черное', қараңғы 'темнота', қараңғылық 'тьма', шам 'свеча'. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 14 %.

Слово көмір 'каменный уголь' группируется с такими словами, как кір 'грязь', суық 'холод', монша 'баня', шайыр 'смола', пойыз 'поезд'. Всего – 7,3 %.

Наиболее разнообразно представлена группа ассоциаций, называющих конкретные предметы реального мира черного цвета, при этом практически все они представлены в выборке единичными примерами: қағаз 'бумага', құл / күң 'раб', түс 'цвет', соңы 'конец', жабдық 'оборудование', смокинг 'смокинг', лофт стилі 'стиль лофт', мақтанишақтық 'хвастовство', жәбірлеу 'обижать', көріпкел 'пророк', ғарыш 'космос', арақашықтық 'дистанция', лексус

‘лексус – марка машины’, *портфель* ‘портфель’, *жылан* ‘змея’, *металл* ‘металл’ и др. Всего – 4,8 %.

В «Казахском ассоциативном словаре» стимул *қара* сопровождается реакциями *түн* ‘ночь’ (59), *қара көйлек* ‘черное платье, рубашка’ (55), *ақ* ‘белый’ (43), *киім* ‘одежда’ (32). Ассоциация *өлім* ‘смерть’ находится на 29-м месте, *көмір* ‘каменный уголь’ – на 34-м [Дмитрюк, 2014, с. 187]. Относительно велико в этом словаре совокупное количество ассоциаций, связанных с такими негативными понятиями, как *зло*, *злонамеренный*, *темные намерения*, *страх* и под. Количество ассоциаций с предметами черного цвета, прежде всего с предметами одежды, существенно выше, чем в нашем эксперименте, – около четверти всех ответов.

Таким образом, в проведенном нами эксперименте наиболее многочисленным в ассоциативном поле черного оказалось не предметное, а понятийное содержание, связанное с представлениями о смерти, трауре и горе.

Сұр ‘серый’. В материалах эксперимента представлено 76 реакций на стимул *сұр* ‘серый цвет’ в казахском языке: на долю самой частой реакции приходится 22 ответа (7,3 %) от общего числа, это реакция *тас* ‘камень’, далее в тройку самых частотных вошли реакции *тышқан* ‘мышь’ и *тұман* ‘туман’ – по 18 реакций (6 %).

От 14 до 4 реакций пришлось на следующие ассоциации: *асфальт* ‘асфальт’ (4,7 %), *қартаю* ‘старение’ (4,7 %), *белгісіздік* ‘неопределенность’ (4 %), *шаң* ‘пыль’ (4 %), *күміс* ‘серебро’ (3,7 %), *піл* ‘слон’ (3,7 %), *абыржу* ‘волнение’ (3,7 %), *қасқыр* ‘волк’ (3 %), *металл* ‘металл’ (2,7 %), *орамал* ‘полотенце’ (2,7 %), *жаңбыр* ‘дождь’ (2,2 %), *айна* ‘зеркало’ (2 %), *пальто* ‘пальто’ (1,7 %), *бетон* ‘бетон’ (1,7 %), *тоңазытқыш* ‘холодильник’ (1,7 %), *жалғыздық* ‘одиночество’ (1,7 %), *күңгірттік* ‘тьма’ (1,3 %).

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 9 ассоциаций: *бұлт* ‘облака’, *кәрілік* ‘старость’, *найзағай* ‘молния’, *түтін* ‘дым’, *тау* ‘гора’, *кітап* ‘книга’, *глина* ‘глина’, *іш пысу* ‘скупать’, *кілем* ‘ковер’.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 21 ассоциацию: *қалам* ‘ручка’, *қаталдық* ‘жестокость’, *офис* ‘офис’, *зерігу* ‘скука’, *мысық* ‘кот’, *күл* ‘пепел’ и др.

Больше всего в ассоциативном эксперименте единичных ассоциаций – 26 реакций (по 0,3 %): *саз* ‘болото’, *дәрі* ‘лекарство’, *соғыс* ‘война’, *жаңбырлы күн* ‘дождливый день’, *әшекей* ‘ювелирные изделия’, *боран* ‘метель’, *көз* ‘глаза’, *сым* ‘проволка’ и др.

С наиболее частотной реакцией *тас* ‘камень’ группируются названия предметов, связанных со строительными материалами и минералами: *асфальт* ‘асфальт’, *шаң* ‘пыль’, *металл* ‘металл’, *бетон* ‘бетон’, *глина* ‘глина’, *лас* ‘грязь’, *антрацит* ‘антрацит минерал’, *кафель* ‘кафель’. Совокупно такие реакции составляют 23,1 % ответов.

Слово *тышқан* ‘мышь’ входит в группу ассоциаций, обозначающих животных и птиц серой масти: *піл* ‘слон’, *қасқыр* ‘волк’, *мысық* ‘кот’, *қоян* ‘заяц’, *көгершін* ‘голубь’. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 14,8 %.

Слово *тұман* ‘туман’ объединяется со словами, обозначающими явления природы: *жаңбыр* ‘дождь’, *күңгірттік* ‘тьма’, *найзағай* ‘молния’, *түтін* ‘дым’, *суық ауа райы* ‘холодная погода’, *боран* ‘метель’. Всего – 12,5 %.

Как и для других цветообозначений, наиболее разнообразно представлена группа ассоциаций, называющих конкретные предметы реального мира серого цвета, при этом практически все они представлены в выборке единичными примерами: *әшекей* ‘ювелирные изделия’, *сым* ‘проволка’, *диван* ‘диван’, *самаурын* ‘самовар’, *масаты* ‘шелк’, *кеші* ‘шахтер’ и др. Всего – 8,3 %.

Особую группу составляют ассоциации *қартаю* ‘старение’, *кәрілік* ‘старость’, *белгісіздік* ‘неопределенность’, *тұйықтық* ‘замкнутость’, *абыржу* ‘волнение’, *жалғыздық* ‘одиночество’, *шаршау* ‘усталость’, *ауыртпалық* ‘ноша’, *тағдыр* ‘судьба’, *алыс жол* ‘долгий путь’ и др. Всего – 19,1 %.

Соответственно, можно констатировать, что молодое поколение связывает серый цвет прежде всего с предметами материального мира, однако довольно высоким оказался процент абстрактных имен существительных, обозначающих явления психоэмоциональной сферы. Хотя эта группа представлена преимущественно единичными наименованиями, в количественном отношении она оказалась более объемной, чем группы типа «туман» и «мышь», и соотносится с группой типа «камень» (ср.: «камень» $\approx 23\%$ и «старение» $\approx 19\%$ по сравнению с «мышь» $\approx 15\%$ и «туман» $\approx 12\%$). Понятийное поле серого цвета, связанное с представлениями о старости, скуке, апатии, является также важным наряду с предметными ассоциациями.

Таким образом, по сравнению с данными по цветообозначениям «белый» и «черный», где наблюдается довольно высокий процент устойчивых реакций, для цветообозначения *сұр* 'серый' респонденты дают большое количество уникальных реакций. Это свидетельствует о том, что у данного цветообозначения в языковой картине мира казахов не сформировалось единых ассоциаций.

Қызыл 'красный'. Выявлено 70 реакций на прилагательное *қызыл* 'красный': на долю самой частой реакции приходится 26 ответов (8,7 %) от общего числа, это реакция *қан* 'кровь', следующей по частотности стала ассоциация *махаббат* 'любовь' – 18 реакций (6 %).

От 14 до 4 реакций пришлось на следующие ассоциации: *от* 'огонь' (4,6 %), *тамыр* 'пульс' (4,6 %), *шие* 'вишня' (4 %), *агрессия* 'агрессия' (3,4 %), *стоп белгісі* 'знак остановки' (3 %), *жүрек* 'сердце' (3 %), *құмарлық* 'страсть' (3 %), *жауыздық* 'злоба' (3 %), *ерін* 'губы' (3 %), *раушан гүл* 'роза цветок' (2,7 %), *ашу* 'злость' (2,7 %) и др.

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 11 ассоциаций: *көйлек* 'платье', *тәттілер* 'сладости', *ретро көлік* 'ретро транспорт', *мотоцикл* 'мотоцикл', *күн шығуы* 'восход', *азғындық* 'безнравственность', *газ* 'газ', *азғыру* 'искушение', *шайтан* 'сатана', *шаян* 'рак', *қауіп* 'опасность'.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 18 ассоциаций: *жарық* 'свет', *қозғалыс* 'движение', *қызыл кітап* 'красная книга', *мал сою* 'убой', *батылдық* 'храбрость', *қызанақ* 'помидор', *тыйым салыну* 'запрет' и др.

Реакции с частотностью 1 (по 0,3 %) также составили 18 ассоциаций: *жаман ауру* 'плохая болезнь', *балық* 'рыба', *тосап* 'варенье', *күш* 'мощность', *өтірік* 'вранье, ложь', *қатерлі ісік* 'злокачественная опухоль', *жылу* 'нагревание' и др.

С наиболее частотной реакцией *қан* 'кровь' группируются: *тамыр* 'пульс', *агрессия* 'агрессия', *жүрек* 'сердце', *артерия* 'артерия', *мал сою* 'убой', *ағза* 'организм', *қатерлі ісік* 'злокачественная опухоль'. Совокупно такие реакции составляют 19,7 % ответов.

Слово *махаббат* 'любовь' входит в группу ассоциаций *ерін* 'губы', *сезім* 'чувство', *сексуалдық* 'сексуальность', *тыйым* 'запрет', *күнәһарлық* 'греховность'. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 10,2 %.

Наиболее разнообразно представлена группа ассоциаций, называющих конкретные предметы реального мира, в основном продуктов красного цвета, при этом практически все они представлены в выборке единичными примерами: *балық* 'рыба', *анар* 'гранат'.

Выделены единичные переносные ассоциативные значения с цветом красный: *ыстық* 'горячий', *өтірік* 'вранье, ложь', *ұрыс* 'ругань', *күйзеліс* 'стресс'. Всего – 1,2 %.

Таким образом, молодое поколение связывает красный цвет прежде всего с кровью. В «Казахском ассоциативном словаре» на втором месте после ассоциации *түс* 'цвет' находится реакция *гүл* 'цветок' (91), затем *алма* 'яблоко' (85), *қызыл көйлек* 'красное платье' (81). Ассоциация *қан* 'кровь' оказалась на 5-м месте (40), *от* 'огонь' – на 16-м месте (10), *махаббат* 'любовь' – на 56-м (4) [Дмитрюк и др., 2014, с. 208–209].

К устойчивым ассоциациям можно отнести «огонь», так как эта реакция занимает достаточно высокое место в обоих экспериментах. Выдвижение на первое место ассоциации

«любовь» в нашем эксперименте, очевидно, связано с тем, что испытуемыми были молодые люди, испытывающие влияние современных стереотипов.

Көк ‘синий’. Ассоциативный эксперимент выявил 65 реакций на синий цвет. На долю самой частой реакции приходится 36 ответов (12 %) от общего числа, это реакция *аспан* ‘небо’, в эталонную тройку вошли ассоциации *теңіз* ‘море’ – 25 реакций (8,4 %) и *толқын* ‘волна’ – 23 реакции (7,8 %).

От 15 до 4 реакций пришлось на следующие ассоциации: *кит* ‘кит’ (5 %), *бұлт* ‘облака’ (5 %), *ұл бала* ‘мальчик’ (4 %), *тау* ‘гора’ (3,7 %), *жүзу әуіті* ‘плавательный бассейн’ (3,4 %), *дәптер* ‘тетрадь’ (3 %), *мұз* ‘лед’ (3 %), *тыныштық* ‘тишина’ (2,7 %), *мөр* ‘печать’ (2,7 %), *джинсы* ‘джинсы’ (2,4 %), *су* ‘вода’ (2 %), *қарақат* ‘смородина’ (2 %), *үйлесім* ‘гармония’ (2 %), *суық* ‘холод’ (2 %), *тәуелсіздік* ‘независимость’ (1,7 %), *сапфир* ‘сапфир’ (1,7 %), *мазасыздық* ‘беспокойство’ (1,3 %), *алхоры* ‘слива’ (1,3 %), *төсек орын* ‘постельные принадлежности’ (1,3 %).

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 5 ассоциаций: *сенім* ‘доверие’, *айна* ‘зеркало’, *ту* ‘флаг’, *жағажай* ‘пляж’, *шегіргүл* ‘фиалка’.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 13 ассоциаций: *бағыт* ‘профиль’, *сабыр* ‘терпение’, *көлік* ‘машина’, *көз* ‘глаза’, *сия* ‘чернила’, *жаңбыр* ‘дождь’ и др.

Реакции с частотностью 1 (по 0,3 %) составили 25 ассоциаций: *Грузия* ‘Грузия (страна)’, *Телеграм* ‘Телеграм (социальная сеть)’, *тәртіп* ‘поведение’, *Мальдивы* ‘Мальдивы (острова)’, *ыңғайлылық* ‘удобство’, *бейбітшілік* ‘мир’, *сәттілік* ‘удача’ и др.

С наиболее частотной реакцией *аспан* ‘небо’ группируются: *бұлт* ‘облака’, *тәуелсіздік* ‘независимость’, *ту* ‘флаг’, *жаңбыр* ‘дождь’, *биіктік* ‘высота’, *бостандық* ‘свобода’. Совокупно такие реакции составляют 21 % ответов.

Слово *теңіз* ‘море’ входит в группу ассоциаций: *жүзу әуіті* ‘плавательный бассейн’, *мұз* ‘лед’, *су* ‘вода’, *жағажай* ‘пляж’, *тұнық* ‘прозрачность’, *өзен* ‘река’, *демалыс* ‘отпуск’, *айсберг* ‘айсберг’, *теңіз жағасындағы үй* ‘дом на берегу моря’. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 22,1 %.

Слово *толқын* ‘волна’ группируется с такими словами, как *дельфин* ‘дельфин’, *Мальдивы* ‘Мальдивы (острова)’. Всего – 9,4 %.

Наиболее разнообразно представлена группа ассоциаций, обозначающая названия социальных сетей, сказочных персонажей, при этом практически все они представлены в выборке единичными примерами: *Телеграм* ‘Телеграм (социальная сеть)’, *Твиттер* ‘Твиттер (социальная сеть)’, *Дюймовочка* ‘Дюймовочка (сказочный персонаж)’, *Мальвина* ‘Мальвина (сказочный персонаж)’. Всего – 1,2 %.

Таким образом, ассоциативное поле синего цвета в казахском языке связано прежде всего с природными объектами окружающей среды.

Жасыл ‘зеленый’. Выявлено 68 реакций, на долю самой частой из них приходится 20 ответов (6,7 %) от общего числа, это реакция *көгал* ‘газон’, также в эталонную двойку вошла ассоциация *көктем* ‘весна’ – 19 реакций (6,3 %).

От 15 до 4 реакций пришлось на следующие ассоциации: *изумруд* ‘изумруд (минерал)’ (5 %), *орман* ‘лес’ (5 %), *тыныштық* ‘тишина’ (4,3 %), *байлық* ‘богатство’ (3,4 %), *өсімдік* ‘растение’ (3,4 %), *шөп* ‘трава’ (3 %), *шырша* ‘елка’ (3 %), *әскер* ‘армия’ (2,3 %), *киви* ‘киви’ (2,3 %), *ағаш* ‘дерево’ (2,3 %), *алма* ‘яблоко’ (2,3 %), *жаз* ‘письмо’ (2 %), *бақа* ‘лягушка’ (2 %), *қияр* ‘огурцы’ (2 %), *жалбыз* ‘мята’ (2 %), *шәй* ‘чай’ (2 %), *ақша* ‘деньги’ (1,7 %) и др.

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 9 ассоциаций: *табиғат* ‘природа’, *құрт* ‘червь’, *гүл* ‘цветок’, *құран* ‘коран’, *картон* ‘картофель’, *аула* ‘площадка’, *жылан* ‘змея’, *бақша* ‘сад’, *пияз* ‘лук’.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 14 ассоциаций: *экология* ‘экология’, *ауыл* ‘деревня’, *тазалық* ‘чистота’, *демалыс* ‘отпуск’, *денсаулық* ‘здоровье’, *пісте* ‘фисташки’, *зәйтүн* ‘оливки’, *жер үй* ‘земляной дом’, *жылулық* ‘теплота’ и др.

Реакции с частотностью 1 (по 0,3 %) составили 16 ассоциаций: *СПА* ‘СПА (физиотерапия)’, *қолжетімділік* ‘доступность’, *жаңа* ‘новый’, *егін* ‘урожай’, *рухани байлық* ‘духовное богатство’, *жаңару* ‘обновление’, *авокадо* ‘авокадо’ и др.

С наиболее частотной реакцией *көгал* ‘газон’ группируются: *орман* ‘лес’, *өсімдік* ‘растение’, *шөп* ‘травы’, *шырыш* ‘елка’, *ағаш* ‘дерево’, *кактус* ‘кактус’, *табиғат* ‘природа’, *жер үй* ‘земляной дом’. Совокупно такие реакции составляют 26,8 % ответов.

Слово *көктем* ‘весна’ входит в группу ассоциаций: *көкөніс* ‘овощи’, *жаңа* ‘новый’, *жаңару* ‘обновление’, *тамыр* ‘корень’, *көбелек* ‘бабочка’, *жаңа бастау* ‘новое начало’. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 9,5 %.

Наиболее разнообразна группа ассоциаций, представленная в выборке единичными примерами: *СПА* ‘физиотерапия’, *қолжетімділік* ‘доступность’, *рухани байлық* ‘духовное богатство’, *вай фай* ‘вай фай (беспроводная сеть связи)’, *мансап* ‘карьера’, *дінгек* ‘ствол дерева’, *тамыр* ‘корень’, *пайдалылық* ‘полезность’. Всего – 1,8 %.

Сары ‘желтый’. Из 64 реакций самой частой является *қуаныш* ‘радость’, она составляет 20 ответов (6,7 %) от общего числа, в эталонную тройку вошли также ассоциации *күн* ‘солнце’ – 17 реакций (5,8 %) и *жаз* ‘лето’ – 16 реакций (5,4 %).

От 14 до 4 реакций пришлось на следующие ассоциации: *алтын* ‘золото’ (4,7 %), *балапан* ‘цыпленок’ (4,3 %), *күнбағыс* ‘подсолнечник’ (4 %), *көзілдірік* ‘очки’ (4 %), *күз* ‘осень’ (4 %), *лимон* ‘лимон’ (4 %), *жүгері* ‘кукуруза’ (4 %), *жүзу әуімі* ‘плавательный бассейн’ (3,7 %), *бидай* ‘пшеница’ (3,7 %), *бал* ‘мед’ (3,4 %), *кемпірқосақ* ‘радуга’ (2,7 %), *күлкі* ‘смех’ (2,7 %), *ара* ‘пчела’ (2 %) и др.

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 4 ассоциации: *банан* ‘банан’, *жарық* ‘свет’, *күн батуы* ‘закат’, *тітіркену* ‘дрожать’.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 10 ассоциаций: *костюм* ‘костюм’, *құм* ‘песок’, *жарықтық* ‘яркость’, *қағаз* ‘бумага’, *жұмыртқа* ‘яйца’, *смайлик* ‘смайлик’, *үйрек* ‘утка’, *жем* ‘корм’, *таңертең / таң* ‘утро’, *позитив* ‘позитив’.

Реакции с частотностью 1 (по 0,3 %) составили 23 ассоциации: *хамелеон* ‘хамелеон’, *көңілділік* ‘веселье’, *жеміс-жидек* ‘фрукты-ягоды’, *оң* ‘положительный’, *бөпе* ‘малыш’, *қанықтық* ‘насыщенность’, *бала күлкісі* ‘детская улыбка’, *үйрек* ‘утка’, *күңгірттік* ‘тьма’, *бүлдіршін* ‘ребенок’, *балон* ‘балон’, *жағажай* ‘пляж’, *жылулық* ‘нагреватель’ и др.

С наиболее частотной реакцией *қуаныш* ‘радость’ группируются другие абстрактные понятия, связанные с представлениями о положительных эмоциях человека: *алтын* ‘золото’, *күлкі* ‘смех’, *оптимистік* ‘оптимист’, *көңілді адам* ‘веселый человек’, *смайлик* ‘смайлик’, *позитив* ‘позитив’, *көңілділік* ‘веселье’, *оң* ‘положительный’, *бала күлкісі* ‘детская улыбка’. Совокупно такие реакции составляют 19,4 % ответов.

У представителей молодого поколения желтый цвет связывается прежде всего с эмоциональной сферой.

Слово *күн* ‘солнце’ входит в группу ассоциаций *күнбағыс* ‘подсолнечник’, *жүзу әуімі* ‘плавательный бассейн’, *кемпірқосақ* ‘радуга’, *күншуақ* ‘солнечный’, *жарық* ‘свет’, *таңертең / таң* ‘утро’, *жағажай* ‘пляж’, *сәуле* ‘луч, свет’. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 18,6 %.

Слово *жаз* ‘лето’ группируется с такими словами, как *көзілдірік* ‘очки’, *жүгері* ‘кукуруза’, *ара* ‘пчела’, *қауын* ‘дыня’, *жеміс-жидек* ‘фрукты-ягоды’, *қанықтық* ‘насыщенность’, *балон* ‘балон’, *қызғалдақ* ‘тюльпаны’, *қанық киімдер* ‘яркая одежда’. Всего – 14,2 %.

Қоңыр ‘коричневый’. На долю самой частой реакции *орман* ‘лес’ приходится 27 ответов (9 %) от общего числа 58 единиц. В эталонную тройку вошли ассоциации *ағаш* ‘дерево’ – 25 реакций (8,3 %) и *сабыр* ‘сдержанность’ – 22 реакций (7,4 %).

От 20 до 4 реакций пришлось на следующие ассоциации: *йод* ‘йод’ (6,7 %), *аю* ‘медведь’ (5,7 %), *топырақ* ‘земля’ (5,7 %), *шоколад* ‘шоколад’ (5,4 %), *лай* ‘грязь’ (4 %), *жаңғақ* ‘орех’ (3,3 %), *кофе* ‘кофе’ (3 %), *какао* ‘какао’ (2,7 %), *көз* ‘глаза’ (2,7 %), *кір* ‘грязь’ (2,3 %) и др.

Реакции с частотностью 3 (по 1 %) составили 3 ассоциации: *балшық* ‘глина’, *тенге* ‘тенге’.

Реакции с частотностью 2 (по 0,7 %) составили 13 ассоциаций: *лас адам* ‘грязный человек’, *ауру* ‘болезнь’, *жер* ‘земля’, *жылы киім* ‘теплая одежда’, *төзімділік* ‘толерантность’, *нан* ‘хлеб’, *ақирет* ‘загробный мир’, *талғам* ‘вкус’, *ат* ‘лошадь’ и др.

Реакции с частотностью 1 (по 0,3 %) составили 20 ассоциаций: *шалшық* ‘лужа’, *төмен шу* ‘тихий шум’, *жабырқану* ‘унывать’, *тұйық* ‘тупик’, *монша* ‘баня’, *тал* ‘тальник’, *шөлдала* ‘безводная степь’, *шөл* ‘пустыня’ и др.

С наиболее частотной реакцией *орман* ‘лес’ группируются: *аю* ‘медведь’, *бұтақ* ‘ветка / сучок’. Совокупно такие реакции составляют 16,4 % ответов.

Слово *ағаш* ‘дерево’ входит в группу ассоциаций *топырақ* ‘земля’, *жаңғақ* ‘орех’, *кофе* ‘кофе’, *какао* ‘какао’, *есік* ‘дверь’, *жер* ‘земля’. Общее количество реакций, относящихся к данному полю, – 25 %.

Слово *сабыр* ‘сдержанность’ группируется с такими словами, как *тыныштық* ‘тишина’, *төзімділік* ‘толерантность’, *байыптылық* ‘рассудительность’. Всего – 9,7 %.

Наиболее разнообразно представлена группа единичных ассоциаций: *жабырқану* ‘унывать’, *тұйық* ‘тупик’, *монша* ‘баня’, *қатыгездік* ‘жестокость’, *ауыр тұрмыс* ‘тяжелая жизнь’, *арғы өмір* ‘загробная жизнь’ и др. Всего – 1,8 %.

Коричневый цвет ассоциируется с объектами окружающей среды, но символизирует также представления о спокойствии, тишине, мягкости.

Заключение

Цвет играет очень важную роль в жизни человека, он связан не только с его физической способностью зрительно воспринимать окружающий мир, его лексическая репрезентация предопределяет индивидуальность каждого народа, проявляется в богатстве языка и культуры. Результаты исследования показывают, что возникновение переносных значений часто обусловлено символикой цвета, что характерно не только для казахов, но и для всех тюркских народов.

Проведенный нами ассоциативный эксперимент, направленный на выявление языковой картины мира молодого поколения казахов, показал, что значительная доля устойчивых ассоциаций лежит в эмоциональной, духовной и интеллектуальной сферах, тогда как предметы окружающего мира как эталоны для цветообозначений представлены большим количеством единичных, индивидуальных ассоциаций.

Белый цвет регулярно ассоциируется с чистотой, добротой, честностью, справедливостью, черный – со смертью, несчастьями, горем, серый – со старостью, неопределенностью, замкнутостью, волнением, одиночеством, усталостью, судьбой, долгим путем, красный цвет – с кровью, но также и с любовью и другими сильными эмоциями, желтый – с радостью, коричневый – со сдержанностью, тишиной. Синий и зеленый цвета чаще, чем другие, ассоциируются не с абстрактными понятиями, а с явлениями окружающего мира – с небом и водой, с природной зеленью.

Применение ассоциативного эксперимента раскрыло особенности языковой картины мира казахов в части цветоотображения действительности и дало возможность получить представление о мировоззренческих ценностях этноса, на которых формируются и до сих пор активно функционируют устойчивые элементы современной казахской языковой культуры; именно они являются жизненно важными для сохранения жизнеспособности и целостности этноса.

Список литературы

Дмитрюк Н. В. Ценностные ориентиры в языковом сознании казахстанского социума: постановка проблемы // Science and World. 2014. Vol. 2, no. 4 (8). P. 76–77.

- Дмитрюк Н. В., Нарожная В. Д., Молдошева Ж. И., Мезенцева Е. С., Сандыбаева Н. А., Артамонова Г. И. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь. Алматы; Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.
- Дмитрюк Н. В., Молдалиева Д. А., Молданова Ж. И. Казахско-русский словообразовательный синкретизм в речевом сознании казахов // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 273–279.
- Кайдаров А. Т. Казахи в мире материнского языка: этнолингвистический словарь. Алматы: Дайк-Пресс, 2013. 180 с.
- Мусаев К. М. Пратюркские названия неба // 90 лет Н. А. Баскакову. *Studia philologica*. М., 1996. С. 169–179.
- Abdramanova S. Basic Color Terms in the Kazakh Language // *SAGE Open*. 2017. April-June. P. 1–8. DOI 10.1177/2158244017714829
- Berlin B., Kay K. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley; Los-Angeles: Uni. of California Press, 1969. 168 с.
- Greza B. What do colour names tell us? The case of Kazakh // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2018. Vol. 71 (2). P. 231–240.
- Кайдаров А. Т., Ахтамбердиева З. Т., Омирбеков Б. Түр-түстердің тілдегі көрінісі (Лингвистическое представление цветов). Алматы: Ана тілі, 1992. 158 б.

References

- Abdramanova S. Basic Color Terms in the Kazakh Language. *SAGE Open*, 2017, April-June, pp. 1–8. DOI 10.1177/2158244017714829
- Berlin B., Kay K. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley – Los-Angeles: Uni. of California Press, 1969, 168 p.
- Dmitryuk N. V. Tsennostnye orientiry v yazykovom soznanii kazakhstanskogo sotsiuma: postanovka problemy [Value Guidelines in the Linguistic Consciousness of Kazakhstani Society: Formulation of the Problem]. *Science and World*, 2014, vol. 2, no. 4 (8), pp. 76–77. (in Russ.)
- Dmitryuk N. V., Narozhnaya V. D., Moldosheva Zh. I., Mezentseva E. S., Sandybaeva N. A., Artamonova G. I. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь [Kazakh associative dictionary]. Almaty, Moscow, Media-LogoS Publ., 2014, 330 p. (in Kazakh)
- Dmitryuk N. V., Moldaliev D. A., Moldanova Zh. I. Kazakhsko-russkii slovoobrazovatel'nyi sinkretizm v rechevom soznanii kazakhov [Kazakh-Russian Word-Formation Syncretism in the Speech Consciousness of Kazakhs]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [Bulletin of RUDN University. Series: Educational Issues: Languages and Specialization], 2015, no. 5, pp. 273–279. (in Russ.)
- Greza B. What do colour names tell us? The case of Kazakh. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2018, vol. 71 (2), pp. 231–240.
- Kajdarov A. T. Kazakhi v mire materinskogo yazyka: etnolingvisticheskii slovar' [Kazakhs in the World of the Mother Tongue: an Ethnolinguistic Dictionary]. Almaty, Dajk-Press, 2013, 180 p. (in Russ.)
- Kajdarov A. T., Akhtamberdieva Z. T., Omirbekov B. Linguistic Representation of Colors. Almaty, Ana tili Press, 1992, 158 p. (in Kazakh)
- Musaev K. M. Pratyurkskie nazvaniya neba [The proto-Turkic names of the sky]. In: 90 let N. A. Baskakovu [90 years of N. A. Baskakov]. *Studia philologica*. Moscow, 1996, pp. 169–179. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Борисовна Кошкарева, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57216875150

WoS Researcher ID M-2704-2018

Майя Даулеткызы Абжапарова, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 58118552900

Information about the Authors

Natalia B. Koshkareva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57216875150

WoS Researcher ID M-2704-2018

Maya D. Abzhaparova, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 58118552900

Вклад авторов:

Н. Б. Кошкарева – общее научное руководство, разработка концепции, написание вводного и заключительного разделов статьи, редактирование основного текста статьи, обобщение результатов.

М. Д. Абжапарова – проведение ассоциативного эксперимента, обработка и обобщение экспериментальных материалов.

Contribution of the Authors:

Natalia B. Koshkareva – general scientific guidance, concept development, writing the introductory and final sections of the article, editing the main text of the article, summarizing the results.

Maya D. Abzhaparova – conducting an associative experiment, processing and generalization of experimental materials.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022;

одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 02.06.2023

The article was submitted on 25.11.2022;

approved after reviewing on 01.06.2023; accepted for publication on 02.06.2023

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-89-98

Топосы *степь* – *город* – *завод* в поэтике прозы А. П. Чехова 1890-х годов: функциональный аспект

Людмила Николаевна Синякова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

scholast.sinyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6485-4692>

Аннотация

Исследуются топосы, актуализированные в прозе А. П. Чехова 1890 гг. *Степь* в рассказах писателя 1890-х гг. потенцирует субстанциональную угрозу, приобретая значение гибельного для нравственного существа человека пространства («В родном углу», «Печенег»). Топос *город* анализируется в варианте «провинциальный город». Последний трактуется либо в качестве места становления личности («Моя жизнь»), либо места ее деградации («Ионыч»). *Завод* определяется как сюжетная детерминанта судьбы героинь («Бабье царство», «Случай из практики»). Если город деиндивидуализирует человека, то завод дегуманизирует саму среду обитания как рабочих, так и хозяев.

Указываются функции трех важнейших в поэтике поздней прозы А. П. Чехова топосов: сюжетные, концептуальные и ценностные.

Ключевые слова

топос, сюжет, архитектоника, самооценность личности

Для цитирования

Синякова Л. Н. Топосы *степь* – *город* – *завод* в поэтике прозы А. П. Чехова 1890-х годов: функциональный аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 89–98. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-89-98

Toposes *Steppe* – *City* – *Plant* in A. P. Chekhov's Prose Poetics of 1890s. The Functions

Lyudmila N. Sinyakova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

scholast.sinyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6485-4692>

Abstract

Purpose. The subject of the article is the functional aspect of the major late A. P. Chekhov's works topics. *Steppe*, *city* and *plant / factory* are polyfunctional space types and concepts.

Results. The *steppe* topos incorporated into Chekhov's poetics and concepts in the 1880s, was developing in the 1890s in its existential meaning. The *steppe* topos in two short stories, *At Home* and *The Petcheneg*, represents a disastrous space. The main character of the first story, Vera Kardina, realizes her regress into wildness; the protagonist of the se-

cond story would never realize it. So, Vera's decision is to be useful in her local social life; the Petcheneg, on contrary, is metaphorically dead.

The *city* topos is investigated in its major variant "the province". The genius of the place is narrow-minded hypocrisy, total distrust and boredom. Misayl Poloznev, the personage of *My Life*, lives his own life in spite of the common way of living. Doctor Startsev, the protagonist of *Ionych*, could not overcome a city's inertia of deindividuation.

The *plant / factory* topos marks a place of machinery, antagonistic to any human – proprietors and workers. In the novella *A Woman's Kingdom* the plant's master is unhappy and lonesome, in *A Doctor's Visit* the factory symbolizes a devil. A young lady, the proprietor, is ready to leave the place and seek her own path.

Conclusion. Toposes the *steppe*, the *city* and the *plant* have a triple function. The first is a plot function (the action catalysator), the second is a conceptual (generation of negative senses), the third is architectonic (values structure).

Keywords

topos, plot, architectonics, personal value

For citation

Sinyakova L. N. Toposes *Steppe – City – Plant* in A. P. Chekhov's Prose Poetics of 1890s. The Functions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 89–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-89-98

Введение

Термин *топос* имеет две области применения. Первая принадлежит языку описания нормативной риторики, обозначая общие места: формульные повторы в аргументации, убеждении и ином воздействии на собеседника (аудиторию); общую точку зрения. «твёрдые клише или схемы мысли и выражения» (Э. Р. Курциус) (цит по: [Тамарченко, 2004, с. 95]). Вторая относится к метаязыку пространственных отношений в поэтике художественного текста: «...топосу отводится роль обозначения "языка пространственных отношений", пронизывающих художественный текст <...>, то есть "места" разворачивания смыслов <...>; локус же соотносится с конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности» [Прокофьева, 2005, с. 88]. В настоящей статье исследуются топосы в качестве пространственных образов, обладающих повышенной знаковостью в рамках авторской парадигмы художественности.

Исследуемые в статье топосы являются наиболее частотными в поздней прозе А. П. Чехова как в качестве пространственных образов, так и в качестве сюжетно-мотивных и тематических комплексов¹. Отметим, что топосы *степь* и *город* становятся существенным компонентом поэтики зрелого Чехова еще в период творческой перенастройки его художественности («Счастье», 1887; «Степь», 1888; «Огни», 1888; «Скучная история», 1889), в то время как *завод* появляется в поэтике писателя позднее, в 1890-е гг., частично являясь топосом-дериватом по отношению к *городу*. Топос *город* рассматривается в варианте провинциального (губернского или уездного) города. Столичные герои и сюжеты обладают иной персональной и акциональной динамикой: «Рассказ неизвестного человека», 1893; «Три года», 1895) (см., например: [Якимова, 2022, с. 106–120]).

Существенные сдвиги в значении топосов *город* и *степь* по сравнению с концом 1880-х гг. наблюдаются только в отношении топоса *степь*. Если в повестях 1888 г. топос интегрировал значения имперсональной дикости, вольницы и универсума², а в «Огнях», кроме того, исторической бездны (500 лет назад здесь жгли костры филистимляне), – то в прозе писателя 1890-х гг. он приобретает единственное значение возврата в дикость, вызывая базовую эмоцию страха или тревоги. Кроме того, степь в чеховской прозе конца 1880-х гг. кон-

¹ Топологическое значение художественных универсалий *степь*, *город* и литературного концепта *завод* в поэтике Чехова до настоящего момента не привлекало специального научного внимания. Подходы к проблематике чеховской топики обозначены, в частности, в работах: [Синякова, 2020; 2021].

² По мнению Н. Е. Разумовой, в «Степи» и «Огнях» «развернута скептическая онтология, в которой остается неразрешенным главный вопрос о месте человека. При этом именно настоятельный поиск ответа на него становится особой позицией Чехова в период общенационального разочарования в привычных идеологических ценностях» [Разумова, 2001, с. 109].

цептуально воссоздавалась в качестве вечной и неизменной универсалии, а в 1890-е гг. – изначально враждебной по отношению к человеку субстанциональной силы.

Результаты исследования

Смещение интегрального значения топоса *степь* с понятия простора, ассоциированного с состоянием воли³, к понятию пространства аккумуляции опасной дикости прослеживается в поэтике двух рассказов Чехова 1897 г.: «В родном углу» и «Печенег». В первом рассказе вернувшаяся из московского института в степную глушь после десятилетней отлучки Вера Кардина поначалу испытывает ностальгическую радость от созерцания степи: она «поддалась обаянию степи, забыла о прошлом и думала только о том, как здесь просторно, как свободно; ей, здоровой, умной, молодой <...> недоставало до сих пор в жизни именно только этого простора и свободы» [Чехов, 1985, т. 9, с. 313]⁴; «А на душе покойно, сладко, и, кажется, согласилась бы всю жизнь ехать так и смотреть на степь» (т. 9, с. 313–314).

Жизнь в степном углу однообразна. Степь постепенно начинает восприниматься героиней как амбивалентное пространство, готовое предоставить свободу, но одновременно и способное погубить: «...глядя в даль, думая о своей новой жизни в родном гнезде, она всё хотела понять, что ждет ее. Этот простор, это красивое спокойствие степи говорили ей, что счастье близко и уже, пожалуй, есть <...>. И в то же время нескончаемая равнина, однообразная, без одной живой души, пугала её, и минутами было ясно, что это спокойное зелёное чудовище поглотит ее жизнь, обратит в ничто» (т. 9, с. 316).

Переживание степи как угрозы сопровождается мотивом бытийной скуки: «Она молода, изящна, любит жизнь; <...> выучилась говорить на трех языках, много читала, <...> но неужели всё это только для того, чтобы в конце концов поселиться в степной усадьбе и изо дня в день, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад и потом сидеть дома и слушать, как дышит дедушка. Но что же делать? Куда деваться?» (т. 9, с. 316)⁵. Траектория перемещения из сада в поле и из поля в сад воспринимается как метафора остановки жизни: этот путь всегда повторяется, обозначая неизменность, приводя к смысловому эквиваленту неизменности – тщетности существования. «Громадные пространства, длинные зимы, однообразие и *скука жизни* (курсив мой. – Л. С.) вселяют сознание беспомощности, положение кажется безнадежным, и ничего не хочется делать, – всё бесполезно» (т. 9, с. 322).

Вера втягивается в «скуку жизни», и лишь эпизод с девочкой-прислугой Аленой, которую она гонит из комнаты теми же словами, что и ее самодур-дедушка («Вон! Розог! Бейте её!»), теперь впавший в старческое слабоумие, а когда-то отличавшийся неукротимой жестокостью, – останавливает ее в этом падении / устремлении в регресс. «Нет, довольно, довольно! <...> Пора прибрать себя к рукам, а то конца не будет... Довольно!» (т. 9, с. 323). Основное сюжетное событие рассказа можно определить как утверждение господства стихии. Степь является катализатором сюжетного действия и ведущим в ценностной архитектонике произведения экзистенциальным концептом, значение которого в концептной системе рассказа определяется как равнодушие природы и утрата смысла жизни в человеческом измерении.

В рассказе «Печенег» степь не индуцирует бытийного конфликта, являясь лишь условием одичания однодворца Жмухина (функция сюжетного обстоятельства). Однако, как и в «Родном углу», степь ценностно «подсвечивает» сюжетную историю. Когда-то проезжий земле-

³ Такого рода воля определяется областью значений «полной, ничем не сдерживаемой свободы в проявлении чувств, в действиях и поступках», в том числе переносным: «Простор, раздолье» [Ефремова, 2000]. Антропологическая манифестация воли наблюдается в конфигурации черт характера и образе личности возчика Дымова («Степь»).

⁴ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

⁵ А. А. Фаустов справедливо возводит потерянное мироощущение героини к чеховскому мотиву «скука жизни», полагая, что «пошлость – это “скука жизни” в крайнем ее выражении» [Савинков, Фаустов, 2010, с. 285]. «Бегство» Веры в брак с самодовольным и мелким доктором Нещаповым трактуется как спасение от исходящей от степи опасности «поглощения» и окончательного примирения со «скукой жизни» [Там же, с. 286].

мер уже назвал его печенегом, после чего и хутор получил прозвание Печенегова хутора. Волею случая туда попадает на ночлег частный поверенный. Нигде не учившиеся хозяйские сыновья-подростки, основное развлечение которых – стрельба в кур и петухов и набеги на чужие сады («Того и гляди, зарежут кого на дороге», – сетует отец (т. 9, с. 325)), забитая иссохшая от горя хозяйка хутора, неприглядная история из воспоминаний Жмухина о его службе на Кавказе – всё это заставляет молчаливого гостя признаться, что ему душно (двусмысленность фразы заключается в том, что приближается гроза и он испытывает физическую духоту, но еще более – нравственный дискомфорт). По слову Н. Я. Берковского, «“Печенег” – новелла внутренних контрастов. Вегетарианец попадает в гости к людоеду и должен приспособиться к своему хозяину» [Берковский, 1985, с. 228]. В равной мере это касается переносного значения вегетарианства (а нечаянный гость действительно не употребляет мяса) и людоедства.

Контрастно по отношению к душному жмухинскому дому «с низкими потолками и со множеством мух и ос», с грубой мебелью, выглядит предгрозовая степь: «Направо далеко видна была степь, над нею тихо горят звёзды – и всё таинственно, бесконечно далеко, точно смотришь в глубокую пропасть; а налево над степью навалились одна на другую тяжелые грозовые тучи, <...> края их освещены луной, и кажется, что там горы с белым снегом на вершинах, темные леса, море <...>» (т. 9, с. 332). Безбрежность степи распространяется как в пространственной горизонтали – вплоть до линии горизонта, где тучи, висящие над степью, представляются горами, лесами и морем, т. е. протяженностью земли, – так и в вертикали «земля – небо», причем небо оборачивается пропастью и будто бы опрокинуто ниже уровня земли, а вся степь воспроизводит модель мирового древа – центра вселенной (см. [Мифы народов мира, 2008, с. 161–164]). Степь снова, как и в предыдущем рассказе, обозначена в качестве смыслообразующего ядра в ценностной выстроенности рассказа. Действительно, степь в восприятии частного поверенного совершенна, являя пространственное единство неба и земли; в восприятии Печенега она деструктивна и метафизична, обозначая неизменность зла как мирового закона и побуждая к вседозволенности.

Собравшийся умирать старик Жмухин одолевает раздумьями о жизни, которые так или иначе сводятся к суждению о врожденном зле в человеческой природе: «Теперь, конечно, уж не та категория людей, и не секут, и живут чище, и наук стало больше, но, знаете ли, душа всё та же, никакой перемены» (т. 9, с. 330). Жена Жмухина, поповна-бесприданница, все двадцать лет пребывания в его доме не осушает слез, и «было видно по ее лицу, что она завидует... свободе» частного поверенного, собравшегося покинуть усадьбу. Психологическая точка зрения персонажа замещается идеологической точкой зрения автора – фокус видения персонажа смыкается с авторской оценкой: «И какая жалкая! Это не жена, не хозяйка, даже не прислуга, а скорее приживалка, бедная, никому не нужная родственница, ничтожество...» (т. 9, с. 333).

Степь является одним из факторов деградации Жмухина, однако главная причина последней заключается в неразвитости и грубости натуры хозяина усадьбы. Помимо каузальной функции универсалии степи в рассказе – обстоятельственная: это обстановка и место сюжетного действия. Заметим, что мировосприятие Жмухина искажено ничем не ограниченной свободой – вольницей, субстанционально присущей универсалии степи и проявляющейся, в том числе, в стихии хаоса и разбоя⁶. Степь становится пространством не просто враждебным культуре – гармонии – порядку, но и потенцирующим духовное небытие.

Топос *город* (в его разновидности – провинциальный город) становится ведущим образом-символом (и в качестве локуса, и в качестве смыслового целого) в повестях «Моя жизнь» (1896) и «Ионыч» (1898). Город определяется как место подавления воли человека и его унификации. Базовая эмоция главных персонажей – разочарование и тоска: «...мною мало-

⁶ В подтверждение этому сошлемся на лексическое значение вольницы, отражающее современную Чехову национальную языковую картину мира (второе издание толкового словаря В. И. Даля, 1880–1882 гг.): «Вольница <...> своевольная, буйная шайка <...> также разбойники» [Даль, 2006, с. 404].

помалу овладела тоска – тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и всё свое большое тело и не знаешь, что с ними делать, куда деваться» (т. 9, с. 208); «От праздности и неопределенности положения меня тяготила физическая тоска <...>» (т. 9, с. 214) («Моя жизнь»); «И жаль было своего чувства, этой своей любви, так жаль, что, кажется, взял бы и зарыдал <...>» (т. 10, с. 34) («Ионыч»).

В повести «Моя жизнь» Мисаил Полознев является чужим в городе, к высшему слою которого он принадлежит по праву рождения. Его намерение заняться рабочей профессией встречает сопротивление и отца, и городского общества. Отец испытывал «тайный страх, что я поступлю в рабочие и заставлю говорить о себе весь город» (т. 9, с. 194). В первой главе повести заявлена ведущая для обывательского сознания формула «общественное положение», определяющая тематический мотив повести о социальном неравенстве: «К тому же в городе у меня была дурная репутация оттого, что я не имел общественного положения и часто играл в дешёвых трактирах на билльярде <...>» (т. 9, с. 197).

Облик города, застроенного Полозовым-старшим, единственным архитектором в округе, безлик и мрачен. По отзыву Мисаила, его отец – это «бездарный человек», не построивший за 20 лет своей деятельности «ни одного порядочного дома»: «У фасада упрямое, чёрствое выражение, линии сухие, робкие, крыша низкая <...> все эти выстроенные отцом дома, похожие друг на друга, смутно напоминали мне его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый», а «бездарность отца» «укоренилась и стала нашим стилем» (т. 9, с. 198).

Город воспринимается героем как губительное пространство, оттого что жизнь в нем бессмысленна: «Я любил свой родной город. Он мне казался таким красивым и теплым! <...> но люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любил и не понимал их. Я не понимал, для чего живут все эти шестьдесят пять тысяч людей. <...> И как жили эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочного оркестра <...> Ели невкусно, пили нездоровую воду. <...> я не понимал этого <...>» (т. 9, с. 205).

Заметим, что в городе так же, как семейство Туркиных в «Ионыче», к числу «культурной» публики относятся Ажогины, любители домашних спектаклей. Мать этого слывающего прогрессивным семейства фактически изгоняет из дому сестру Полозова, узнав о последствиях ее связи с доктором Благово. «Какой позор, как страшно! А ведь это почтенное семейство всю свою жизнь боролось с предрассудками; очевидно, оно полагало, что все предрассудки и заблуждения человечества только в трех свечах, в тринадцатом числе, в тяжелом дне – понедельнике!» – иронизирует Мисаил (т. 9, с. 268).

Два отверженных существа, Мисаил и его сестра Клеопатра, ощущают исходящую от города угрозу: «В одних домах уже спали, в других играли в карты; мы ненавидели эти дома, боялись их и говорили об изуверстве, сердечной грубости, ничтожестве этих почтенных семейств, этих любителей драматического искусства, <...> и я спрашивал, чем же эти глупые, жестокие, ленивые, нечестные люди лучше пьяных и суеверных куриловских мужиков или чем они лучше животных, которые тоже приходят в смятение, когда какая-нибудь случайность нарушает однообразие их жизни, ограниченной инстинктами» (т. 9, с. 268–269).

В повести реализуется сюжетная ситуация ухода, причем герой-рассказчик не покидает города и его окрестностей физически, – духовно отрёкшись от него: «Если бы у меня была охота заказать себе кольцо, то я выбрал бы надпись: “Ничто не проходит”. Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни» (т. 9, с. 279).

Регулятивная функция топоса *город* заключается в аннигиляции творческого мировосприятия и деиндивидуализации человека. Полознев ментально остается вне города и сохраняет личностную цельность, Старцев («Ионыч», 1898) «растворяется» в городе, мимикрирует под него и теряет себя.

Город С. традиционно для провинции скучен и лишен подлинной культуры. «Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека,

театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомство» (т. 10, с. 24). Спустя несколько лет раздосадованный возобновлением знакомства с Туркиными герой недоумевает: «...глядя на темный дом и сад, которые ему были так милы и дороги когда-то, он вспомнил всё сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город» (т. 10, с. 39). Почти утративший способность восторгаться природой, заменивший театр и концерты ежевечерней игрой в винт, привыкший считать полученные за день бумажки, Ионыч, однако, не чужд «гуманитету», совершенно непонятного обитателям города С. Его попытки обсудить социальное будущее человечества или потребность труда для человека как существа разумного вызвали в собеседниках настороженность.

Даже превратившийся в подобие «языческого бога» (т. 10, с. 40) Дмитрий Ионыч дистанцирован от городских жителей: «Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже не глупый человек, но стоит заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остаётся только рукой махнуть и отойти» (т. 10, с. 35).

В результате символизации города как места неживого, подавляющего искренние проявления человеческой натуры, лишённого коллективного чувства сострадания, топос выполняет функции катализатора сюжетного действия и мотивировки внутреннего отчуждения персонажа, становясь смыслообразующим фактором поэтики произведения. В архитектонике художественного целого топос *город* является одним из компонентов этической картины – местом «флуктуации» ложных, подменных ценностей.

При совпадении сюжетных функций топоса и его ценностного значения в обеих повестях наблюдается различие в персональных сюжетах действующих лиц. Оно в немалой степени объясняется адаптацией и героя к городу, и города к герою: город принимает или не принимает его, и, кроме того, объясняется разницей позиций персонажей. Полознев следует своему убеждению и внешнему служению (так или иначе наследуя народникам 1870-х гг.), Старцев не имеет ни жизненной цели, ни высших идей, являясь «обыкновенным человеком», а в конце концов – таким же обывателем города С., как и остальные персонажи повести.

Наконец, топос *завод* появляется в поэтике Чехова именно в 1890-е гг., что объясняется, в том числе, и бурной индустриализацией России в последнее десятилетие века – явление, радикализовавшее общественное умонастроение и изменившее соотношение социальных сил в стране. В прозе Чехова до 1880-х гг. действующие лица – мещане, достаточно неоднородная в социальном и мировоззренческом плане интеллигенция, наконец, мелкое дворянство; в его прозе 1890-х гг. появляется человек рабочей профессии и фабрикант.

Завод можно считать производной концептуально-образной единицей топоса *город*, но не в обычном для писателя значении «провинциальный город» как место, вне живой жизни находящееся, а в значении, предполагаемом актуальной на исходе века урбанистической тематикой и мотивикой, – когда завод или фабрика вытесняют за свои пределы человека как такового (наиболее эта дегуманизирующая семантика проявляется в рассказе «Случай из практики»).

Топос становится ведущим в топологической структуре повести «Бабье царство» (1894), рассказа «Случай из практики» (1898) и периферийным в повести «В овраге» (1900) (поэтому не включенной в материал настоящей статьи).

В повести «Бабье царство» Анна Акимовна, волею случая оказавшаяся наследницей миллионного дела и владелицей огромного сталелитейного завода, чувствует себя несчастной от доставшейся ей роли вершительницы судеб рабочих. Втайне она мечтает вернуться в детство, в тесную рабочую каморку, где она обитала с родителями, слушать шум барачной жизни, а не скрежет железа на производстве: «И ей захотелось стирать, гладить, бегать в лавку

и кабак, как это она делала каждый день, когда жила с матерью. Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой!» (т. 8, с. 261). Утрата собственной идентичности вызвана сменой социальной роли героини, в частности ее зависимостью от живущего самостоятельной жизнью завода.

Заводские цеха представляются хозяйке механизированной преисподней: «Этих темных, угрюмых корпусов, складов и бараков <...> Анна Акимовна не любила и боялась. <...> Высокие потолки с железными балками, множество громадных, быстро вертящихся колес, приводных ремней и рычагов, пронзительное шипение, визг стали, дребезжанье вагонеток, жесткое дыхание пара, бледные или багровые или черные от угольной пыли лица, <...> блеск стали, меди и огня, запах масла и угля <...> произвели на нее впечатление *ада* (курсив мой. – Л. С.). Ей казалось, будто колеса, рычаги и горячие шипящие цилиндры стараются сорваться со своих связей, чтобы уничтожить людей, а люди, с озабоченными лицами, не слыша друг друга, бегают и суетятся около машин, стараясь остановить их страшное движение» (т. 8, с. 260). Сенсорный образ заводского ада аудиален: визг станков, грохот листового железа; шипящие брызги расплавленного металла будто угрожают хозяйке: «...станок ревел и визжал и свистел, а Анну Акимовну тошнило от этого шума, и казалось, что у нее сверлят в ушах» (т. 8, с. 260–261).

Отторжение опасного места вызывает в хозяйке завода стыд за тех, кто в нем проводит жизнь: «Она глядела, слушала, не понимала <...> и ей было стыдно. Кормиться и получать сотни тысяч от дела, которого не понимаешь и не можешь любить, – как это странно!» (т. 8, с. 261).

Недовольство собой вызвано тем, что чуждое дело формирует ложную, подменную судьбу. В конце повести разочарованная очередным обманувшим ее предпраздничные надежды (например, на брак с рабочим Пименовым) Рождеством героиня рыдает «от стыда и скуки»: «Она решила, что у нее в жизни ничего уже больше не осталось, кроме этого Чаликова (пьяницы-просителя. – Л. С.), что он уже не перестанет преследовать ее и напоминать ей каждый день, как неинтересна и нелепа ее жизнь. <...> Досаднее и глупее всего казалось ей то, что сегодняшние мечты насчёт Пименова были честны, возвышенны, благородны, но в то же время она чувствовала, что Лысевич и даже Крылин (представители местного бомонда. – Л. С.) для нее были ближе, чем Пименов и все рабочие, взятые вместе. <...> И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастье, что всё уже для нее погибло и вернуться к той жизни (в рабочем бараке. – Л. С.) <...> или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь уже невозможно» (т. 8, с. 296). Базовые эмоции в психологическом существе героини – беспокойство и страх, вызванные ощущением «не своего места».

В повести завод «поглощает» не только жизни рабочих, но и жизнь его владелицы, провоцируя у нее состояние экзистенциальной скуки и психологическую раздвоенность, и можно констатировать функцию топоса *завод* – сюжетной детерминанты судьбы персонажа.

В рассказе «Случай из практики» положение наследницы фабрики вызывает у героини не только психологический разлад, но и необъяснимую немочь. Доктор Королев, призванный лечить занемогшую дочь фабрикантши Ляликовой, убеждается в том, что причина ее угасания кроется в подчиненности судьбе, а судьба определяется зависимостью от принадлежащей ей ткацкой мануфактуры. «Хорошо чувствует себя здесь только гувернантка, и фабрика работает для ее удовольствия. Но это так кажется, она здесь только подставное лицо. Главный же, для кого здесь всё делается, – это дьявол» (т. 10, с. 81).

Метафора дьявола объясняет не только социальное неравенство или биосоциальный закон подчинения слабого сильному, но и отчужденный от человека, изначально враждебный ему порядок существования: «Ему казалось, что этими багровыми глазами (светящимися окнами фабрики. – Л. С.) смотрел на него сам дьявол, та неведомая сила, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправишь. Нужно, чтобы сильный мешал жить слабому, таков закон природы, но это понятно и легко укладывается в мысль только в газетной статье или учебнике, в той же каше, какую представляет из себя обыденная жизнь, в путанице всех мелочей, из которых сотканы человеческие отно-

шения, это уже не закон, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падают жертвой своих взаимных отношений, невольно покоряясь какой-то направляющей силе, неизвестной, стоящей вне жизни, посторонней человеку» (т. 10, с. 81–82). Фабрика как овеществление «посторонней человеку» силы способна погубить любого, находящегося в зависимости от нее, – и хозяев, и рабочих. Это лиминальный локус – место, находящееся между жизнью и смертью и медиаторное между людьми и дьяволом, и оттого человек здесь обречен.

Поэтому доктор Королев убеждает Лизу покинуть гиблое место: «...для него было ясно, что ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола, который по ночам смотрит; для него было ясно также, что так думала и она сама <...>» (т. 10, с. 84). Только освободившись от «идеи» фабрики, Лиза сохранит свою личностную цельность, а ее задумавшееся поколение выберет живую жизнь: «мы... наше поколение <...> много говорим и всё решаем, правы мы или нет», а следующее поколение выберет правильный путь и сделает жизнь лучше (т. 10, с. 84–85). «Хорошая жизнь будет лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть» – напутствие доктора Лизе является выводом автора (т. 10, с. 85).

Исследуемый топос, как и в повести «Бабы царство», является сюжетной детерминантой несчастья героини, однако в «Случае из практики» возникает перспектива ухода, и, следовательно, сюжетная структура рассказа в определенной степени симметрична. Как элемент смыслообразования в поэтике произведения топос *завод (фабрика)* в прозе Чехова 1890-х гг. приобретает коннотации гибели и подавления воли к жизни.

Заключение

В целом, топосы *степь – город – завод* в поэтике поздней прозы А. П. Чехова имеют негативное значение примата общего над частным. В топосе *степь* общее выражает губительную для человека власть безразличной природы. *Город* и его топологическое производное *завод* стирают индивидуальность и устраняют личную волю человека, осуществляя господство общественного мнения или социальной роли над личностью.

Ведущие персонажи либо отстаивают свою личностную самостоятельность («Моя жизнь», «Случай из практики»), либо предпочитают латентное сопротивление обстоятельствам (финал рассказа «В родном углу»), либо смиряются с текущим порядком жизни («Бабы царство»). Полное или почти полное растворение в среде, формируемой топикой *степь* или *город*, оборачивается деградацией персонажа («Печенег», «Ионыч»).

Помимо сюжетной функции – места и катализатора действия, исследуемые топосы становятся важным компонентом этического мироздания в поэтике А. П. Чехова 1890-х гг. С этим связана их архитектурная роль: аккумулируя смыслы гибели и подавления воли к жизни, топосы *степь – город – завод* ценностно полярны по отношению к универсалии живой жизни. Последняя утверждает неоспоримое превосходство самостояния и личностной цельности человека.

Список литературы

- Берковский Н. Я. О русской литературе. Л.: Худож. лит., 1985. 383 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. Т. 1. 1158 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения 15.08.2023).
- Прокофьева В. Ю. Категория «пространство» в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 87–94.

- Разумова Н. Е.** Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 552 с.
- Савинков С. В., Фаустов А. А.** Аспекты русской литературной характерологии. М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. 332 с.
- Синякова Л. Н.** Топос ДОМ в прозе А. П. Чехова 1890-х гг. и ассоциированные с ним мотивы: смирение – бегство – уход // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9. С. 102–113. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-102-113
- Синякова Л. Н.** Топика «дом – антидом» в прозе А. Чехова 1890-х гг. // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века: литература, живопись, кинематограф: Коллект. моногр. / Науч. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 15–27.
- Тамарченко Н. Д.** Теоретическая поэтика: хрестоматия-практикум. М.: Академия, 2004. 400 с.
- Мифы народов мира: В 2 т. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008. Т. 2. 719 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1986. Т. 8. 527 с.; 1985. Т. 9. 543 с.; 1986. Т. 10. 495 с.
- Якимова Л. П.** Поэтика русской литературы в семиологическом освещении. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. 298 с.

References

- Berkovskiy N. Ya.** O russkoi literature [On Russian Literature]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, 383 p. (in Russ.)
- Chekhov A. P.** Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 18 vols. Moscow, Nauka, 1986, vol. 8, 527 p.; 1985, vol. 9, 543 p.; 1986, vol. 10, 495 p. (in Russ.)
- Dal V. I.** Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Russian Vocabulary]. In 4 vols. Moscow, AST: Astrel': Tranzitkniga Publ., 2006, vol. 1, 1158 p. (in Russ.)
- Efremova T. F.** Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Russian Vocabulary]. In 2 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. (in Russ.) URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed: 15.08.2023).
- Prokofyeva V. Yu.** Kategoriya "prostranstvo" v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [Space Category in Literature. Locus and Topos]. Orenburg University Herald, 2005, no. 11, pp. 87–94. (in Russ.)
- Razumova N. E.** Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva [A. P. Chekhov's Creative Work in Space Aspect]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 2001, 552 p. (in Russ.)
- Savinkov S. V., Faustov A. A.** Aspekty russkoi literaturnoi kharakterologii [Aspects of Russian Literary Characterology]. Moscow, Kulagina – Intrada Publ., 2010, 332 p. (in Russ.)
- Sinyakova L. N.** HOME Topos and Associated Motifs in A. P. Chekhov's Prose of 1890s: Humility, Escape, Departure. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 9: Philology, p. 102–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-102–113
- Sinyakova L. N.** Topika "dom – antidom" v proze A. Chekhova 1890-kh gg. [Topics Home – Antihome in A. Chekhov's Prose of 1890s]. In: *Utopicheskii diskurs v russkoi kul'ture kontsa XIX – XXI veka: literatura, zhivopis', kinematograf* [Utopic Discourse in Russian Culture of the end of 19th – 21st Centuries. Literature, Painting, Cinema]. Ed. by N. V. Kovtun. Moscow, FLINTA Publ., 2021, pp. 15–27. (in Russ.)
- Tamarchenko N. D.** Teoreticheskaya poetika: khrestomatiya-praktikum [Theory of Poetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2004, 400 p. (in Russ.)
- Мифы народов мира [Myths of Nations of the World]. In 2 vols. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ.; Drofa Publ., 2008, vol. 2, 719 p. (in Russ.)
- Yakimova L. P.** Poetika russkoi literatury v semiologicheskom osveshchenii [Poetics of Russian Literature in Semiology Reflection]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2022, 298 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Людмила Николаевна Синякова, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 57216876044
SPIN 3559-2336

Information about the Author

Lyudmila N. Sinyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Scopus Author ID 57216876044
SPIN 3559-2336

*Статья поступила в редколлегию 12.08.2023;
одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 12.08.2023;
approved after reviewing on 02.10.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Научная статья

УДК 801.73

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-99-105

Реминисценция сказки А. С. Пушкина о мёртвой царевне в стихотворении Б. Л. Пастернака «Иней»

Анастасия Александровна Аксёнова

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

AA9515890227@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

Аннотация

Стихотворение «Иней» Б. Л. Пастернака находится в переходном к позднему этапу творчества цикле «Перedelkino». С одной стороны, тема конца неповторимой жизни, в отличие от бесконечно воспроизводящегося цикла смертей и возрождений природы, открывается в образах обманчивого порядка и недоверия. С другой стороны, творческий дар поэтического видения привносит семантику утешения. Самое удивительное событие, происходящее с лирическим героем, – обнаружение соответствий: торжественная гармония окружающей природы оказывается репрезентацией гармонии поэтической, например, четверостишия А. С. Пушкина. Таким образом, мир повседневный становится продолжением идеального. Открытие это требует усилий самого героя, который от разлада между человеком и миром переходит к диалогу с царством природы, к надежде быть услышанным.

Ключевые слова

творчество, сказка, инициация, смерть, граница, благодарность

Благодарности

Работа выполнена при поддержке научного семинара в «Лаборатории герменевтики» Кемеровского государственного университета, под руководством д-ра филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксона

Для цитирования

Аксёнова А. А. Реминисценция сказки А. С. Пушкина о мёртвой царевне в стихотворении Б. Л. Пастернака «Иней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 99–105. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-99-105

Reminiscence of A. S. Pushkin's Tale about the Dead Princess in B. L. Pasternak's Poem *Hoarfrost*

Anastasia A. Aksionova

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

AA9515890227@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

Abstract

Purpose. The poem *Hoarfrost* among the other works of B. L. Pasternak shows a problem of borders in three different ways: as the inner world of the lyrical hero, as a correlation of a fairy-tale and casual aspects of life, and as a state of nature. It is no coincidence that *Hoarfrost* is included in the “boundary”, transitional to the late stage of Pasternak's work, the *Peredelkino* cycle.

© Аксёнова А. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 99–105
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 99–105

Results. On the one hand, the theme of an end of a unique human life (in contrast to the endlessly reproduced cycle of death and rebirth of nature) is revealed in images of fear, deceptive order and mistrust. On the other hand, the creative gift of poetic (and childlike) vision brings semantics of consolation. The most surprising thing that happens to the lyrical hero is the discovery of correlations: all the solemn harmony of the environment turns out to be a living representation of the poetical harmony, such as Pushkin's quatrain in *The Tale of the Dead Princess*.

Conclusion. Thus, the everyday world is an extension of the ideal, sacred sense. This discovery requires the efforts of the hero, who moves from a sense of discord between a human and the world to a dialogue with nature and the hope of being heard.

Keywords

creativity, fairy tale, initiation, death, border, gratitude

Gratitude

The work was performed out with the support of a scientific seminar at the "Laboratory of Hermeneutics" of Kemerovo State University, under the leadership of Doctor of Philology, Professor L. Yu. Fukson

For citation

Aksionova A. A. Reminiscence of A. S. Pushkin's *Tale about the Dead Princess* in B. L. Pasternak's Poem *Hoarfrost*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 99–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-99-105

Введение

Стихотворение Б. Л. Пастернака «Иней» (1941 г.) не становилось предметом специального истолкования, потому на сегодняшний день в научной литературе упоминания о нем нечасты.

В статье О. Ю. Казмирчук о цикле «Переделкино» справедливо замечено, что «вынесенные в названия явления природы позволяют лирическому герою измениться, обрести новые качества <...> сюжет о спящей и пробудившейся царевне, в русской культуре связанный в первую очередь с именем Пушкина, в поэтике Серебряного века воспринимался как инвариант сюжета о спасении (пробуждении) Души» [Казмирчук, 2021, с. 200].

По мнению В. Н. Альфонсова, «в короткий цикл вместились, впрочем, все времена года, их наступление и переходы, и каждое воспринималось как «новое чудо», как многократно повторяющееся «опять» – нескончаемая сказка бытия» [Альфонсов, 1990, с. 245]. Но в стихотворении «Иней» такая повторяемость показана не столь однозначно и прямо. К переосмыслению повторений и самого порядка творенья герою еще предстоит прийти: повторяемость годовых циклов бессмертной природы противостоит неповторимости смертного человека. Герой должен преодолеть свое ощущение опасности (где хищник «подсматривает с ветвей») и недоверия (ведь «тропинка ныряет в овраг»). Только удивление и поэтическое (детское) видение мира способно противостоять сомнениям, страху, отчуждению от мира, которые звучат в начале произведения.

Согласимся с тем, что в творчестве Пастернака сказка «перемешана с прозаическими предметами и подробностями жизни, всеми этими водокачками, трубами, крышами <...> Сказка – это воскрешённое детство» [Там же]. Кроме того, в художественном мире стихотворения «Иней» сказка своеобразно перекликается с пушкинской «Сказкой о мёртвой царевне и о семи богатырях».

Переключки обнаруживаются в том, что у Пастернака преображение повседневного мира с его трубами, водокачками, крышами начинается с приходом *зимы*, с пробуждения героя от спячки. Сравним с текстом Пушкина: «Только видит: вьётся вьюга, / Снег валится на поля, / Вся белёшенька земля» (Пушкин, 1977, с. 344). Рождение царевны приходится на самый сочельник, т. е. особое, сакральное время. В произведении «Иней» крыши, трубы и святочный дед находятся в одном смысловом ряду привычного, неувидительного, но, как только герой замечает волшебный наряд «лопоухого» леса, сказка делает шаг в реальность.

Следующая тема, общая для стихотворения «Иней» и «Сказки о мёртвой царевне...», – тема обманчивости. В сказке А. С. Пушкина служанка царицы обманывает дважды: в первый раз – саму царицу, спасая жизнь царевны и отпуская ту в лес, а второй раз – уже царевну, предлагая ей отравленное яблоко. Причем само яблоко, пропитанное ядом, описывается так:

«Так свежо и так душисто, / Так румяно-золотисто, / Будто мёдом налилось!» (Пушкин, 1977, с. 352). Сладость и горечь, жизнь и смерть, мёд и яд здесь переплетаются в образе яблока. В произведении Пастернака утешение и страх, сон и смерть, мысленное содрогание – всё это свидетельствует о двоякой оценке жизни. Страшное сходство между сном и смертью акцентировано в стихотворении «Иней», так и в пушкинской сказке: «Хоронить её хотели / И раздумали. Она, / Как под крылышком у сна, / Так тиха, свежа лежала, / Что лишь только не дышала» (Пушкин, 1977, с. 353). Как указывает В. К. Зубарева, «разница в сюжетах Жуковского и Пушкина еще и в том, что Жуковский называет свою поэму-сказку “Спящая царевна”, а Пушкин – “Мёртвая...”» [Зубарева, 2014, с. 284].

Отметим, что обращение лирического героя в произведении Пастернака к самой природе, поиск ответов в страшном и сказочном лесу, обращение к мёртвому царству на «ты» – всё это сопоставимо с обращением пушкинского героя Елисея к красному солнцу, с его мольбой к месяцу, со взыванием к ветру. После того как герои сказки преодолевают все горести и испытания, наступает счастливый финал. Здесь ситуация смерти оборачивается лишь сном, а разлука оказывается преодолимой, в том числе и благодаря активным действиям Елисея, его обращению к природе (героям-помощникам). Для лирического героя Пастернака также важна ситуация преодоления и борьбы: он продвигается с недоверием, но всё-таки идёт дальше. Мысленная дрожь перед мёртвым царством сменяется переосмыслением тех даров, которые приходят в мире Пастернака не в отрыве от боли и испытаний, а вместе с ними.

Результаты исследования

Обращаясь к заглавию исследуемого произведения, мы сразу можем установить семантику пограничного состояния и переключку природного явления (хрупкий иней – тонкая грань между водой и снегом, потеплением и заморозком), с положением самого лирического героя (между страхом и надеждой, отчаянием и утешением, сном и бодрствованием). Иней, оседающий тонким слоем, – лёгкий слой льда. В стихотворении это свидетельствует о смене двух природных состояний: с одной стороны, влажный осенний воздух, с другой – холод, в котором вся влага замерзает.

Почему же пора листопада с самых первых строк характеризуется как «глухая»? Природа явно готовится к зиме, поэтому всё затихает и наступает безмолвие. Вне образной реальности, без олицетворяющей природу метафоры именно глухим может быть только одушевлённое существо (человек, животное), но не дерево или листва. В творчестве Пастернака принципиален субъектный, соучастный характер природы и самой жизни («сестра моя – жизнь»). Как отмечает Л. Ю. Фуксон, «понимание того, что происходит с основными пространственными форматами художественного мира, является ключом к смыслу образа человека» [Фуксон, 2014, с. 14]. *Глухая пора* указывает нам на внутренний мир лирического героя, который сейчас оторван от диалога и ощущает своё одиночество в окружающей глухоте. Поэтому слово «расстраиваться» в этой строфе подсказывает, что повод и нужда в утешении есть. Расстроенность не просто минутное настроение героя, она приобретает более общее значение: открывает разлад человека с миром.

Человеческая реакция на такой разлад – страх и сожаление об уходящем тепле, страх, что завтра уже зима, страх перед неподвижностью, перед состоянием бесчувственного существования, страх смерти. Именно глухая пора, когда все звуки постепенно исчезают, становится предвестником смерти. Но, в отличие от человеческой (окончательной) смерти, в природе круг рождений и смертей является бесконечным, а зима сменяется весной. Поэтому «последних гусей косяки» оказываются и не последними в контексте общего природного цикла, но в то же время и последними: в пределах человеческой жизни завершение каждого года необратимо.

Кроме того, в первой строфе можно констатировать назревающее напряжение между утешением и испугом, между убаюкивающе-уговаривающей интонацией и приближающейся

без всяких иллюзий реальностью смерти. Рифма между *занянчив* и *обманчив* акцентирует внимание читателя на теме ложной утешительности: порядок природного творения, конечно, обещает возрождение жизни и всегда показывает неокончателность смерти (вернутся перелётные птицы, растает снег, наступит весна), но сам человек и его частная жизнь совершаются один раз, по крайней мере прожитая им жизнь неповторима в отличие от жизни окружающей природы. В пределах своей жизни человек подстраивается под природные ритмы, живёт отведённое ему время в согласии с законами природы, но ключевое отличие между неокончателной «смертью» и зимней спячкой природы от собственной (окончателной) смерти человека здесь очевидно.

Другое толкование *обманчивости* обнаруживается только в том случае, если мы обращаемся к указанному здесь же, во второй строфе, альтернативному измерению жизни смертного существа – сказке. В сказке со страшным названием («Сказка о мёртвой царевне») всё оборачивается счастливым финалом и воссоединением влюблённых, а смерть царевны обманчива и оказывается лишь сном. Выражение «порядок творенья обманчив» убеждает нас в том, что не всё – то, чем кажется, заставляет сомневаться (в том числе и в состоянии обречённости). Если во всём творенье есть божественный порядок, значит, утешение включает в себе высший смысл, а отсюда появляется и надежда.

В творчестве Пастернака священное не противопоставляется мирскому, поэтому всё возвышенное «приземляется» стилистически: например, поговорка «у страха глаза велики», слово «занянчив», фразеологизм «белые мухи», выражение «как вкопанный».

Именно человек создаёт сказки, а творческий дар, которым он обладает наряду с природным, смертным телом, позволяет преодолеть в альтернативной (сказочной) реальности неизбежность печального конца. По такой логике лирический герой в финале обращается к мёртвому царству, словно к живому.

Тема сна не только прослеживается в отсылке к пушкинской «Сказке о мёртвой царевне...», но и непосредственно относится к лирическому герою Б. Л. Пастернака: хронологически он *проспал* всё начало зимы и после созерцания листопада вдруг оказывается сразу у водокачки во время зимы. Происходит ускоренное, сокращённое движение времени: сейчас – глухая пора листопада, покидающие местность перелётные птицы, а в следующий миг – «Ты завтра очнёшься от спячки, / И, выйдя на зимнюю гладь...» (Пастернак, 2004, с. 110). Наблюдается резкая смена визуального ряда: от пестроты осенних листьев к зимней белизне вокруг. Отметим, что загородная местность (дачи в Переделкино) занимает промежуточное положение между городом и лесной чащей.

Притом что некоторый реальный «маршрут» героя всё же выстраивается: дом в посёлке – уличная водокачка – лесная тропинка – овраг – терем – сторожка – дорога – перелесок – новая чаща, – все эти локации позволяют проследить сюжет сказочного путешествия, в котором все обыденные предметы оборачиваются отсылкой к волшебному миру.

Пограничность положения самого героя как природного существа, но в то же время и не приспособленного к выживанию на территории зимнего леса, выражается образами опасности: вязкий снег, холод, дикие лесные звери. Образы смертельной опасности, с одной стороны, и, с другой стороны, образы сказочные, такие как маскарадный шут, святочный дед, терем. Появление шута и вторжение в повседневность праздничного, маскарадного действия указывает на актуализацию не только особого, магического пространства, но и магического времени святочных, новогодних праздников.

Праздничные циклы также приводятся в контексте общей жизненной повторяемости, безэмоциональной интонации, заданной словом «опять». Кроме того, ритм этого повтора поддерживает постоянно повторяющийся союз «и». Это возвращает отмеченное напряжение статики и движения: возникает иллюзия изменений, но водокачка, крыши, белые мухи и святочный дед – всё это уже было. Такие образы приводятся в горизонте однообразия повседневной действительности, противостоят удивлению, герой как бы отмечает для себя: «всё это я уже видел». Это взгляд взрослого человека.

Чудо, происходящее с героем, заключается как раз в перспективе удивления: снежная густая занавеска – метафора, в которой видится напряжение между сугубо домашним пространством (занавеска) и природным снежным занавесом. Сводчатый терем иней – также двойной образ, сохраняющий пространственную буквальность (терем как дом) и в то же время от этой буквальности отталкивающийся. В этом тереме хозяин сам Иней; третья смысловая перспектива образа – вся зимняя природа представляет собой такой терем, т. е. терем, сделанный из иней, в котором человек – это гость. В такой перспективе вся зимняя гладь, вся природа, покрытая снегом, – сказочный дом, «дом – метафора детства» [Галина, 2010, с. 193].

По мере удаления героя от собственного дома и посёлка и углубления в зону зимнего леса, пространство становится более причудливым. Вместо привычных гусей появляется невиданная росомаха (гуси домашние, а росомаха – дикий хищник), ветви лесных деревьев, отягощённые снегом, напоминают брови с надвинутой на них папахой.

Образы, тяготеющие к бытовому существованию (такие как гуси, водокачка, трубы, сторожка), соседствуют со сказочными лесом, теремом, святочный дедом. Отметим, что образ маскарадного шута – это знак рукотворного праздника, в котором сам человек сменяет серьёзный облик на шутовской, как и тёс на сказочных дверях терема – это выполненное руками человека украшение, созданное мастером-человеком. Тема преобразования мира, произведённого вручную, является далеко не случайной для Пастернака. Именно творческий дар человека размыкает границу между повседневным миром смертной жизни и сказочным миром, в котором возможно бессмертное продолжение. Реальность, даже самая приземлённая (мухи, занавески, водокачка), не противостоит волшебству сказочного терема. Дело не просто в мирном сосуществовании волшебного и обыденного, а в установке лирического героя открывать это волшебное в самом обыденном.

Новая волшебная сторона повседневности открывается не без риска, и трансформация даётся не даром: мы застаём лирического героя в моменты преодоления нерешительности. Овраг – самая опасная точка, и он решается наконец спуститься в этот овраг, преодолевая свой страх, но продвигается с недоверием (ведь «порядок творенья обманчив»). Кроме того, некоторое недоверие и опасение в лесу оказывается небезосновательным: вся природа обледенела и, словно росомаха, поглядывает с ветвей, а слово «подсматривает» передаёт поведение затаившегося хищника: вся природа ассоциируется здесь с опасностью. Природное состояние сравнивается с крадущейся росомашой и с кем-то в папахе, но никогда при этом не является чем-то одним и однозначным – оно многолико. Такая двойственность и лишает воспринимающее сознание уверенности, свидетельствует об обманчивости, когда всё вокруг оказывается не тем, чем представлялось. Поэтому свои шаги герой предпринимает с опасением. Испытание для героя состоит в том, чтобы, преодолевая своё недоверие, открыться сказке.

Герой, прежде чувствовавший своё одиночество (глухая пора листопада, разлад человека с миром, расстроенность), вновь ощущает себя частью миропорядка. За краем перелеска начинается новая чаща, в которую лирический герой отправляется уже без страха. Благодарность по отношению к ныне мёртвому царству и благословение, адресованное порядку творенья, свидетельствуют о том, что символическая смерть осмысливается не как что-то страшное, а тоже как дар, поэтому в слове «благодарствуй» актуализируется «дар».

На протяжении всего изображения художественного мира можно констатировать различные фазы состояния героя: страх, удивление, любопытство, недоверие, благодарность. Но «торжественное затишье» и «четверостишье» рифмуются не случайно: именно в процессе творчества прежний разлад преобразуется в гармонию. От сомнений герой переходит к утвердительной интонации. В лирике Пастернака любовь и творчество – это всегда жизнеутверждающие начала. А тихий шёпот – прямое свидетельство возможного отклика.

Заключение

Обращение к пушкинской «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» позволяет объяснить особое открытие, которое происходит с лирическим героем Пастернака: торжественная гармония в природе, к которой он обращается, – это живая репрезентация поэтического начала. Связь стихотворения «Иней» с пушкинской версией сюжета – образом *мёртвой* царевны и обращением к *мёртвому* царству – указывает на событие *воскрешения*, а не только *пробуждения* (как, например, в версии Жуковского).

Лес в стихотворении становится наглядной репрезентацией единения в художественной картине мира настоящего леса и волшебного царства. Для самого лирического героя, который начинает своё путешествие с некоторых сомнений и опасений, с утверждения обманчивого порядка творения, такой лес становится пространством инициации. Зимняя спячка, после которой очнулся герой в самом начале, воплощает символическую смерть, но этой смертью история героя не заканчивается.

Лирический герой переживает существенную трансформацию буквально на глазах у читателя: от разлада между человеком и миром, от образов глухоты, недоверия, страха – он с опасением вступает в зимний сказочный лес – до сопричастности, благодарности и надежды быть услышанным («тихо шепчу»), обретения гармонии. Тогда «глухая пора» сменяется «торжественным затишьем», а от прежней «мысленной дрожи» герой переходит к диалогу с природным царством.

Рифма «торжественное затишье» и «четверостишие» указывает на генезис этой трансформации – поэзия, которая живёт в природе и в самых обыденных, простых предметах. Творческий дар позволяет герою увидеть всё в новом сказочном свете.

Список литературы

- Альфонсов В. Н.** Поэзия Бориса Пастернака: Монография. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.
Галина М. Дом, наружность и лес // Новый мир. 2010. № 4 (1020). С. 189–194.
Зубарева В. К. «Сказка о мёртвой царевне...»: эволюция пушкинского пророка // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 273–298.
Казмирчук О. Ю. Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б. Л. Пастернака «Перedelкино» // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 197–206.
Фуксон Л. Ю. Пространственные архетипы // Сюжетология и сюжетология. 2014. № 1. С. 9–15.

Список источников

- Пастернак Б. Л.** Полн. собр. соч.: В 11 т. / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959. 528 с.
Пушкин А. С. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4: Поэмы. Сказки. С. 344–357.

References

- Alfonsov V. N.** Poeziya Borisa Pasternaka [The Poetry of Boris Pasternak]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1990, 368 p. (in Russ.)
Galina M. Dom, naruzhnost' i les [The House, the Outdoors and the Forest]. Novyy mir [New World], 2010, no. 4 (1020), pp. 189–194. (in Russ.)
Fukson L. Yu. Prostranstvennyye arkhetipy [Spatial Archetypes]. Syuzhetologiya i syuzhetografiya [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2014. no. 1, pp. 9–15. (in Russ.)
Kazmirchuk O. Yu. Rol' sistemy zaglavii v khudozhestvennom universume tsikla B. L. Pasternaka "Peredelkino" [The Function of the System of Titles in the Universe of B. L. Pasternak's

Cycle *The Peredelkino*]. *Novyi filologicheskii vestnik* [*The New Philological Bulletin*], 2021, no. 1 (56), pp. 197–206. (in Russ.)

Zubareva V. K. “Skazka o mertvoi tsarevne...”: evolyutsiya pushkinskogo proroka [*The Tale of the Dead Princess: the Evolution of Pushkin's Prophet*]. *Voprosy literatury* [*Literature Issues*], 2014, no. 4, pp. 273–298. (in Russ.)

List of Sources

Pasternak B. L. The Complete Works: In 11 vols. Comp. and comment. by E. B. Pasternak and E. V. Pasternak. Moscow, WORD/SLOVO, 2004, vol. 2: Spektorskii. Stikhotvoreniya 1930–1959 [Spectorsky. Poems 1930–1959]. 528 p. (in Russ.)

Pushkin A. S. Complete Works: In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1977, vol. 4: Poemy. Skazki [Poems. Fairy Tales], pp. 344–357. (in Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Александровна Аксёнова, ассистент кафедры русского языка и литературы
RSCI Author ID 699864
SPIN 7548-7218

Information about the Author

Anastasia A. Aksionova, Assistant of the Department of Russian Language and Literature
RSCI Author ID 699864
SPIN 7548-7218

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 05.10.2023
The article was submitted on 17.05.2023;
approved after reviewing on 02.10.2023; accepted for publication on 05.10.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-106-114

**«Ночная ведьма», дева-воительница, советская женщина:
образ военной летчицы в литературе соцреализма
(М. Чечнева «Боевые подруги мои»)**

Татьяна Андреевна Загидулина

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева

Красноярск, Россия

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург, Россия

zagi9@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>

Аннотация

Образ военной летчицы в советской литературе сближается с архетипом женщины-воина. В очерках значимыми становятся мотивы мести, борьбы, соперничества. Гендерная инверсия подчеркивает приобретенную мужественность, в связи с чем актуализируются мотивы невозможного или отложенного брака. В рамках мифопоэтического подхода проанализированы интертекстуальные связи с былинными женскими персонажами. Отдельно рассмотрен номинативный аспект образа («ночные ведьмы»). Так, проанализированные мотивы и аллюзии позволяют утверждать, что фигура военной летчицы встраивается в парадигму андрогинных женских персонажей советской культуры, а также наследует архаические черты и может быть отнесена к традиционному типу девы-воительницы.

Ключевые слова

соцреализм, мемуары, мифопоэтика, дева-воительница, образ летчицы

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00408); <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Для цитирования

Загидулина Т. А. «Ночная ведьма», дева-воительница, советская женщина: образ военной летчицы в литературе соцреализма (М. Чечнева «Боевые подруги мои») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 106–114. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-106-114

© Загидулина Т. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 106–114

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 106–114

“Night Witch”, Warrior Maiden, Soviet Woman: The Image of a Military Pilot in the Literature of Socialist Realism (M. Chechneva *My Fighting Friends*)

Tatyana A. Zagidulina

Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

zagi9@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>

Abstract

Purpose. The article analyses the image of a military pilot in Soviet memoir literature. A lot of research works were devoted to the study of Soviet literature and its figurative system, but no special works have been found that focus on this character. The research material is a book of essays by M. Chechneva *My Battle Friends* (1968). The author used the method of mythopoetic analysis, as well as a structural-typological approach.

Results. The work substantiates a typological similarity between a pilot and a warrior maiden at the characterological, gender, mythopoetic, allusive, and nominative levels. The study revealed significant elements of the image of a military pilot and associated motives – revenge, delayed marriage. These motifs refer to the inherent gender inversion in such plots, highlight the masculinity of the heroines, a characteristic of the type of female warrior. The image under the study is intertextually connected with Russian epic heroines, which allows us to talk about the traditional nature of the type itself. The semantics of the nomination “night witches” is also analyzed, which paradoxically takes on positive connotations. In addition, specific socialist realist layers were found in the model under consideration – the heroines are characterized by such qualities as discipline, rigor, and calmness.

Conclusion. The image of a military pilot fits into the paradigm of the warrior maiden type, but has some peculiarities. This is due to the artistic method within which the author of the essays worked, as well as to the time of writing the works.

Keywords

socialist realism, memoirs, mythopoetics, warrior maiden, image of a pilot

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-18-00408; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky; <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>

For citation

Zagidulina T. A. “Night Witch”, Warrior Maiden, Soviet Woman: The Image of a Military Pilot in the Literature of Socialist Realism (M. Chechneva *My Fighting Friends*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 106–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-106-114

Введение

Изучение советской литературы и культуры не теряет актуальности на протяжении последних десятилетий. Анализ ортодоксальной советской культуры посвящены работы Е. А. Добренко [1993; 2007], В. З. Паперного [2011], Б. Е. Гройса [1993], Н. В. Ковтун [2004], Т. А. Кругловой [2005], а также обобщающий определенный этап ее изучения сборник статей «Социалистический канон» [2000] и др.

Осмыслению феномена воплощения образа советской женщины в литературе посвящены работы А. И. Куляпина [2011] (онтологический статус новой женщины 30-х гг. XX в.), Н. В. Ковтун [2018] (смена гендерной парадигмы, появление образа «комиссарши»), О. А. Скубач [2020] (осмысление Арктического сюжета через призму женской проблематики), Д. И. Наволоцкой [2021] (репрезентация стахановки), однако специальных исследований репрезентации фигуры военной летчицы обнаружено не было.

Настоящая статья служит логическим продолжением изучения гендерного аспекта авиационного дискурса в советской литературе [Загидулина, 2019, с. 116–129]. Цель работы – выявление значимых элементов образа военной летчицы, обоснование его типологического сходства с архетипом девы-воительницы, обнаружение специфических соцреалистических

напластований (автор очерков акцентирует внимание на таких чертах персонажей, как строгость, спокойствие, дисциплинированность, что является своеобразным маркером соцреалистического положительного героя-мужчины) в рассматриваемой модели. Материалом послужили тексты мемуарного характера. Традиционно устойчивыми признаками подобного типа литературы считаются фактографичность, событийность, ретроспективность, непосредственность авторских суждений, живописность, документальность [Якушева, 2001, с. 524]. Мемуаристика соцреализма, в свою очередь, наделена исторической доминантой, редуцирующей субъективное начало [Балина, 2002, с. 251], что необходимо учитывать при изучении очерков М. П. Чечневой (1922–1984) ¹.

Осуществление научной цели работы достигнуто применением структурно-типологического метода и метода мифопоэтического анализа.

Результаты исследования

Анализируя образ военной летчицы, невозможно обойти вниманием номинативный аспект. Летчиц 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного Таманского Краснознамённого ордена Суворова полка в стане противника, по словам самих участников событий, называли «ночными ведьмами» (*die Nachthexen*) или «летающими ведьмами». Самое раннее из найденных в советской печати упоминаний датируется 10 марта 1945 г.: «– Нас, летчиц По-2, немцы называют “ночными ведьмами”, – рассказывает с улыбкой Руфина Гашева. – Они говорят, что мы черные, худые, мрачные...» [Бобров, 1945, с. 4].

В немецкоязычной культуре образ ведьмы достаточно традиционен. По определению Г. Шверхоффа, ведьмы – «Скверные люди, и притом по преимуществу представительницы женского пола, которые заключили договор с дьяволом, чтобы с его помощью, применяя разнообразные колдовские средства, причинять всяческий вред жизни, здоровью, имуществу, домашнему скоту, посевам и садам других людей; <...> это люди, которые легко могли превращаться в животных, таких как кошка, волк или мышь, и в таковом обличье являться людям» [Шверхофф, 1996, с. 308].

В статье Е. А. Калкаевой, посвященной анализу образа ведьмы в немецких сказках на материале сборника «*Kinder- und Hausmärchen*» («Детские и семейные сказки») братьев Гримм, сделан вывод о том, что «можно выделить структуру, соответствующую некоторым демонологическим рассказам: ведьма наносит ущерб человеку, благам которого она завидует или просто желает присвоить их; человеку удается справиться с ведьмой» [Калкаева, 2021, с. 47]. Мотивация номинации может быть связана со способностью ведьмы к полетам.

Несмотря на негативную окраску слова «ведьма» в русском языке [Нефедов, Макарова, 2017], в данном случае лексема вызывает явно противоположные ассоциации ². Мотивы жертвенности и защиты оправдывают изменение природы человека, меняют восприятие образа и самого слова в общественном сознании. Номинация – значимый элемент исследуемой модели, однако типологически героиня не является ведьмой, в текстах не обнаружено мотивов, связанных с колдовством. Так, имя не становится сущностью: сама функция персонажа этому противоречит. Стремление героини мстить врагу, защищать свой народ, отрекаясь от собственной феминности, позволяет говорить о мифопоэтической составляющей образа и отсылает к образу женщины-воина.

Фигура военной летчицы сближается с типом девы-воительницы, детально описанным В. Б. Зусевой-Озкан, которая выделяет характерологический, гендерный, мифопоэтический,

¹ Очерки-воспоминания М. П. Чечневой «Боевые подруги мои» вышли в 1968 г. В статье цитаты из очерков приводятся по второму изданию [Чечнева, 1975].

² Подобно тому, как булгаковская Маргарита становится ведьмой, чтобы спасти Мастера, советская женщина становится «ведьмой», чтобы спасти Родину: «Маргарита в образе ведьмы несет в романе идеи милосердия, самопожертвования и испытания совестью» [Селезнева, 2017, с. 53]. В. В. Селезнева называет Маргариту вынужденной ведьмой.

аллюзивный, номинативный критерии персонажа [2021, с. 26]. Дева-воительница «наделена такими *характерологическими* особенностями, как физическая и душевная сила, гордость, суровость, переходящая в жестокость, упорство, способность к сопротивлению и желание одержать верх во что бы то ни стало...» [Там же]. Образ воительницы характеризуется гендерной инверсией³. В исследуемых текстах это явление представлено, например, в эпизоде, когда комиссар (женщина) обращает внимание на внешний вид летчиц: «Не улыбнуться было невозможно: в больших, чуть ли не до пят гимнастерках, широченных галифе, огромных кирзовых сапогах мы походили скорее на персонажей юмористического журнала, чем на солдат» [Чечнева, 1975]; «Ходить в таком виде – только срамить армию. Я уж не говорю о том, что не гоже ронять достоинство женского пола. Объявляется аврал» [Там же]. Примечательно, что изменение внешнего вида женщин должно привести к тому, что они будут похожи на солдат, т. е. приобретут максимально маскулинный облик. Подобная инверсия подсвечивается феминизацией представителей противоположного пола. В этом смысле показателен эпизод из очерка «Сердце, полное огня». Женя Крутова пишет матери о том, что та должна более строго относиться к своему сыну – брату героини, который также находится в армии, не высылать ему денег и не проявлять излишнего сочувствия к его доле: «А характер надо помочь ему исправить, и помочь в этом должны мы с тобой. Ты пишешь, что послала ему денег, не сердись, родная, но зря. <...> А потом я ему сама аттестат вышлю – у меня есть из чего. И сейчас есть, да не пошлю! <...> Жизнь сурова – надо относиться к ней строго» [Там же]. Таким образом, героиня берет на себя функцию главы семьи, обладая для этого всем необходимым как в моральном, так и в материальном смысле. Строгость же – одна из ключевых черт положительного героя-мужчины литературы соцреализма [Кларк, 2000]. В данном случае героиня обладает этим качеством в отличие от своих матери и брата.

Еще один важный элемент образа девы-воительницы в контексте гендерной инверсии – отсутствие сексуальных контактов с мужчинами. Такая женщина не является женщиной в полном смысле слова: она не жена и не мать. Биографии летчиц, представленные в сборнике, построены по одной (с небольшими отклонениями) сюжетной схеме: типичное советское детство, юность, появление мечты об авиации, ее осуществление. Часто в эту схему включены мотивы женской дружбы, сестринства. Ярким примером реализации такой конструкции служит описанная в очерке «Воздушный академик» юность Кати Тимченко: «Вот она, девчушка, сидит на чьих-то крепких плечах. <...> Немало часов провела она в библиотеке, листая книги о воздухоплавании <...>. А когда окончила школу, твердо решила пойти в дирижаблестроительный институт <...>. В институте Катя познакомилась с непоседливой девчонкой Женей Жигуленко. Они стали неразлучны. <...> С началом войны девушки сразу почувствовали себя повзрослевшими на много лет» [Чечнева, 1975].

Очерк «Наш Корчагин» начинается с истории школьной дружбы Гали Докутович и Полины Гельман, препятствием которой не смогла стать даже война: «– Пришла проститься. Сколько лет мы с тобой дружили и не расставались, но вот настало время... Полина задумалась.

– А знаешь, я с тобой не расстанусь, Галя, – решительно сказала она.

– Тебе нелзя. У тебя же здоровье...

– У всех “здоровье”!.. Не нужно об этом» [Там же].

Однако мужские образы присутствуют в очерке – у Гали появляется возлюбленный – Миша, судьба пары трагична: сначала сгорает в самолете Миша, а потом погибает и Галя, так и не став женой и матерью. Примечательно, что боевые товарищи Миши сочиняют песню: «А песня была шуточная. <...> Про Мишку Шульгу, летчика, и штурмана Галину. Дело было в том, что рассказывала песня, что она была очень неприступной девушкой <...>. И все-таки

³ О подобном явлении в эпоху революции и гражданской войны пишет Н. В. Ковтун: «революционный трансвестизм» характеризуется резкой сменой гендерной парадигмы, появлением типа женщины, берущей на себя функции мужчины, желающей положить жизнь на строительство нового мира [2018, с. 34]. Военная летчица встраивается в парадигму образов советских женщин, наследуя черты комиссарш, революционерок.

не устояла. Пообещала, что полюбит его, если перегонит он ее на своем истребителе. И вот бедняжка Миша гнал свой ястребок, мчался по небу за неуловимым бомбардировщиком. Да так и не догнал...» [Там же]. Здесь же проявляется очень важная характерологическая особенность – столкновение с героем-возлюбленным в бою, что прямо отсылает к архаическому былинному сюжету [Дунай и Добрыня сватают невесту князю Владимиру, 1988; Женильба Добрыни, 1988]. В былинах богатырки часто сильнее своих соперников, как, например, Настасья Королевична, которая в первом поединке потерпела поражение случайно, хотя явно превосходила в силе Дуная, или Василиса Микулишна, одолевшая Добрыню, что не помешало ей выйти за него замуж. Эта близость сюжетов характеризует военную летчицу как девы-воительницу именно в мифопоэтическом аспекте ⁴.

Стоит отметить, что женщины-летчицы отличаются от своих былинных предков – богатырки близки природе: «Эти женские качества выдавали в эпических героинях “существа стихийные”, действительно напоминавшие безжалостные природные стихии и генетически тесно связанные с неистовством, непредсказуемостью, разрушительной энергией грозных сил природы» [Новиков, Перфилова, 2019, с. 103]. Образ военной летчицы не только вбирает в себя черты архаичных героинь, но и воплощает новый, соцреалистический тип. Строгость и спокойствие, характерные для положительного героя соцреализма, присущи описанным летчицам: «Перед ней вдруг возникло лицо Расковой, ясноглазое и *строгое*», «лейтенант Ракобольская, *очень красивая и строгая и потому казавшаяся немного старше* своих лет», «Лицо Расковой стало *строгим*», «*Строгий командир*, Серафима Амосова была вместе с тем хорошим товарищем, отзывчивым и добрым по натуре человеком», «*мудрая и спокойная* Евдокия Давыдовна, товарищ Бершанская, наш командир полка» [Чечнева, 1975]. Описание чувств также соответствует соцреалистическому канону: «Она любила нас *высшей любовью: сознательной, строгой и справедливой*» [Там же].

Мотив борьбы, соперничества проявляется в многочисленных эпизодах социализации женщины в традиционно мужском обществе: она вынуждена постоянно доказывать легитимность своего нахождения там. Быть не хуже, часто – лучше мужчин – очень важно для летчиц: «Ну что, подруга, покажем мужчинам, что и *мы можем воевать не хуже сильного пола!*»; «Амосова доказала маловеерам, что *профессия летчика одинаково доступна и мужчинам и женщинам!*» [Там же].

В очерке «Высота» появляется мужской образ – возлюбленный Ларисы Розановой – Илья Литвинов, но мужем героини он становится только после войны.

Отложенный брак не единственный вариант биографии летчицы. В очерке «Испытание мужества» продемонстрирована иная сюжетная схема. Маша Акилина на момент начала войны – мать двоих детей и счастливая жена, однако она идет на фронт вслед за мужем. Вся семья Маши погибает, «стирается» ее женская биография, возникает мотив мести, характерный для образа девы-воительницы: «– Нет, товарищ гвардии подполковник. Никуда я не поеду. *Мне нужно мстить*. Понимаете? *Мстить...*» [Там же]. Как истинные девы-воительницы, военные летчицы исключают из своей жизни мужчин до окончания войны. Продуктивными остаются только дружеские, практически сестринские отношения между самими женщинами. Стоит отметить, что принадлежность к типу девы-воительницы не является константой для героинь очерков: после войны жизнь боевых подруг мемуаристки возвращается в традиционное русло – они реализуются как жены и матери. Выходя за рамки описанного типа, героини очерков возвращаются в общество. Война для них – вынужденный этап биографии, необходимость, которая заставляет их на время изменить собственный статус.

⁴ В. Б. Зусева-Озкан [2021], анализируя образ девы-воительницы в литературе русского модернизма, возводит его к нескольким традициям: греческой мифологии (амазонки), скандинавской мифологии (валькирии), русскому фольклору и собственно литературной традиции, связанной со средневековым европейским эпосом.

Заключение

Итак, образ военной летчицы в мемуарной литературе близок к традиционному для русского эпоса типу девы-воительницы, однако в соответствии с соцреалистическим канонем летчица не воплощает лишь стихийную силу – она стремится к строгости, сознательности, дисциплине, что сближает ее с положительным героем литературы соцреализма. Кроме того, героиня вписывается в парадигму советских женских типов, наследуя значимые черты комиссарш, революционерок, и это подчеркивается актуализировавшейся в военной литературе гендерной инверсией. Даже номинация, закрепившаяся за летчицами, парадоксальным образом способствует включению «ночной ведьмы» в систему соцреалистических персонажей.

Список литературы

- Балина М. Р.** Какой-то «непроявленный жанр»: мемуары в литературе соцреализма // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект, 2002. С. 241–259.
- Бобров Н. Н.** Дочери Родины // Сталинский сокол. 1945. № 20 (318). С. 4
- Гройс Б. Е.** Утопия и обмен. Стиль Сталин. О новом. М.: Знак, 1993. 250 с.
- Добренко Е. А.** Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Sagner, 1993. 405 с.
- Добренко Е. А.** Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. 592 с.
- Дунай и Добрыня сватают невесту князю Владимиру // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 76–86.
- Женитьба Добрыни // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 64–67.
- Загидулина Т. А.** Ни ввысь, ни свыше: авиационный дискурс в русской литературе 20–30-х годов XX века. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2019. 208 с.
- Зусева-Озкан В. Б.** Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с.
- Калкаева А. Е.** Ведьмы в сказочных сюжетах сборника братьев Гримм «Kinder- und Hausmärchen»: атрибуты и функции // Вестник культурологии. 2021. № 2 (97). С. 32–51. DOI 10.31249/hoc/2021.02.02
- Кларк К.** Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 569–584.
- Ковтун Н. В.** Женщины революции: от Даши Чумаловой к «комиссаршам» Валентина Распутина // Русская культура под знаком Революции. Дальний Восток, близкая Россия: Сб. науч. ст. Белград; Сеул; Сайтама, 2018. Вып. 2. С. 32–49.
- Ковтун Н. В.** Утопия соцреализма и гностицизм. К постановке проблемы // Европейские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности». Томск, 2004. Вып. 4. С. 247–265.
- Круглова Т. А.** Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. 384 с.
- Куляпин А. И.** Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов // Филология и человек. 2011. № 4. С. 158–164.
- Наволоцкая Д. И.** Восприятие образа стахановки: фанатские письма Дусе Виноградовой (1935–1936 годы) // Вестник Перм. гос. ун-та. История. 2021. № 52 (2). С. 160–172. DOI 10.17072/2219-3111-2021-2-160-172
- Нефедов И. В., Макарова И. В.** Инвективная функция русской мифолексемы «ведьма» (на материале фольклорных и лексикографических источников) // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Дон. кн. изд-во, 2017. С. 54–60.

- Новиков М. В., Перфилова Т. Б.** Маскулинность и женственность героев народного эпоса в трактовке Ф. И. Буслаева // Вестник Костром. гос. ун-та. 2019. Т. 25, № 2. С. 102–107. DOI 10.34216/1998-0817-2019-25-2-102-107
- Паперный В. З.** Культура Два. М.: НЛЮ, 2011. 408 с.
- Селезнева В. В.** Архетип ведьмы в структуре женских образов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Стриж: Студ. электрон. журн. 2017. № 1 (12). С. 52–56.
- Скубач О. А.** Неженская Арктика: сюжет о героине-полярнице в советской культуре 1920–1930-х годов // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 338–350. DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-338-350
- Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
- Чечнева М. П.** Боевые подруги мои. М.: ДОСААФ, 1975. 471 с. URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (дата обращения 08.09.2023).
- Шверхофф Г.** От повседневных подозрений к массовым гонениям. Новейшие германские исследования по истории ведовства в начале Нового времени // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Coda, 1996. С. 306–330.
- Якушева Г. В.** Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 524–525.

References

- Balina M. R.** Kakoi-to “neproyavlenniy zhanr”: memuary v literature sotsrealizma [Some Kind of “Unmanifested Genre”: Memoirs in the Literature of Socialist Realism]. In: Sovetskoe bogatstvo. Stat’i o kulture, literature i kino [Soviet wealth. Articles about culture, literature and cinema]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 241–259. (in Russ.)
- Bobrov N. N.** Docheri Rodiny [Daughters of the Motherland]. *Stalinskii sokol [Stalin’s Falcon]*, 1945, no. 20 (318), p. 4. (in Russ.)
- Chechneva M. P.** Boevye podrugy moi [My fighting friends]. Moscow, DOSAAF Publ., 1975, 471 p. (in Russ.) URL: http://militera.lib.ru/bio/chechneva_mp/index.html (accessed: 08.09.2023).
- Dobrenko E. A.** Metafora vlasti. Literatura stalinskoi epokhi v istoricheskom osveshchenii [Metaphor of power. Literature of the Stalin Era in Historical Coverage]. München, Sagner Publ., 1993, 405 p. (in Russ.)
- Dobrenko E. A.** Politekonomiya sotsrealizma [Political Economy of Socialist Realism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, 592 p. (in Russ.)
- Dunay i Dobrynya svatayut nevestu knyazyu Vladimiru [Danube and Dobrynya Woo a Bride to Prince Vladimir]. In: Byliny [Epics]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1988, pp. 76–86. (in Russ.)
- Groys B. E.** Utopiya i obmen. Stil Stalin. O novom [Utopia and Exchange. Stalin Style. On the New]. Moscow, Znak Publ., 1993, 250 p. (in Russ.)
- Gyunter X., Dobrenko E.** (eds.). Sotsrealisticheskii kanon [Socialist Canon]. Collection of Articles. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, 1040 p. (in Russ.)
- Kalkaeva A. E.** Ved’mы v skazochnykh syuzhetakh sbornika brat’ev Grimm “Kinder- und Hausmärchen”: atributy i funktsii [Witches in Fairy Tales from the Brothers Grimm Collection “Kinder- und Hausmärchen”: Attributes and Functions]. *Herald of Culturology*, 2021, no. 2 (97), pp. 32–51. (in Russ.) DOI 10.31249/hoc/2021.02.02
- Klark K.** Polozhitelnyi geroi kak verbalnaya ikona [A Positive Hero as a Verbal Icon]. In: Gyunter X., Dobrenko E. (eds.). Sotsrealisticheskii kanon [Socialist Canon]. Collection of Articles. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 569–584. (in Russ.)
- Kovtun N. V.** Utopiya sotsrealizma i gnostitsizm. K postanovke problem [Utopia of Socialist Realism and Gnosticism. On the Formulation of the Problem]. In: Evropeiskie issledovaniya v Sibiri: Materialy Vserossiiskoi nauch. konf. “Mir i obshchestvo v situatsii frontira: problemy

- identichnosti” [European studies in Siberia: Materials of the All-Russian Scientific. Conf. “Peace and Society in a Frontier Situation: Problems of Identity”], 2004, iss. 4. pp. 247–265. (in Russ.)
- Kovtun N. V.** Zhenshchiny revolyutsii: ot Dashi Chumalovoi k “komissarsham” Valentina Rasputina [Women of the Revolution: from Dasha Chumalova to the “Commissars” of Valentin Rasputin]. In: Russkaya kul'tura pod znakom Revolyutsii. Dal'nii Vostok, blizkaya Rossiya [Russian Culture Under the Sign of the Revolution. Far East, Close Russia]. Belgrad, Seul, Saitama Publ., 2018, iss. 2, pp. 32–49. (in Russ.)
- Kruglova T. A.** Sovetskaya khudozhestvennost', ili Neskromnoye obayaniye sotsrealizma [Soviet Artistry, or the Immodest Charm of Socialist Realism]. Ekaterinburg, Ekaterinburg State Uni. Press, 2005, 384 p. (in Russ.)
- Kulyapin A. I.** Odná: sovetskaya zhenshchina v literature i kul'ture tridtsatykh godov [The Lone: Soviet Woman in the Literature and Culture of the Thirties]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], 2011, no. 4, pp. 158–164. (in Russ.)
- Navolotskaya D. I.** Vospriyatie obraza stakhanovki: fanatskie pis'ma Duse Vinogradovoi (1935–1936 gody) [Perception of the Stakhanovite Image: Fan Letters to Dusa Vinogradova (1935–1936)]. *Herald of Perm University. History*, 2021, no. 52 (2), pp. 160–172. (in Russ.) DOI 10.17072/2219-3111-2021-2-160-172
- Nefedov I. V., Makarova I. V.** Invektivnaya funktsiya russkoi mifoleksemy “ved'ma” (na materiale folklornykh i leksikograficheskikh istochnikov) [Invective Function of the Russian Mytholexeme “Witch” (Based On Folklore and Lexicographic Sources)]. *Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviya. Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language and Law: Current Problems of Interaction. Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Rostov on Don, 2017, pp. 54–60. (in Russ.)
- Novikov M. V., Perfilova T. B.** Maskulinnost' i zhenstvennost' geroev narodnogo eposa v traktovke F. I. Buslaeva [Masculinity and Femininity of the Heroes of the Folk Epic in the Interpretation of F. I. Buslaev]. *Herald of Kostroma State University*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 102–107. (in Russ.) DOI 10.34216/1998-0817-2019-25-2-102-107
- Papernyy V. Z.** Kultura Dva [Culture Two]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 408 p. (in Russ.)
- Selezneva V. V.** Arkhetip ved'my v strukture zhenskikh obrazov romana M. A. Bulgakova “Master i Margarita” [The Archetype of a Witch in the Structure of Female Images of the Novel by M. A. Bulgakov *The Master and Margarita*]. *Strizh: Studencheskii elektronnyi zhurnal* [Swift: Student electronic magazine], 2017, no. 1 (12), pp. 52–56. (in Russ.)
- Shverkhoff G.** Ot povsednevnykh podozrenii k massovym goneniya. Noveishie germanskíe issledovaniya po istorii vedovstva v nachale Novogo vremeni [From Everyday Suspicions to Mass Persecution. The Latest German Research on the History of Witchcraft at the Beginning of the New Age]. In: Odissei. Chelovek v istorii. Remeslo istorika na iskhode XX veka [Odyssey. A Man in the History. The Craft of a Historian at the End of the 20th Century]. Moscow, Coda Publ., 1996, pp. 306–330. (in Russ.)
- Skubach O. A.** Not Female Arctic: The Plot of the Polar Heroine in Soviet Culture of the 1920–1930s. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, pp. 338–350. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-338-350
- Yakusheva G. V.** Memuary [Memoirs]. In: Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 524–525. (in Russ.)
- Zagidulina T. A.** Ni vvys', ni svyshe: aviatsionnyi diskurs v russkoi literature 20–30-kh godov XX veka [Neither Up nor Over: Aviation Discourse in Russian Literature of the 20–30s of the 20th Century]. Krasnoyarsk, KSPU Uni. Press, 2019, 208 p. (in Russ.)
- Zhenit'ba Dobryni [Marriage of Dobrynya]. In: Byliny. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1988, pp. 64–67. (in Russ.)

Zuseva-Ozkan V. B. Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety [The Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: Image, Motives, Plots]. Moscow, Indrik Publ., 2021, 712 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Андреевна Загидулина, кандидат филологических наук
RSCI Author ID 924351
SPIN 9200-6581

Information about the Author

Tatyana A. Zagidulina, Candidate of Sciences (Philology)
RSCI Author ID 924351
SPIN 9200-6581

*Статья поступила в редколлегию 23.08.2023;
одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 03.10.2023
The article was submitted on 23.08.2023;
approved after reviewing on 29.09.2023; accepted for publication on 03.10.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1+81.42

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125

Мотив полета в лирике А. Д. Раевского

Ирина Алексеевна Пушкарева¹

Юлия Евгеньевна Пушкарева²

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского госуниверситета
Новокузнецк, Россия

² Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Санкт-Петербург, Россия

¹ Irina_Pushkareva2016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

² j.e.pushkareva2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Аннотация

Представлены результаты филологического анализа мотива полета в лирике современного кузбасского поэта А. Д. Раевского. При анализе стихотворений с мотивом полета использована тематическая классификация текстов, были выявлены и последовательно рассмотрены пять групп стихотворений: 1) стихотворения, где сам сюжет полета является центральным; 2) стихотворения, связанные с темой детства и образом родины, ностальгией, воспоминаниями о прошлом; 3) пейзажные стихотворения, сюжет которых строится вокруг природных образов; 4) любовная лирика; 5) философские стихотворения с метафизической, экзистенциальной проблематикой.

Мотив полета занимает важное место в поэзии Раевского и выполняет ряд функций: передает психологическое состояние лирического героя; становится элементом философской тематики стихотворения, соотносясь с темами смысла жизни, смерти, души; является элементом пространства, позволяющим ярче и эмоциональнее развить хронотоп стихотворения.

Ключевые слова

филологический анализ текста, региональная литература, А. Д. Раевский, мотив полета

Для цитирования

Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Мотив полета в лирике А. Д. Раевского // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 115–125. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125

Motif of Flight in the Poems by A. D. Raevsky

Irina A. Pushkareva¹, Yulia E. Pushkareva²

¹ Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy
of Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation

² Northwestern Management Institute of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation

¹ Irina_Pushkareva2016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

² j.e.pushkareva2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Abstract

Purpose. The article contains results of philological analysis of the motif of flight in the poems by the contemporary Kuzbass poet A. D. Raevsky. The material for analysis is *The Golden Bug* (Zolotoy Zhuk; 2021), a collection of works of different periods. Poems containing the motif of flight are analyzed and classified by topic.

© Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 115–125

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 115–125

Results. The authors consider five groups of poems: 1) poems where flight is the central element of the plot; 2) poems tied to childhood, homeland, nostalgia, memories of the past; 3) landscape poems dedicated to nature; 4) love poems; 5) philosophical poems with metaphysical, existential topics.

The motif has a range of functions: 1) expresses psychological state of the hero, for example, his joy or delight, love, passion, fatigue, sorrow, calmness; 2) becomes an element of the philosophical plot of the poem corresponding to such topics as sense of life, death, soul; 3) becomes an element of the space developing the chronotop of the poem, making it bright and emotional.

Conclusion. The motif of flight expressed with various verbs and nouns plays an important role in the poetry by Raevsky. It is associated with love, nature, freedom, homeland, family members, memory and nostalgia, as well as with philosophical topics such as death and sense of life. Various images, from animals (birds, horses, etc.) and natural objects (leaves, clouds) to supernatural creatures (a flying horse, a witch) reveal this motif.

Keywords

philological text analysis, regional literature, A. D. Raevsky, motif of flight

For citation

Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Motif of Flight in the Poems by A. D. Raevsky. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 115–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125

Введение

Анализ мотивов художественных текстов связан с исследованием эстетического единства содержания и формы и, согласно характеристике М. Л. Гаспарова, соотносится с верхним (идейно-образным) уровнем анализа [Гаспаров, 2001, с. 17], позволяя выявить содержательные доминанты произведения – «тот проблемно-смысловой стержень, которые обеспечивает системно-целостное единство содержания» [Есин, 1998, с. 174].

В понимании мотива мы исходим из определения А. Н. Веселовского: «Надо <...> отличить мотив от сюжета как комплекса мотивов. Под мотивом я разумею формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный механизм <...> Простейший род мотива может быть выражен формулой а + b: злая старуха не любит красавицу – и задает ей опасную для жизни задачу» [Веселовский, 1989, с. 300]. Также уместно упомянуть дефиницию А. Л. Бема: мотив – это «предельная ступень художественного отвлечения от конкретного содержания произведения, закрепленная в простейшей словесной формуле» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, стб. 594]. Такое явление, как полет, безусловно, относится к мотивам художественного произведения. Формула «нечто или некто летит / летает / взлетает» постоянна и может включать разные элементы, которые выполняют разные функции в развитии сюжета. Полет сопровождается различными коннотациями – от скорбных до восторженно-счастливых, – быть реальным или мистическим (сказочным), быть полетом вниз или вверх, и т. д. Анализ мотива полета как отдельного структурного элемента сюжета является значимой частью целостного филологического анализа того или иного текста.

Актуальность предпринятого анализа мотива полета определяется также выбором в качестве материала исследования региональной литературы: стихотворений новокузнецкого поэта Александра Дмитриевича Раевского (род. 11 августа 1951 г., Каргатский р-н Новосибирской обл.). А. Д. Раевский – член Союза писателей России с 1995 г., лауреат премии журнала «Наш современник» (2003), автор сборников «Полуденный костёр» (1984), «Пьяные цветы» (1994), «Сугробчик» (1999), «Забураненный рай» (2005), «Стеклянная лестница в небо» (2011), «Ласковая высь» (2016), «Судьба России» (2018), «Золотой жук» (2021) (см.: [Современная литература Кузбасса, 2022, с. 343; Сазыкин, 2021, с. 172–173]). Его творчество представлено не только в литературном альманахе «Кузнецкая крепость» и в региональных справочных изданиях (см.: [Сазыкин, 2021, с. 173–174]), но и в хрестоматии «Писатели Кузбасса» [2007, с. 380–392], допущенной департаментом образования и науки Кемеровской области в качестве книги для чтения в 5–11 классах общеобразовательных учреждений региона, в собрании поэзии и прозы кузбасских авторов «Классика земли Кузнецкой» [Современная лите-

ратур Кузбасса, 2022, с. 306–343]. Литературоведческая характеристика сборников «Стеклянная лестница в небо», «Ласковая высь» и «Судьба России» представлена в книге А. С. Сазыкина о творчестве кузбасских писателей [Сазыкин, 2021, с. 61–82].

Чтобы целостно рассмотреть мотив полета в лирике Раевского, его тексты целесообразно классифицировать по разным основаниям. Во-первых, с мотивом полета ассоциируется вопрос о летающем объекте. Во-вторых, мотив полета занимает важное место в поэзии Раевского и соотносится с широким кругом тем. В зависимости от летающего объекта / объектов и лирического сюжета, в который они вовлекаются, мотив полета реализуется по-разному, выполняет разные функции, соотносится с разными темами и мотивами. Классификация, к которой мы обратимся при анализе стихотворений с мотивом полета, – тематическая.

Результаты исследования

Летающим объектом в лирике Раевского являются: 1) птицы, насекомые и другие существа, действительно летающие в природе (чайки в одноименном стихотворении, бабочки в «Красном вечере» и «Белокуром мальчике», шмель в «Белокуром мальчике», «птихи» в «На родине», ласточки в «На краю»); 2) неодушевленные природные объекты (облака в «Бабушкиных словах», «На краю», «Глядя в небо», листья в «Подружке» и «Сухо. Тучи еще не вползли серой бандой...»); 3) существа и предметы, быстрое движение которых уподобляется полету (кони в одноименном стихотворении, тройка лошадей в «Открытке», рука матери в «Молодая мама своему сыночку...»); 4) сказочные и мифологические существа и сущности (крылатый конь в «В светлом доме своем...»), ангел в «Ангел летал над морем...», ангелы в «Белокуром мальчике», дерево вечности в одноименном стихотворении, ведьма на метле в «В отпуске»); 5) абстрактные сущности (время в «Мы на лавочку присядем, где забор...»), тишина в «После молебна»); 6) психологические и метафизические объекты (душа в «Наевшись жизни оголтелой...»), мысли и сердце в «Подружке», душа, мысли и сердце в «Глядя в небо»); 7) сам герой и другие люди (герой в «Бабушкиных словах», «Пройдя сомненья, прегрешенья...», «Глядя в небо», героиня в «Зодиакальной несовместимости», герой и героиня в «В светлом доме своем...»).

Представим тематическую классификацию стихотворений с выявленным мотивом полета: 1) стихотворения, в которых сюжет полета является центральным («В светлом доме своем...», «Глядя в небо»); 2) стихотворения, связанные с темой детства и образом родины, ностальгии, воспоминаний («Белокурый мальчик», «На родине», «Бабушкины слова», «На краю», «Молодая мама своему сыночку...», «Мы на лавочку присядем, где забор...», «В отпуске», «Открытка»); 3) пейзажные стихотворения, сюжет которых строится вокруг природных образов («Чайки», «Красный вечер», «Кони», «Сухо. Тучи еще не вползли серой бандой...», «Подружка»); 4) любовная лирика («В светлом доме своем...», «Зодиакальная несовместимость»); 5) философские стихотворения с метафизической, экзистенциальной проблематикой («Ангел летал над морем...», «Наевшись жизни оголтелой...», «Дерево вечности», «После молебна», «Пройдя сомненья, прегрешенья...», «Глядя в небо»).

Обозначенные темы существуют во взаимосвязи, при этом мотив полета выполняет ряд функций:

1) передает психологическое состояние лирического героя – например, просветление, радость, стремление к духовной высоте («Глядя в небо», «Бабушкины слова»), влюбленность («В светлом доме своем...»), страсть («Зодиакальная несовместимость»), усталость («Сухо. Тучи еще не вползли серой бандой...»), горе («На краю»), созерцательный покой («Красный вечер»);

2) становится элементом философской тематики стихотворения, соотносясь с темами смысла жизни, смерти, души («Ангел летал над морем...», «Наевшись жизни оголтелой...», «После молебна», «Глядя в небо», «Дерево вечности»);

3) является элементом пространства, позволяющим ярче и эмоциональнее развить локально-темпоральную семантику стихотворения («В отпуске», «Подружка», «На родине», «Кони», «Открытка»).

Взаимодействие тем и приемов реализации различных функций мотива полета обнаруживается в результате анализа нескольких стихотворений.

В стихотворении «**В светлом доме своем, в день зеленый и ясный...**» образ ветра и мотив полета связаны с темой любви, полета к мечте. В тонах русского фольклора лирический герой рисует романтическую картину своей любви-мечты: возлюбленная для него – Василиса Прекрасная, сам он – сказочный царевич, который собирается прискакать за ней «*на небесном коне*» [Раевский, 2021, с. 59]¹. Конь описывается как летающий, что указывает на связь этого образа с образом Пегаса, а значит – на связь мотива полета с темой творчества, вдохновения. Единство неба и сказочно-романтического мира просматривается начиная с первого стиха: дом героини – «*светлый*», день – «*ясный*», конь – «*небесный*».

Во второй строфе более детально описывается сам полет – мечта о единстве и взаимности: «На ходу подхвачу и умчу, **словно ветер**, / Осторожно тебя прижимая к себе; // Будет грива ласкать твои джинсы и свитер, / **Улетим**, растворимся в единой судьбе!..» (здесь и далее выделено нами. – И. П., Ю. П.). Опьяненный любовью лирический герой сравнивает с ветром самого себя: ветер отождествляется со свободой и сильным чувством. Он мечтает забрать героиню из замкнутого пространства – дома – в пространство разомкнутое, одухотворенное: в небо, в полет. На то, что описано именно стремление к взаимности, а не насильственному похищению, указывают мотивы нежности и заботы, выраженные эпитетом «*осторожно*». Полет для героя – возможность «*раствориться в единой судьбе*», утопическая мечта о духовном слиянии с возлюбленной.

Вместе с тем в этой строфе уже заметна самоирония: грива сказочного коня «*ласкает*» не романтическое платье или сарафан героини, а ее джинсы и свитер. С этой бытовой деталью в стихотворение входит противопоставление романтической сказочной мечты и приземленной бытовой реальности: возлюбленная отвергает героя, посчитав, что они не ровня друг другу (видимо, по материальным основаниям). Печаль и боль от этого отвержения выражаются в лексике с уже совсем другими коннотациями – едкой, разговорно-сниженной: «*не учел, что звезда*», «*запросы покруче*», «*нереально к тебе подкатить*». В соответствии с победой приземленного быта над мечтой о полете, летающий конь превращается в автомобиль: «*Денег нет у меня на “Роллс-Ройс” или “Бентли”, / Да и просто коня в наши дни не сыскать*». Лирический герой шутливо соотносит сказочного коня с дорогими машинами, используя языковую игру: «*нереально к тебе подкатить, подскакать*» – разговорно-грубоватый глагол «подкатить» соседствует с глаголом, указывающим на погибшую мечту о сказочном коне и полете, происходит буквализация метафоры («подкатить» – не только «ухаживать, напористо добиваться взаимности», но и «приблизиться, подойти», «подскакать» на коне с надеждой на эту взаимность). В подтексте просматривается также ироничная деметафоризация устойчивого оборота «принц на белом коне».

Упрек в адрес героини, которая предпочла материальные ценности любви и сказочной мечте, не выражен явно, но просматривается в первой строке последней строфы, где вновь возникает не приземленно-бытовая, а романтическая образность: «*Я стою в стороне, отрешенный и бледный*». Бледность, одиночество – устойчивые образы в романтической поэзии, знаки высокого трагического чувства, которые автор вписывает в бытовой мир, пропитанный самоиронией. Можно заключить, что в данном тексте ветер и полет связаны с мечтой о взаимной любви и свободе, с романтическим двоемирием; при этом романтическое, сказочное (высокое) проигрывает бытовому (низкому). Несостоявшийся полет отождествляется с несостоявшейся любовью.

¹ Далее произведения А. Д. Раевского цитируются по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

Как и в «В светлом доме своем...», центральным мотив полета является в стихотворении «**Глядя в небо**». Уже из заглавия понятна его пространственная организация: устремленность снизу вверх, в небеса. Стихотворение посвящено философской, метафизической проблеме, и полет является в нем способом уйти от «низа» (материальной реальности) «ввысь» (в небо). Как и другие подобные тексты Раевского («Ангел летал над морем...», «Пройдя сомненья, прегрешенья...» и др.), стихотворение строится на рядах контрастных образов, формирующих картину романтического двоемирия: «*грешная земля*», «*житейская сухая зола*», «*проклятая цивилизация*» – «*чистые выси*», «*поднебесье*», «*свободных мыслей парение*» (с. 97). Лирический герой мыслями и чувствами устремляется от первого мира во второй, ввысь, в метафизический, ментальный полет; летающим объектом, таким образом, становится он сам, вся его личность. Далее мы пронаблюдаем подобное только в сюжете детских снов героя о полете в «Бабушкиных словах»; впрочем, здесь речь идет уже не о полете в детских мечтах, а о зрелом полете-познании, духовном восхождении, что скорее близко стихотворению «Пройдя сомненья, прегрешенья...», где герой сам о себе говорит: «*Могу парить над суетой*», – но, однако, мотив полета не прописан так детально. Герой обращается к образу самого себя в детстве, будто заново вспоминая о своей устремленности к полету: «*Вижу: замер под небом пацан – // Это ж я в дальнем детстве, Господи!*»; «*И опять, как тогда, хочу // **В поднебесье летать, кувыркаться!***» Нейтральный глагол «летать» дополняется шутливо-радостным, по-детски игривым «кувыркаться»; ср.: в «Бабушкиных словах» небо и полет также связаны с детским светлым и наивным мировосприятием, с радостью, свободой, игрой. Как и в стихотворении «Подружка», к которому мы обратимся ниже, выстраивается параллелизм природных и психологических летающих объектов: сам лирический герой («*Оторваться от грешной земли...*»), его душа («*В чистых высях душа купается*»), мысли («*Свободных мыслей парение*»), время («*Облака – века, века – облака...*») – облака, заключенные в метафорическом образе «*подвижного жемчужного города*». Небесный облачный город противопоставлен суетному земному пространству – «*проклятой цивилизации*», от которой устала душа персонажа (отметим, что цивилизация, город редко воплощают нечто положительное в стихах Раевского – всё светлое для него обычно связано с природой и деревней). Как и в стихотворении «На краю», облака символизируют ход времени, вечность, историю (отсюда зеркальный повтор «*облака – века, века – облака*»); с ними связан полет «*свободных мыслей*» (семантика свободы еще ярче закрепляется в отглагольном существительном «*парение*» – свободный, расслабленный полет без усилий, как у птиц) и «*людей неземная тоска*». В этом образе лирический герой будто объединяет свои мечты о полете и свободе, свой полет ввысь – с мечтами и стремлениями людей вообще. «*Неземная тоска*» по высшему является экзистенциальной категорией, объединяющей разные грани мотива полета у Раевского.

Синтез двух крылатых образов – бабочки и ангела – наблюдается в стихотворении «**Белокурый мальчик**», которое открывает ряд текстов, связанных с темой детства, образом родины и настроением ностальгии. Мальчик, играющий в траве, является символом детства – чистоты, невинности, родства с природой, бесхитростной радости жизни; «*ангелы легко, как бабочки, вились*» (с. 15) над его головой, поскольку детство – самое чистое, наиболее приближенное к небу (т. е., в религиозной картине мира Раевского, к богу) состояние. Как и душа, воспарившая ввысь в «Наевшись жизни оголтелой...», как и люди, задумчиво замершие на закате в «Красном вечере», мальчик получает благословение свыше, и это благословение связано с состоянием легкости (эпитет «*легко*»), мотивом полета и образом крыльев. Семантическое звено «крылья» объединяет бабочку и ангела – часть природы и духовную, метафизическую сущность, живую красоту и чистоту; они сосуществуют в образе ребенка. Светлый, умиленный тон стихотворения поддерживается обилием эмоционально окрашенных деталей – «*добрый*» шмель (еще один связанный с полетом природный образ), кашка, ветер, запах молока, – и уменьшительно-ласкательными формами: «*коротенькая*» рубашка, «*ручон-*

ки», «молочко», «маковка». Детство становится центральной темой, с которой соотносится мотив полета души.

В стихотворении «**На родине**» в соприкосновение с мотивом полета вступает еще одна важная тема, заявленная в заглавии. Как и любовь, красота, душа, детство, родина является высшей ценностью, связанной с активной духовной жизнью, сильными чувствами, – поэтому ей тоже сопутствует полет, воплощенный (как в стихотворении «Чайки») в образе птиц: «*проносятся птахи*» (с. 135). Разговорно-ласковая номинация «птахи» дополняет ностальгический образ родной земли; динамичный глагол «*проносятся*» напоминает о быстротечности времени – ведь лирический герой погружен в воспоминания. Мотив полета соседствует с идиллически светлым пейзажем и образом детства (подобную особенность реализации мотива мы наблюдаем в стихотворении «Белокурый мальчик»), правда, теперь уже не абстрактного детства, а личного прошлого лирического героя. Пространство родины – очевидно, малой родины, родного села или деревни, – изображено с помощью ярких, метафорических природных образов, воплощающих родство человека и природы, его восхищение ею: «*раскудлатилась верба*» (отметим яркий окказионализм и олицетворение: верба романтически уподобляется растрепанной девушке), «*безбрежие хлебное*» (метафора поля), «*август <...> шумит в голове*», «*сердце в зеленом*». Неприметные «птахи», как и гогочущие гуси (связанные, однако, скорее с сельским бытом, чем с полетом), слегка теряются среди этого природного изобилия.

В центре оказывается образ ребенка, чье чуткое восприятие улавливает детали лета на родине, чтобы навсегда запечатлеть их в памяти: «*И снова мальчонка в цветастой рубаше // Бежит к недалекой воде*» (рубашка, уменьшительно-ласкательная форма слова («мальчонка»)) – эти детали роднят текст с «Белокурым мальчиком»: и там, и там наблюдается идеалистическое, возвышенное восприятие детства). Воскрешая светлый образ малой родины и себя-мальчика в памяти, лирический герой рисует безмятежную, лишённую тревог о будущем картину (сердце «*вовсе не хочет гадать и болеть наперед*»); метафора «рисовать картину» эксплицируется в двух последних строках: «*Коль эта картина дороже и ближе // Любых репродукций с нее*». Родина дороже любого другого места, память о ней – подлинная картина, а всё другое – лишь копия, репродукция, подделка. Мотив полета, соответственно, оказывается связан с истиной, настоящей сутью вещей – как в «Красном вечере», «Ангел летал над морем...» и ряде других текстов.

В крупном стихотворении «**Бабушкины слова**» мотив полета вновь связан с несколькими ключевыми для творчества Раевского темами: детство, память (герой вспоминает себя-ребенка, как и в «На родине», отчасти в «Белокуром мальчике»), но на этот раз акцент ставится на теме семьи, а именно на образе ныне покойной бабушки; образ, напрямую соотносённый с полетом – детские сны героя, где он летает; вера в бога (рассказы бабушки о боге как о добром старце в облаках, к которому можно взлететь или подняться, соотносятся с поисками бога и смысла жизни, которым предается взрослый лирический герой); время, старость, смерть («*Я в немилой живу стороне, // Срок пожизненный будто мотаю <...> Поседела давно голова*» (с. 10–11), – устало размышляет лирический герой); душа и жизнь души. Именно с активной душевной жизнью и светлым детским восприятием связаны сны о полетах на небо, мечты о приближении к «*боженьке*» по «*стеклянной лестнице в небо*». Давно ушедшая бабушка («*в холодной земле <...> Ты почил в платке и с иконкой*») будто унесла с собой вечные нравственные ценности, схожие с теми, что воплощены в образе скряжалей в «Дереве вечности».

Лестница в небо, по рассказам бабушки, находилась «*за березкой*»; отметим, что береза – важный образ в поэзии Раевского (как и, например, Есенина, на художественный мир которого он явно во многом ориентируется), символ родной земли; далее мы встретим образ березы в «Красном вечере», он является центральным в «Подружке». Мальчик раз за разом приходит к заветной березе, но не находит там никакой лестницы – «*И всё же // Не стихала надежда в груди – // Взмыть к тебе, о неведомый Боже!*» Динамичный и одновременно

возвышенный глагол «*взмыть*» впервые вводит в текст мотив полета – возвышения, стремления к Богу, по-детски чистого порыва к красоте и истине, а также к познанию, с которым связан эпитет «*неведомый*». Тем не менее маленький лирический герой не жаждет нарушить тайну о Боге; его цель – не познание истины или собственного будущего, не мольба о счастье («*Только взрослые верят в такое*», – подчеркивает он; прагматичное взрослое мировосприятие противопоставлено детскому – наивному, открытому, бесхитростно-созерцательному; такой же контраст мы уже наблюдали в «На родине»: «*Сердце <...> не хочет // Гадать и болеть наперед*»), а просто увидеть Бога, познакомиться с ним: ребенка ведет созерцательное любопытство. «*Просто облако выбрать себе, // Лечь на пузо и плыть над землею*», – так он представляет этот полет. Разговорно-шутливое слово «*пузо*», которое легко представить в детской речи, подчеркивает идиллическую, наивную картину мира ребенка, в котором Бог – не абстрактная метафизическая сущность, а добрый старец на небесах. Образ облака способствует эффекту осязаемости, эмпирической конкретике: герой летит не сам по себе, а лежа на облаке – частичке неба. Глагол «*взмыть*» (движение снизу вверх) сменяется глаголом «*плыть*» – рисуется картина плавного, медлительного полета, герой будто купается в небе, как в морских волнах, а облако служит ему «*лодкой*» (в стихотворении «Чайки», рассмотренном далее, мотив полета тоже включает синтез образов неба и моря). Глагольный ряд, изображающий полет, продолжает слово «*пролетать*»: «*Это ж чудо! – легко пролетать, // Голубой высоты не бояться...*» «*Пролетать*» включает семантический компонент «*мимо*»: в своем сне-фантазии герой пролетает мимо чего угодно – на небе и на земле, – обретая абсолютную свободу. Косвенно с полетом соотносится и глагол «*не бояться*»: герой отрывается от земли, но не боится «*голубой высоты*» – духовного, небесного мира; полет, таким образом, связан со свободой и бесстрашием.

Во второй части стихотворения интонация резко меняется: с идиллической, ностальгической – на элегическую, печальную. Взрослый лирический герой констатирует свою старость («*Поседела давно голова*»), грусть и тщету своей жизни («*прозябаю*», «*Срок пожизненный будто мотаю*»; в последнем сравнении содержится образ тюрьмы – земная неволя противопоставляется небесной свободе). С этим трагическим глагольным рядом закономерно связано и отсутствие полета, пребывание на земле, скованность души: «*Даже в мыслях давно не летаю*». Взросление осмысливается как утрата полета, падение с небес на землю. Тем не менее, герой хранит в памяти «*золотые слова*» бабушки – воплощение вечных нравственных ценностей, жизни души, красоты и свободы. Он обещает во что бы то ни стало найти «*лестницу в небо*» – «*хотя б перед самой могилой*»; полет, связанный с любовью и памятью, способен победить саму смерть. Образ стеклянной лестницы, над которой «*облака ходят плавно и немо*», завершает развитие мотива полета в стихотворении, вновь возвращая сюжет к плавному движению по небу и образу облака – к детским снам героя.

Таким образом, стихотворение о памяти и ходе времени рисует своеобразную «траекторию» полета – «*вверх – вниз – вверх*», выраженную глагольными формами: «*взмыть*» – «*плыть*» – «*пролетать*» – «*не летаю*» – «*облака ходят*». От детского мечтательного порыва ввысь, полетов во сне, веры в бога и красоту герой приходит к взрослению, познанию печальной стороны жизни, нахождению «на земле» – и вновь к обретению вечного, высокого, к подъему по уже иной лестнице в небеса.

К ряду стихотворений Раевского, объединенных темами деревни, родины, памяти о детстве («Белокурый мальчик», «На родине», «Бабушкины слова», «Открытка»), относится также трагическое стихотворение «*На краю*» с посвящением «*Памяти уснувших деревень*». Автор рассматривает социальную национальную проблему – вымирание деревень, связанное с урбанизацией и историческими потрясениями: двумя мировыми войнами, индустриализацией, перестройкой, оскудением аграрного комплекса страны; делает он это в личном, лирико-психологическом ключе, рисуя мрачную картину смерти родных мест. Как и в «Бабушкиных словах», счастье, красота, добро для героя остались в утраченном прошлом. Стихотворение

наполняют слова с семантикой смерти, похорон: *«тоска», «добивали», «убивали», «отходная», «забвение»* (с. 16); даже тополя метафорически сравниваются с обелисками.

В атмосферу безысходности, тем не менее, вписан мотив полета. Сначала он входит в текст с образом облаков, вновь напоминающим о «Бабушкиных словах»: *«А по небу плывут надменно // Равнодушные облака»*. Полет воплощен в глаголе *«плывут»*, но теперь это не безмятежно-спокойное купание в небе, как в море (подобное наблюдаем в «Бабушкиных словах», «Чайках»), а холодное равнодушие смерти или вечности, образ природы, отчужденной от человека и даже жестокой к нему: облака плывут *«надменно»*, небесный мир будто свысока и с осуждением смотрит на то, чему люди подвергли русскую деревню. Во второй раз мотив полета фигурирует в конце текста: *«Над бугром, где была изба, // Иногда пронесутся ласточки, // Бритвокрылые, как судьба...»* Пустой бугор на месте избы напоминает могилу – бывшая жизнь похоронена. Образ летящих птиц или насекомых в поэзии Раевского обычно связан с жизнью, возрождением, духовностью («Чайки», «На родине», «Белокурый мальчик», «Красный вечер» и др.); ласточки – птицы весны – тоже традиционно являются символом возрождения, юности и счастья. Однако в «На краю» семантика этого образа трагична: ласточки летят над местом «захоронения» избы и наделены ярким окказиональным эпитетом *«бритвокрылые, как судьба»* – острота их крыльев соотносится с бритвой, лезвием, чем-то режущим и опасным, и эта опасность, как и весь образный ряд текста, связана с неотвратимостью рока, смертью.

Можно заключить, что в «На краю» мы впервые наблюдаем исключительно «темную» сторону мотива полета; он впервые связан не с красотой, жизнью души и новой надеждой, а со смертью, безысходностью, болью и гневом лирического героя. С семантикой смерти полет связан и в произведениях *«Ангел летал над морем...»*, *«Наевшись жизни оголтелой...»*, но в них смерть рассматривается в христианском ключе – как переход души в лучший, вечный мир, вознесение. В данном же случае полет *«равнодушных»* облаков и *«бритвокрылых»* ласточек подан скорбно, пессимистически: они будто уносят души разрушенных деревень в мир иной.

В стихотворении *«Молодая мама своему сыночку...»*, вновь связанном с темой детства и воспоминаниями взрослого лирического героя, представлена, пожалуй, самая необычная форма мотива полета – летающим объектом является рука матери, вышивающей сорочку сыну: *«Над шитьем витала легкая рука...»* (с. 41). Как и в рассмотренных выше текстах, мотив полета соотносится с детскими воспоминаниями, легкостью, красотой, идиллическим утраченным прошлым, верой в бога (за рукоделием матери *«С трех икон святые молча наблюдали»*). Глядя на идиллическую счастливую картину, взрослый лирический герой горько констатирует: *«Дорогая мама, как ты угадала, // В стороне далекой, после, без тебя, // Вышила сыночку (ниток было мало) // В крестик черно-белая судьба»*. Детская безмятежность обернулась разлукой с малой родиной (*«в стороне далекой»*), утратой близких (*«после, без тебя»*), несчастливой жизнью, полной горя и противоречий (как и в «Бабушкиных словах», где идиллическая атмосфера детского прошлого сменяется мрачным настоящим): эпитет *«черно-белая»*, характеризующий судьбу, отражает присущее лирическому герою Раевского пессимистически-романтическое восприятие жизни. Мотив полета, тем не менее, сохраняет только положительные коннотации. Отметим также, что уже во второй раз он соотносится с образом родной женщины – ныне покойной, но любимой лирическим героем: в «Бабушкиных словах» отражена мечта о полете к Богу, почерпнутая ребенком из рассказов бабушки, здесь – поэтичный образ материнской руки, легко витающей над вышиванием.

Необычно подан мотив полета в стихотворении *«В отпуске»*. Летающим объектом в нем является сверхъестественное существо – ведьма (впрочем, не названная прямо): *«Кто там пронесся на метле?...»* (с. 136–137). Сверхъестественные существа – ангел, крылатый конь – летают и в других стихотворениях Раевского, однако «В отпуске» отличается скорее не сказочным или метафизически-философским, а мистическим колоритом. Описание сельской ночи, манящей и таинственной, перетекает в воспоминания лирического героя – зрелого, же-

натого человека – о беззаботной юности, когда он был очарован всем миром и свободен от обязательств. Соотнесение прошлого и настоящего, ностальгия – постоянные темы в поэзии Раевского («На родине», «Бабушкины слова», «Мы на лавочку присядем, где забор...»), но здесь они разворачиваются особенно детально: первые свидания проносятся перед героем «чредой загадочной, незримой», овеянные таинственным флером сельской ночи. «Мир теплый и зеленый», «месячко», звездное «неба решето», встречи юных любовников, «молодости села», в тишине леса – всё созвучно фольклорным образам, и не случайно в стихотворении вписывается аллюзия на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: *«Белеют избы, дремлют баньки, // И светел пруд... Как близ Диканьки! // (Кто там пронесся на метле?...)»* Пожалуй, нигде так ярко, как в повестях Гоголя, не описаны «таинства» сельской ночи, изнанка бытового мира, скрывающая непознанное – страсти, волшебство, нечистую силу. Соприкосновение с непознанным, «ночным» миром эмоций у Раевского воплощено в гоголевском образе ведьмы на метле (подобное наблюдается в стихотворении «Зодиакальная несовместимость», в котором образ ведьмы фактически сливается с образом возлюбленной). Полет оказывается, как и в ранее приведенных стихотворениях, связанным с любовью, с иррациональной стихией жизни, хотя, в отличие от «Зодиакальной несовместимости» и «В светлом доме своем...», это былая, давно прошедшая любовь (в настоящем – «земля», прочный брак, не похожий на «пору свиданий»). Мотивом полета актуализирована семантика памяти о прошлом, молодости и красоты, одна из коннотаций полета – нечто непознанное, мистическое. Также отметим, что, используя мотив полета, Раевский неоднократно обращается к русской классике: в отличие от «Ангел летал над морем...», где можно лишь предположить имплицитное обращение к Лермонтову, в «В отпуске» открыто использован гоголевский топоним.

В стихотворении «Открытка» мотив полета сопряжен с образом коня или лошади – точнее, русской тройки. В поэзии Раевского кони «летят» – буквально или метафорически – неоднократно: сказочный крылатый конь в «В светлом доме своем...», улетевший в небо табун коней в одноименном стихотворении. В данном случае, однако, образ лошадей соотносится не с любовным сюжетом и не с красотой и гармонией природы, а с образом России, с ностальгией по родине. Лирический герой посылает на Рождество героине (судя по посвящению, его адресатом является именно женщина) открытку, напоминающую о родной стране; можно заключить, что героиня живет за границей, и открытка становится для нее символом родной страны. Этот символ должен иметь не электронную, а физическую форму, служить сентиментальным напоминанием, воплощением связи с родной землей, и герой постоянно это подчеркивает: «не Интернетом прытким, // А на почте марку прилеплю, // В Рождество пришлю тебе открытку»; «Может, не отправишь сразу в спам, // А, как раньше, к зеркалу приставишь» (с. 31). Мотив полета выражен в единственной фразе: «Удаль белогрудая летит – // В алых сбруях, в звонах под дугою».

Три белых коня, фоном которым служит «хрусткая сибирская зима», – более чем очевидный символ России, закрепленный в фольклоре, известной одноименной песне и – самое значимое – в «Мертвых душах» Гоголя (знаменитый лирический монолог повествователя о Руси-тройке, несущейся невеста куда – метатекст, посвященный анализу русской души). Обращаясь к фольклорной метафоре «удаль белогрудая», к литературной традиции (гоголевские мотивы в связи с мотивом полета мы уже наблюдали в стихотворении «В отпуске»), Раевский развивает образ России, Руси-тройки, летящей вперед, в неведомое будущее, вопреки всем историческим потрясениям. Образ «красно-сине-белая Россия» еще раз актуализирует тройственность: три коня в русской тройке, три цвета в русском флаге, три как священное, символическое для русской культуры число. Как и в «На родине», «Бабушкиных словах», «На краю», мотив полета соотносится с образом родины, с памятью о ней и тоской по ней; как и в любовных или философских стихах Раевского – со стихией жизни, иррациональной и неуправляемой.

Заключение

Мотив полета в творчестве А. Д. Раевского связан с философско-метафизическими, сентиментально-ностальгическими, природными, любовными темами и сюжетами и выполняет ряд функций:

1) передает психологическое состояние лирического героя – например, просветление, радость, стремление к духовной высоте, влюбленность, страсть, усталость, горе, созерцательный покой;

2) становится элементом философской тематики стихотворения, соотносясь с темами смысла жизни, смерти, души;

3) является элементом пространства, позволяющим ярче и эмоциональнее развить локально-темпоральную семантику стихотворения.

Филологический анализ мотива полета как одной из содержательных доминант стихотворений А. Д. Раевского разных лет позволяет раскрыть важный аспект идиостиля поэта.

Список литературы

- Веселовский А. Н.** Поэтика сюжетов // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.
- Гаспаров М. Л.** О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. 480 с.
- Есин А. Б.** Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1998. 248 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
- Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия / Отв. ред. А. В. Правда. Кемерово: ИПП «Кузбасс», «СКИФ», 2007. 496 с.
- Раевский А. Д.** Золотой жук. Стихи разных лет. Сборник стихотворений / Ред. Б. В. Бурмистров. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 160 с.
- Сазыкин А. С.** «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе / Науч. ред. И. А. Пушкарева, отв. ред. В. А. Галактионов. Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Ситалл, 2021. 226 с.
- Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: В 3 т. / Сост. Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. Т. 3. 594 с.

References

- Esin A. B.** Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie [Principles and Techniques for Analyzing a Literary Work: Tutorial]. Moscow, Flinta: Nauka, 1998, 248 p. (in Russ.)
- Gasparov M. L.** O russkoi poezii: analizi, interpretatsii, kharakteristiki [Russian Poetry: Analyses, Interpretations, Characteristics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001, 480 p. (in Russ.)
- Nikolyukin A. P.** (ed.). Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary Encyclopedia: Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, 1600 p. (in Russ.)
- Pravda A. V.** (ed.). Pisateli Kuzbassa. Khrestomatiya. Proza, poeziya [Writers of Kuzbass. Chrestomathy. Prose, poetry]. Kemerovo, IPP “Kuzbass”, “SKIF” Publ., 2007, 496 p. (in Russ.)
- Raevsky A. D.** Zolotoi zhuk. Stikhi raznykh let [The Golden Bug. Poems of Different Years]. Kemerovo, Vektor-Print, 2021, 160 p. (in Russ.)
- Sazykin A. S.** “A Zdes’, Vo Glubine Rossii...”: stat’i o regional’noi literature [“Here, Deep in Russia...”: Articles on Regional Literature]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State Uni. Press, 2021, 226 p. (in Russ.)

Sovremennaya literatura Kuzbassa [Modern Literature of Kuzbass]. In: Klassika zemli Kuznetskoi. [Classics of Kuznetsk]. In 3 vols. Kemerovo, Kuzbasskii tsentr iskusstv Publ., 2022, vol. 3, 594 p. (in Russ.)

Veselovsky A. N. Poetika syuzhetov [Poetics of Plots]. In: Istoricheskaya Poetika [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 405 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ирина Алексеевна Пушкарёва, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57196727270

WoS Researcher ID AAB-5081-2022

RSCI Author ID 417087

SPIN 6918-1060

Юлия Евгеньевна Пушкарёва, кандидат филологических наук

RSCI Author ID 936540

Information about the Authors

Irina A. Pushkareva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57196727270

WoS Researcher ID AAB-5081-2022

RSCI Author ID 417087

SPIN 6918-1060

Yulia E. Pushkareva, Candidate of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 936540

Вклад авторов:

И. А. Пушкарёва – сбор и анализ материала, систематизация результатов, разработка методики исследования, подготовка текста.

Ю. Е. Пушкарёва – анализ материала, систематизация результатов, подготовка текста.

Contribution of the Authors:

Irina A. Pushkareva collected and analyzed sources, systematized results, developed the methodology and approaches, prepared the text of the article.

Yulia E. Pushkareva analyzed sources, systematized results, prepared the text of the article.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023;

одобрена после рецензирования 06.10.2023; принята к публикации 09.10.2023

The article was submitted on 08.08.2023;

approved after reviewing on 06.10.2023; accepted for publication on 09.10.2023

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-126-137

Этико-эстетическая концепция Ф. М. Достоевского и проблема русской национальной идентичности в романе А. Понизовского «Обращение в слух»

Оксана Анатольевна Колмакова¹

Мария Николаевна Жорникова²

¹ Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

² Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ post-oxygen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181>

² jornikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1741-707X>

Аннотация

На материале романа А. Понизовского «Обращение в слух» актуализируется проблема перекличек современной литературы с творчеством Ф. М. Достоевского. Особое внимание уделено таким компонентам «кода Достоевского», как «круг идей Достоевского», «Достоевский как прием», «личность Достоевского». Проблемно-тематический комплекс романа связан с идеями Достоевского о русской жизни и русской идентичности. Обращаясь к традиции идеологического романа, Понизовский актуализирует важнейшую черту мировоззрения Достоевского – способность «отражать все противоречия русского духа» (Н. А. Бердяев).

Следование стилизованным стратегиям Достоевского, интертекст его произведений и рассуждения персонажей о личности писателя не только декларируют «присутствие» Достоевского в романе, но создают ситуацию философско-этического диалога современного автора с классиком XIX столетия.

Ключевые слова

современная русская проза, диалог с классикой, русская идентичность, интерпретация, интертекст, образ, мотив

Для цитирования

Колмакова О. А., Жорникова М. Н. Этико-эстетическая концепция Ф. М. Достоевского и проблема русской национальной идентичности в романе А. Понизовского «Обращение в слух» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 126–137. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-126-137

© Колмакова О. А., Жорникова М. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 126–137

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 126–137

F. M. Dostoevsky's Ethical and Aesthetical Conception and the Problem of Russian National Identity in A. Ponizovsky's novel *Turning into a Listening Ear*

Oksana A. Kolmakova¹, Maria N. Zhornikova²

¹ Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

² Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ post-oxygen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181>

² jornikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1741-707X>

Abstract

Purpose. The aim of the article is to investigate the influence of the F. M. Dostoevsky's creative heritage on the ideological and artistic originality of A. Ponizovsky's novel *Turning into a Listening Ear* (2013).

Results. Ponizovsky's interpretation of Dostoevsky related to the theme of the Russian world and Russian identity. Two plotlines, social (ordinary Russians' stories) and philosophical (controversy around them), create a conflict field typical for Dostoevsky's works: meaning of life and absurdity of existence, cruelty and compassion, Russian people and Russia. Dostoevsky's intertext is found at all levels of text organization. A deep philosophical understanding of the Russian life's problems is achieved due to a set of Dostoevsky's intertexts, which have acquired the status of metanarratives in Russian culture (Grushenka's legend about the saving onion, devil's anecdote about a quadrillion kilometers on the way to paradise, Svidrigailov's image of eternity as a bathhouse with spiders). Following Dostoevsky's stylistic strategies includes the usage of a polyphonic novel resources, and reproducing individual techniques of the writer's poetics (anachronism, coexistence of fiction and non-fiction, using of Holy Scripture's text). The very person of Dostoevsky becomes an object of controversy for Ponizovsky. Colliding two concepts of the classic's image – Freudian and Christian-oriented, the modern author creates a portrait of Dostoevsky's conflicting personality.

Conclusion. The perception of F. M. Dostoevsky's work by A. Ponizovsky is not only reminiscent, but also “genetic” by its nature due to the worldview commonality of these Russian writers.

Keywords

Modern Russian prose, dialogue with classical text, Russian identity, interpretation, intertext, image, motive

For citation

Kolmakova O. A., Zhornikova M. N. F. M. Dostoevsky's Ethical and Aesthetical Conception and the Problem of Russian National Identity in A. Ponizovsky's novel *Turning into a Listening Ear*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 126–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-126-137

Введение

Художественная интерпретация творческого наследия Ф. М. Достоевского является актуальной проблемой современного литературоведения, что подтверждается исследованиями Ю. Ф. Карякина [1989], Л. И. Сараскиной [2010], Р. С. Семькиной [2008], М. А. Черняк [2009] и др. «Мы живем в уникальное время, когда “работают” не один, а все романы Достоевского» [Сараскина, 2010, с. 12]. Совершенно очевидно, что хронотоп Достоевского – «катастрофический, обвальный, обрывной» (Ю. В. Карякин) – претворился в нашей современной реальности во всей полноте: «Творчество Достоевского сегодня подвергается многокурсной интерпретации <...> В произведениях современных авторов можно обнаружить и мифологизацию, и трансформацию образов, и игру, и ироническое перекодирование классических текстов» [Черняк, 2009, с. 57–58]. Современный русский писатель А. В. Понизовский создает роман-диалог «Обращение в слух» (2013), адресатом которого выступает Ф. М. Достоевский – как художник и как личность.

Отечественные литературоведы обращались к изучению романа Понизовского, однако диалог автора с Достоевским ими специально не рассматривался. Так, Л. Хорева упоминает о романе «Обращение в слух» в связи с проблемой изучения нарративных стратегий в новейшей русской литературе, одной из которых является примененная Понизовским повест-

вовательная форма «подслушанные разговоры» [Хорева, 2019, с. 94]. С. М. Шакиров исследует в романе Понизовского авторские «размышления об изначальной трагичности русской судьбы» [Шакиров, 2015, с. 304], не ставя себе конкретной задачи анализа «текста Достоевского» в романе. По нашему мнению, проблема диалога Понизовского с Достоевским требует специального исследования, которое не только выявит аллюзивно-интертекстуальные связи текста современного автора с произведениями Ф. М. Достоевского, но позволит говорить о преемственности писателя XXI столетия по отношению к классикам на глубинном, мировоззренческом, уровне.

Методология исследования базируется на концепции диалогичности М. М. Бахтина [2002], принципах феноменологической герменевтики П. Рикёра [2008], а также на идее Ю. М. Лотмана [1999] о классическом тексте как хранителе «коллективной памяти».

Результаты исследования

Ю. М. Лотман писал: «Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти» [1999, с. 21]. Это утверждение в полной мере применимо к роману А. Понизовского, в котором не только представлен современный взгляд на наследие классика мировой литературы, но и отражена культурная память о нем.

Сюжетно-композиционное решение «Обращения в слух» опирается на традицию русского идеологического романа. С. Костырко отметил у Понизовского «подчеркнуто традиционную, “тургеневско-достоевскую” завязку» [Костырко, 2013]. В Швейцарии, в ожидании разрешения на авиарейс, вынужденно коротают несколько дней четверо русских: Фёдор, молодой ученый местного университета, чета интеллигентов средних лет Белявских и юная Лёля, приехавшая в Альпы на зимние каникулы. Компания проводит время в диспутах на темы «русский народ», «русская душа», «русская жизнь». Формальным поводом к такому времяпрепровождению послужила исследовательская деятельность Фёдора – научного сотрудника лаборатории швейцарского профессора Хааса, занимающегося проблемой «народной души». Как этническому русскому, Фёдору поручена работа над составлением концептуального портрета русской души. Материалом для исследования стали аудиозаписи «свободных нарративов» – устных историй «простых россиян» – представителей демократических слоев современного российского социума.

В горячих дебатах о России и русском народе герои опираются на творческий и личный опыт Ф. М. Достоевского. Достоевский «появляется» в романе уже в завязке. Сказанная Фёдору фраза Дмитрия Белявского «*А осмелюсь ли, милостивый государь, обратиться к вам с разговором приличным?..*» [Понизовский, 2014, с. 14]¹ не только сама по себе является прямой цитатой из «Преступления и наказания», но и произносится именно в «дешевом кабаке», что обыгрывает знакомство Мармеладова и Раскольникова, произошедшее, как известно, в распивочной. Как и многие современные писатели, А. Понизовский обращается к «Преступлению и наказанию», но делает это не только потому, что из всего корпуса русской классики сюжет романа является знакомым рядовому читателю. В апелляциях к роману Понизовский актуализирует высокую значимость этого текста в творчестве классика: «Преступление и наказание» становится «своеобразным эпицентром его <Достоевского> творчества, в нем заложены зерна всех тех идей, что будут подробнее разрабатываться в других его произведениях» [Касаткина, 2015, с. 187].

Взгляд из швейцарской деревушки с живописным видом на Альпы резче обозначает изначальность и вымороженность русской жизни, каковой она предстает в аудиозаписях, сделанных на Москворецком рынке и в Одинцовской горбольнице. Обе сюжетные линии («истории простых людей» и полемика вокруг этих историй) создают чисто «достоевское» конфликтное

¹ Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

поле романа, ставящего проблемы смерти и бессмертия, смысла жизни и абсурда существования, жестокости и сострадания, русского народа и России.

Интертекстуальный диалог с Достоевским, начавшийся в завязке, активно ведется автором на протяжении всего романа и пронизывает все уровни организации текста – и прежде всего образный. Фёдор, главный герой романа представляет собой, по словам А. Латыниной, «гибрид князя Мышкина с Алешей Карамазовым». Это «молодой человек, глубоко верующий во Христа и, по Достоевскому, в Россию и русский народ» [Латынина, 2013, с. 162]. Образ Фёдора последовательно выстроен в традициях «положительно прекрасного героя» Достоевского, эталоном которого является «идиот» Мышкин.

Примечательно, что «почетное звание» идиота Федя получает в самом начале романа. Белявский рассказывает притчу о загипнотизированном студенте, который признается в любви отвратительному алкоголику. Под студентом Белявский подразумевает Федю, отчаянно защищающего несчастный русский народ:

«<Федя:> И все же – хотя я в бреду, по-вашему, с *идиотским* лицом...

<Белявский:> Почему с идиотским?! С *прекрасным* лицом, с живыми глазами, прозрачными...» (с. 48).

Детали портрета Федя напоминают облик его «прототипа» князя Мышкина: «Фёдор, молодой человек с мягкой русой бородкой», «выразительными, задумчивыми серо-голубыми глазами».

Приведем для сравнения портрет Мышкина: «молодой человек, лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. Глаза его были большие, голубые» [Достоевский, 1972, т. 8, с. 6]¹. Фраза «А ты знаешь, что ты псих настоящий? – с уважением сказала Лёля» (с. 360) – также вызывает аллюзии с образом «идиота» Мышкина.

Федина манера говорить, когда он «чувствовал, что речь его льется, что мыслям тесно» (с. 200), апеллирует к стилю речи Мышкина и еще одного героя Достоевского – Ивана Шатова, также являющегося «авторским персонажем» и рупором многих идей писателя. У Достоевского речь Мышкина описана как «горячешная тирада, наплыв страстных и беспокойных слов и восторженных мыслей, как бы толкавшихся в какой-то суматохе и перескакивавших одна через другую» (т. 8, с. 452). Шатов тоже говорит «бог знает что, дико, чадно, вдохновенно» (т. 10, с. 453).

Описывая Фёдора, А. Понизовский обыгрывает типологические характеристики героев Ф. М. Достоевского, ставшие «культурными ярлыками»: «русский мальчик» и «бедные люди». Так, супруга профессора Жюли Хаас называет Федю «русским мальчиком» и «бедным мальчиком», имея в виду реальную травму, когда на профессорской вилле Федя, задумавшись, ударился головой о стеклянную дверь.

Характер Дмитрия Белявского, идейного оппонента Федя, мотивирован спецификой жанра идеологического романа, подразумевающего столкновение противоположных мировоззрений. Если Федя является носителем христиански ориентированного сознания, с присущими ему состраданием, милосердием, кротостью, то Белявский представляет собой циничного интеллектуала-прагматика, враждебно настроенного по отношению к России (ср. высказывания Белявского: «Русские – тупиковая ветвь», «Русские примитивны», «Русские инфантильны», «Русские – пугало для всего мира» и под.).

Своими чисто публицистическими выкладками о проблемах русской жизни Дмитрий Белявский дает пищу для развития онтологической проблематики в рассуждениях Федя. Один из ярчайших в романе пассажей Белявского о тяжелом русском пьянстве приводит Федю к мысли о том, что «если целый народ <...> по-черному пьет – может быть, именно этот народ сильнее других ощущает внутреннюю пустоту?» (с. 238). Эта догадка Федя коррелирует

¹ Далее произведения Ф. М. Достоевского цитируются по этому изданию с указанием номера тома и страницы в круглых скобках

с известным высказыванием Ф. М. Достоевского: «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает» (т. 22, с. 43). В поиске «прототипов» Белявского согласимся с мнением А. Латыниной: «Дмитрий Белявский в споре с Федей будет играть роль Ивана Карамазова с примесью циника Свидригайлова» [Латынина, 2013, с. 162].

С портретным описанием последнего можно обнаружить и внешнее сходство Белявского, который изображается как человек «среднего роста, плотный, <одетый> дорого и хорошо» (с. 13); о Свидригайлове у Достоевского сказано: «немолодой, плотный» (т. 6, с. 214), «одежда <...> щегольская» (т. 6, с. 357). Кроме того, писатели неоднократно изображают обоих героев смеющимися, используя при этом негативно маркированный глагол «хохотать»: «Свидригайлов вдруг расхохотался» (т. 6, с. 215); «Какая граница? – расхохотался Белявский» (с. 81). Оба героя сходны и в способности вызывать у окружающих неприязнь: «Что-то было ужасно неприятное в этом красивом <...> лице» (о Свидригайлове) (т. 6, с. 357); «Да ни к чему оно не “направлено”!» – с неприятным удивлением сказал Белявский» (с. 453). Наконец, оба героя выглядят моложе своих лет и «увлекаются» девушками, которые значительно младше их самих: Свидригайлов собирается жениться на «шестнадцатилетнем ангельчике», а Белявский флиртует с девятнадцатилетней Лёлей.

В Лёле, в свою очередь, ощутимы аллюзии на образ Сонечки Мармеладовой. Совпадает не только возраст обеих героинь, но и их внутренняя сущность. Как сказано у Достоевского, Соня – это «создание, еще сохранившее чистоту духа» (т. 6, с. 248). Об этой внутренней чистоте говорится и применительно к героине Понизовского: «время от времени Феде казалось, будто от нее <от Лёли> исходит некий – не физический, а какой-то общий, нравственный что ли, – запах чистоты» (с. 12).

Образ Лёли может быть рассмотрен в контексте важнейшей для Достоевского художественной задачи – «пробить сердце». Когда Лёля, всегда подчеркнуто сдержанная, разрыдалась над очередной записанной на магнитофон чужой исповедью, ее сердце наконец оказывается «пробитым». Федя «был изумлен тем, что Лёля, до сих пор казавшаяся ему совершенно *непробиваемой*, плакала: “Ну как же помочь? Им же надо как-то помочь <...> Я знала, что плохо всё... – всхлинула Лёля. – Но что настолько...”» (с. 352). В Записной тетради 1876–1877 гг. Достоевский размышляет: «Пробить сердце. – Вот глубокое рассуждение, ибо что такое “пробить сердце”? Привить нравственность, жажду нравственности...» (т. 24, с. 226).

Помимо рассмотренных аллюзий на образы Достоевского, в романе «Обращение в слух» обнаруживается ряд интертекстов из произведений классика. Интертекст может декларировать простое «присутствие» Достоевского в семантическом пространстве романа, как, например, в случае с оговоркой Белявского: «Она боится ездить на тракторе “Беларусь”: они *падушие*...» – «Кувыркушие», – поправляет Федя (с. 35). В других же случаях интертекст является формой диалога современного автора с писателем XIX столетия.

Так, интерпретируя неоднозначный образ агрессивного «работяги» дяди Кости, обещающего скорый «Судный день», Федя слышит в его рассказе «искреннее переживает за совершенно чужих, посторонних ему людей» и называет этот порыв «протянутой “луковичкой”» (с. 455). Возникает очевидная отсылка к роману «Братья Карамазовы» – к рассказанной Грушенькой легенде о луковке (т. 14, с. 319), обретшей в русской культуре статус метанарратива.

Далее в интерпретации образа дяди Кости появляется еще одна отсылка к «Братьям Карамазовым»: «Если его волевое движение было слабым – а допустим, оно было слабым, поскольку было внутренне противоречивым: заботясь об этих парнях из красных домов, он все же хотел и скандала, – значит, он будет плыть очень медленно, очень-очень-очень медленно, “квадриллион лет”» (с. 458). «Квадриллион лет», который предстоит пройти дяде Косте на пути к духовному совершенству, вызывает в памяти «анекдот» чёрта, рассказанный Ивану: «присудили, видишь, его, чтобы прошел во мраке квадриллион километров <...> то тогда ему отворят райские двери и всё простят...» (т. 15, с. 78).

Интересно, что негативная коннотация образа Анны Белявской создается в тексте в том числе и посредством интертекстуальных отсылок к Достоевскому. Лёля называет Анну «паучихой», и эта животная метафора апеллирует по крайней мере к двум романам Достоевского: «Бесам» и «Преступлению и наказанию». Так, для Лизы Тушиной «взаимная любовь» со Ставрогиным представляется в виде «огромного злого паука в человеческий рост», на которого они всю жизнь будут глядеть и его бояться (т. 10, с. 402). Также на память приходит образ вечности, воображаемой Свидригайловым: «комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки» (т. 6, с. 221).

Немаловажную роль в структуре романа Понизовского играет бахтинская концепция полифонии романов Достоевского. Несмотря на наличие образа Фёдора, транслирующего авторскую идеологию, в пользу полифонизма «Обращения в слух» говорит ряд фактов. Прежде всего обвинения Фединога антагониста Белявского в адрес русского народа нельзя назвать абсолютно беспочвенными. Кроме того, в финале романа любящий Россию Федя остается в Швейцарии, а «русофобы» Белявские летят в Москву. Не менее ярко полифонизм романа проявляет себя в эпизоде обсуждения истории стриптизера, усыновившего чужого ребенка. Фёдора «царапнуло замечание Анны о том, что рассказчик “принял чужую дочку”, и это не вязалось с Фединым рассуждением о “разрушении” или “смерти” души» (с. 137–138). Понизовский вновь вводит точку зрения, альтернативную позиции «авторского» персонажа.

С идеей полифонического романа связан, на наш взгляд, главный посыл «Обращения в слух»: услышать другого как равного себе. В рецензии на роман А. Понизовского К. Степанян, отмечая ориентацию современного автора на художественное сознание Ф. М. Достоевского, заметил: «умел Достоевский – *услышать* другую душу как свою» [Степанян, 2013, с. 212]. «Услышать другого» оказывается важным и для героев Достоевского. Например, в «Идиоте» Рогожин говорит Мышкину: «Я твоему *голосу* верю» (т. 8, с. 174). Умение «обратиться в слух» становится у Понизовского фактором, определяющим уровень духовного развития человека. Устами Фёдора автор формулирует идею об отмене «противоречия между так называемым “мной-субъектом” и “им-объектом”» (с. 201) – мысль, заданную в названии и актуализированную в категории идеального Слушателя, в которого «обращаются» герои в финале романа.

Понизовский апеллирует к стилистике Достоевского и посредством воспроизведения приемов классика, одним из которых является анахронизм. Анахронизм встречается в «Братьях Карамазовых» и «Бесах». Так, на судебном заседании по делу Мити Карамазова в 1866 г. герои вспоминают несколько громких преступлений (дела офицера Карла фон Ландсберга, актрисы Настасьи Каировой и торговца-лотошника Зайцева), которые в действительности были совершены позже, в 1870-е гг. Тот же прием наблюдаем и в романе «Бесы». Его действие происходит в 1869 г., но в романе упоминаются события 1870–1871 гг.: персонажи говорят о Герцене как о «покойном» (год его смерти – 1870), упоминают сторонников Парижской коммуны «петролей», выступавших с протестами в 1871 г.

У А. Понизовского анахронизм обнаруживается в характеристике Феди, которого повествователь называет то «студентом», то «научным сотрудником университета»: «Федя пригласил Анну и Дмитрия в Alphotel, стесняясь того, что он, студент, позволяет себе жить в курортной гостинице» (с. 19) – «Будучи студентом, затем аспирантом, а в последнее время и помощником профессора в Université de Fribourg, Федя уже седьмой год почти безвыездно жил в Швейцарии» (с. 11). Также анахронизм содержится в завязке романа. Известно, что действие романа происходит во время лыжного сезона – в новогодние каникулы, о чем говорит следующая фраза: «Погода наутро выдалась солнечная, не январская, теплая» (с. 19). Однако причиной, по которой встретились главные герои, стало извержение вулкана, в связи с чем были отменены авиарейсы. В действительности же исландский вулкан Эйяфьядлайёкюдль извергался позже, 20–21 марта 2010 г.

Современный писатель разрабатывает типичный для Достоевского двухуровневый сюжет. Социально-актуальный сюжет у Понизовского разворачивается в пространстве «свободных

нарративов», а религиозно-философский – в полемике Феди и Белявского. Сосуществование квазипублицистики и фикшна является прямой отсылкой к программным романам Достоевского, в которых социально-историческое содержание перемежается с философскими размышлениями героев и повествователя.

Широко известно высказывание Достоевского об эстетическом значении факта: «Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий, на первый взгляд, факт действительной жизни, – и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира» (т. 23, с. 144). Публицистика в представлении писателя была переполнена фактами шекспировского, дантовского и гомеровского масштаба. А. Понизовский воплотил этот художественный принцип своего великого предшественника, используя в качестве материала для «свободных нарративов» подлинные истории.

Подлинные и стилизованные автором истории «простых россиян» посвящены проблемам алкоголизма, криминализации социальной среды, вырождения русской нации. Недаром С. Костырко назвал «Обращение в слух» романом, «который читается как актуальная публицистика» [Костырко, 2013]. Размышляя о драматизме русской советской и постсоветской исторической судьбы, А. Понизовский ставит глобальный вопрос: «Быть или не быть России?». Оформленная «простыми словами» одной из героинь, эта мысль звучит так: «При Сталине пошла работать, двадцать лет отработала на авиацию и тридцать лет в космическом цеху – я имею пять тысяч пенсию! Ну да бог с ней – но вот у меня сейчас два мальчика: я помогаю внучке без отца растить двоих детей. Вот защитники родины – и кого они пойдут защищать? Мне вот непонятно: где моя родина?» (с. 146).

Стилизуя или обрабатывая устную речь, автор романа обращается к сказовой традиции. Двухголосое сказовое слово позволяет соотнести голоса конкретных персонажей и авторскую точку зрения, в которой ошутим притчевый подтекст. Скрытый смысл «историй» Федор формулирует следующим образом: способом существования русского народа является терпение, и богоносцем русский народ становится по своей сути. Согласно христианскому канону, терпение является «краеугольным камнем дома христианских добродетелей» – «особенно добродетелей любви, смирения и кротости, воздержания, целомудрия и покаяния» [Шиманский, 2015, с. 108].

Отношение к христианству становится камнем преткновения в дискуссии главных героев. Основопологающую для христианского вероучения идею терпения Белявский низводит до психического отклонения: «Почему одна женщина рассказывает, как она хоронила мать? А другая – как плакала из-за сына? А третья – как голодала? Почему они не рассказывают о том, как им было приятно и хорошо?.. <...> Это ваш мазохизм христианский, – брезгливо сказал Дмитрий Всеволодович. – Пострадал – получи “отпущение грехов”» (с. 223).

Фёдор же демонстрирует каноническое для христианства понимание терпения: «Помнишь, мы говорили, почему люди гордятся перенесенной болью? Вот я нашел у апостола объяснение, прямо по полочкам, посмотри: “Хвалимся и скорбями”... – то есть буквально, “гордимся страданиями”, “гордимся перенесенной болью”, – “зная, что от скорбей происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает”... – то есть “не обманывает”, – “потому что любовь Божия излилась в сердца наши”!» (с. 486).

Используя ресурс полифонического романа и делая сознания Фёдора и Белявского практически равноправными, А. Понизовский оставляет за читателем выбор позиции в вопросе веры и напоминает читателю о «Достоевском сомневающемся». Вспомним известное признание классика, сделанное им в письме к Н. Д. Фонвизиной 1854 г.: «...я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (т. 28, кн. I, с. 176). Однако в «Преступлении и наказании» Достоевский все-таки декларирует идею христианской всепобеждающей любви, и эта идея оказывается близкой современному автору.

Рассуждения Федей о терпении, надежде и любви заставляют воспринимать финал «Обращения в слух» не только как счастливое разрешение любовной коллизии, но как победу русских православных ценностей. В концовке романа звучат явные аллюзии на финал «Преступления и наказания». Подобно Раскольникову, циничная Лёля переживает своеобразное «воскрешение любовью». Напряженный сюжет-спор разрешается светлой сценой объяснения между Федей и Лёлей. Такое композиционное решение позволяет говорить об общности идейных установок современного писателя и классика русской литературы.

Предметом художественного осмысления у А. Понизовского становится не только стилистика и «идеология» Ф. М. Достоевского, но и сама личность писателя, оценку которой дают оба главных героя. Фёдор относится к своему великому тезке с нескрываемым пиететом, оправдывая человеческие пороки и подчеркивая масштаб личности писателя-классика: «Может быть, он <Достоевский> и должен был пройти ад, чтобы совершить свой писательский подвиг: в таких же, как сам он, страдающих и озлобленных увидеть божественный образ, божественную любовь» (с. 292).

Белявский же, напротив, нивелирует значение художественных открытий Достоевского и усматривает у него единственно психологическую мотивацию к творчеству: «Нет, Фёдор, таких русских, как у Достоевского и у вас – нет в природе. Никто ничего в глубине не хранит и алмазами не сияет: всё бред собачий. Народу эта ваша риторика – “Бог”, “миссия”, “искупление” – до полной фени.

Вы знаете, что ослепляет вас с Достоевским? Чувство интеллигентской вины – и интеллигентского ужаса перед насилием» (с. 293).

Для Федей резкие суждения Белявского – «ужасный туман», т. е. очевидное заблуждение. Федя развенчивает главный принцип философии Белявского – предельную логику, рациональность: «Он <Белявский> ищет рациональные объяснения: мол, “другой” – алкоголик, “другой” сам виноват в своей боли, он грязный, он – “быдло”... Но душу-то не обманешь рациональностями! Душа требует общности <...> Живая душа хочет вместе с другими живыми душами жарить хлеб на костре» (с. 379).

Размышления Федей развивают идеи героев Достоевского. В «Преступлении и наказании» подобные мысли высказал Разумихин: «Оттого так и не любят <социалисты> живого процесса жизни: не надо живой души! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики» (т. 6, с. 197). Позже, в «Идиоте», идею «живой жизни» князь Мышкин воплотил в образе Христа, созданного Г. Гольбеином: «...это лицо человека, только что снятого со креста, то есть сохранившее в себе очень много живого, теплого» (т. 8, с. 339). А вот мысли Ивана Карамазова: «...уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь» (т. 14, с. 64–65).

Исходя из идеи «живой жизни» Федя формулирует «общий знаменатель» всех прослушанных им «историй»: «Человек в первую очередь вспоминает моменты, в которые чувствовал себя максимально живым!» (с. 437). А кульминацией Фединой мысли о «живой жизни» стала оценка простой житейской истории о беспризорниках, которые в каких-то «посадках» вместе жарили хлеб: «Это рай! Образ рая: все вместе, все преломляют хлеб, все – *живые!*» (с. 360). Так в романе Понизовского буквально провозглашается «достоевская» тема «живого как проявления жизни вечной». И здесь современный автор демонстрирует глубинную, мировоззренческую связь с Достоевским.

Роман Понизовского актуализирует «культурную память» о Достоевском, апеллируя к известным высказываниям философов и филологов о русском классике. Так, форма философской дискуссии заставляет вспомнить о важнейшей черте художественного мировоззрения Достоевского, сформулированной Н. А. Бердяевым: «Достоевский, – писал философ, – отражает все противоречия русского духа, всю его антиномичность, допускающую возможность самых противоположных суждений о России и русском народе» [Бердяев, 2006, с. 121]. По мнению некоторых критиков, писавших о романе Понизовского, сюжетная ситуация об-

суждения проблем «русской жизни» и «русской души» за пределами России, в Швейцарии, выглядит искусственной. Однако, на наш взгляд, подобное авторское решение сюжета весьма адекватно для разговора о Достоевском, которого справедливо считают «самым в России европейским писателем в художественных его прозрениях» [Кантор, 2011, с. 24].

Подобно Достоевскому, современный автор стремится снять противоречия между литературой светской и литературой православной: для Понизовского характерна специфическая черта творческого метода Достоевского, которую В. Г. Одинокоев определил как «реальность ненаблюдаемой действительности» [Одинокоев, 2002, с. 166]. Вслед за Достоевским Понизовский создает ощущение реального присутствия Бога и дьявола в мире. Тексты Священного писания для главного персонажа являются документальной основой и отправной точкой разворачивания его аргументации, а отнюдь не художественной иллюстрацией к ней. Вот как, например, звучит в романе мотив «услышания», заявленный в названии. Федя рассказывает Лёле о евангельских событиях как о фактах человеческой истории: «Бог Отец, скрытый в облаке, говорит громовым голосом: “Сей есть Сын мой возлюбленный, Его послушайте”. Бог из облака говорит: “Слушайте”. А потом сам Христос проповедует, и много-много раз повторяет: “Имеющий уши слышать да слышит”» (с. 502).

Заключение

В исследуемом романе А. Понизовского рассматривается насущная проблема отечественной гуманитарной мысли – проблема самоидентификации русского человека. В полемике главных персонажей раскрывается авторское понимание русскости как этической, социальной и философской категории. «Обращение в слух» убедительно доказывает, что говорить на тему России, русского народа, православия как национальной религии невозможно без «оглядки» на творческий опыт Ф. М. Достоевского. Восприятие творчества Достоевского в романе А. Понизовского носит не только реминисцентный, но и «генетический» характер, что обусловлено мировоззренческой общностью этих русских писателей.

Список литературы

- Бахтин М. М.** Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари; ЯСК, 2002.
- Бердяев Н. А.** Мировоззрение Достоевского. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. 255 с.
- Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972.
- Кантор В. К.** «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011. 608 с.
- Карякин Ю. Ф.** Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. 656 с.
- Касаткина Т. А.** Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
- Костырко С.** Про вечный русский спор. Вдоль книжной полки // Русский Журнал. 11.03.2013. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pro-vechnyj-russkij-spor> (дата обращения 03.02.2023).
- Латынина А.** Под знаком Достоевского. Заметки о романе Антона Понизовского «Обращение в слух» // Новый Мир. 2013. № 6. С. 160–167.
- Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 465 с.
- Одинокоев В. Г.** Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск: НГУ, 2003. 261 с.
- Понизовский А.** Обращение в слух: Роман. СПб.: Лениздат; Команда А, 2014. 512 с.
- Рикёр П.** Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

- Сараскина Л. И.** Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 600 с.
- Семыкина Р. С.** В матрице подполья: Ф. Достоевский – Вен. Ерофеев – В. Маканин. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
- Степанян К.** Из Швейцарии с любовью? // Знамя. 2013. № 6. С. 210–212.
- Хорева Л. Г.** Нарративные стратегии в новейшей русской литературе // Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. Серия «Rusistica Latviensis». Рига: LU Akadēmiskais apgāds, 2019. С. 93–99.
- Черняк М. А.** «Достоевскому – от благодарных бесов»: к вопросу о восприятии классики в XXI веке // Вестник Герценовского университета. 2009. № 4 (66). С. 57–64.
- Шакиров С. М.** Три романа о русской истории и русской душе // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: Материалы XXXIX Науч.-практ. конф. с международным участием, посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / Под ред. А. Г. Бент; Челяб. гос. ун-т, Миасский филиал. Миасс: Геотур, 2015. С. 301–306.
- Шиманский Г.** Христианская добродетель терпения. СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии, 2015. 112 с.

References

- Bakhtin M. M.** Complete Works. In 7 vols. Moscow, Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. (in Russ.)
- Berdyaev N. A.** Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's Worldview]. Moscow, AST: AST MOSKVA: Khranitel' Publ., 2006, 255 p. (in Russ.)
- Chernyak M. A.** “Dostoevskomu – ot blagodarnykh besov”: k voprosu o vospriyatii klassiki v XXI veke [“To Dostoevsky – from Grateful Demons”: on the Question of the Perception of Classics in the 21st Century]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [*Herald of the Herzen University*], 2009, no. 4 (66), pp. 57–64. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M.** Complete Works. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1972. (in Russ.)
- Kantor V. K.** “Krushenie kumirov”, ili Odolenie soblaznov (stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii) [The Collapse of Idols, or Overcoming Temptations (the Formation of a Philosophical Space in Russia)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 608 p. (in Russ.)
- Karyakin Yu. F.** Dostoevskii i kanun XXI veka [Dostoevsky and the Eve of the 21st Century]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989, 656 p. (in Russ.)
- Kasatkina T. A.** Svyashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo [Sacred in Everyday Life: A Dual Image in the Works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, 528 p. (in Russ.)
- Khoreva L. G.** Narrativnye strategii v noveishei russkoi literature [Narrative Strategies in the Latest Russian Literature]. In: Global'nye i lokal'nye protsessy v slavyanskikh yazykakh, literaturakh, kul'turakh 2 [Global and Local Processes in Slavic Languages, Literatures, Cultures 2]. Series “Rusistica Latviensis” Riga, LU Akadēmiskais apgāds, 2019, pp. 93–99. (in Russ.)
- Kostyrko S.** Pro vechnyi russkii spor. Vdol' knizhnoi polki [On the Eternal Russian Dispute. Along the Bookshelf]. *Russkii Zhurnal* [*Russian Journal*], 11.03.2013. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pro-vechnyj-russkij-spor> (accessed: 03.02.2023). (in Russ.)
- Latynina A.** Pod znakom Dostoevskogo. Zametki o romane Antona Ponizovskogo “Obrashchenie v slukh” [Under the Sign of Dostoevsky. Notes on the Anton Ponizovsky's Novel *Turning into a Listening Ear*]. *Novyi Mir* [*New World*], 2013, no. 6, pp. 160–167. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 465 p. (in Russ.)

- Odinokov V. G.** Russkie pisateli XIX veka i dukhovnaya kul'tura [Russian Writers of the 19th Century and the Spiritual Culture]. Novosibirsk, NSU Press, 2003, 261 p. (in Russ.)
- Ponizovsky A.** Obrashchenie v slukh [Turning into a Listening Ear]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., Team A Publ., 2014, 512 p. (in Russ.)
- Ricœur P.** Le Conflit des interprétations. Essais d'herméneutique. Paris, Seuil, 1969, 512 p.
- Saraskina L. I.** Ispytanie budushchim. F. M. Dostoevsky kak uchastnik sovremennoi kul'tury [Trial by Future. F. M. Dostoevsky as a Participant in Modern Culture]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2010, 600 p. (in Russ.)
- Semykina R. S.** V matritse podpol'ya: F. Dostoevsky – Ven. Erofeev – V. Makanin. [In the Matrix of the Underground: F. Dostoevsky – Ven. Erofeev – V. Makanin]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008, 176 p. (in Russ.)
- Shakirov S. M.** Tri romana o russkoi istorii i russkoi dushe [Three Novels About Russian History and the Russian Soul]. In: Bent A. G. (ed.). Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya: Materialy XXXIX Nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine [Science of the 21st Century: Problems, Searches, Solutions. Proceedings of the XXXIX Scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Miass, Geotur Publ., 2015, pp. 301–306. (in Russ.)
- Shimansky G.** Khristianskaya dobrodetel' terpeniya [Christian Virtue of Patience]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumen'i Taisii Publ., 2015, 112 p. (in Russ.)
- Stepanyan K.** Iz Shveitsarii s lyubov'yu? [From Switzerland with Love?]. *Znamya* [Flag], 2013, no. 6, pp. 210–212. (in Russ.)

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Колмакова, доктор филологических наук

RSCI Author ID 565900

SPIN 9526-3204

Мария Николаевна Жорникова, кандидат филологических наук

SPIN-код: 6360-8839, AuthorID: 322303

Information about the Authors

Oksana A. Kolmakova, Doctor of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 565900

SPIN 9526-3204

Maria N. Zhornikova, Candidate of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 322303

SPIN 6360-8839

Вклад авторов:

Колмакова О. А. – выявление общности мировоззренческих концепций Достоевского и Понизовского на материале анализа полемики главных героев романа Понизовского и публицистики Достоевского, его романов «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»; анализ христианского «кода» романа Понизовского в контексте христианских идей Достоевского; анализ роли метанарративов Достоевского в современном романе; анализ проблемы культурной памяти о Достоевском в романе Понизовского»

(диалог современного автора с отечественным достоевсковедением); композиционное оформление и общее стилистическое редактирование статьи.

Жорникова М. Н. – анализ связей мотивно-образных структур романов Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» и романа Понизовского; анализ традиции и интертекста Достоевского в портретных характеристиках и идейных установках персонажей Понизовского; анализ социально-актуального слоя в сюжете романа Понизовского на материале стилизованных «историй простых россиян».

Contribution of the Authors:

Kolmakova O. A. – revealing the commonality of the Dostoevsky's and Ponizovsky's worldview concepts on the material of the main characters' polemics analysis of Ponizovsky's novel and Dostoevsky's journalism, his novels *The Idiot*, *Crime and Punishment*, *Karamazov brothers*; the analysis of the Christian "code" of the Ponizovsky's novel in the context of Dostoevsky's Christian ideas; the analysis of the Dostoevsky's metanarratives role in the modern novel; the analysis of the Dostoevsky's cultural memory problem in the Ponizovsky's novel (a dialogue between a modern author and Russian Dostoevsky studies); compositional design and general stylistic editing of the article.

Zhornikova M. N. – the analysis of connections between motive-figurative structures of Dostoevsky's novels *Crime and Punishment*, *The Idiot*, *Karamazov Brothers* and the Ponizovsky's novel; the analysis of the Dostoevsky's tradition and intertext in portrait characteristics and ideological attitudes of Ponizovsky's characters; the analysis of the socially relevant layer in the plot of Ponizovsky's novel on the material of stylized "ordinary Russians' stories".

Статья поступила в редакцию 02.04.2023;
одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 22.05.2023
The article was submitted on 02.04.2023;
approved after reviewing on 19.05.2023; accepted for publication on 22.05.2023

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-138-145

Выражение экологического сознания народов Севера в художественных произведениях Н. Калитина («Томмоо», «Гром гремит»)

Наталья Владимировна Зотова

Технический институт (филиал)

Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в г. Нерюнгри
Нерюнгри, Россия

ZotovaN.V@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9455-7197>

Аннотация

Рассматриваются ключевые аспекты выражения природоохранительного мировоззрения коренных народов Севера. На материале малоформатных романов Николая Калитина «Томмоо» и «Гром гремит» выявлены ключевые аспекты экологического сознания эвенков и якутов, в основе которого лежит бережное отношение к природе, осознание неразрывного единства с ней: понимание природы как матери всего сущего и осознание родственных связей с ней; одушевленность всех объектов и явлений, проявленная в наличии духов-хранителей; осмысление человеком себя частью природы; наличие священного дерева как символа мироустройства, олицетворения неувядающего плодородия земли. Одной из ключевых проблем произведений является поиск баланса между технологическим развитием общества и сохранением экологии как залога дальнейшего выживания народов.

Ключевые слова

эвенки, якуты, Н. Калитин, экологическая культура, экологическое сознание

Для цитирования

Зотова Н. В. Выражение экологического сознания народов Севера в художественных произведениях Н. Калитина («Томмоо», «Гром гремит») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 138–145. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-138-145

Expression of Ecological Consciousness of the Indigenous Peoples of the North in the Works by N. Kalitin (*Tommoo*, *Thunder Bursts*)

Natalia V. Zotova

Nerungri Technical Institute (Branch) of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Nerungri, Russian Federation

ZotovaN.V@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9455-7197>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the key aspects of expressing ecological consciousness of the indigenous peoples of the North in novels *Tommoo* and *Thunder Bursts* by Nikolai Kalitin, who raises the problem of damaging hunting grounds and rivers during the technological development of the North.

© Зотова Н. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 138–145

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 138–145

Results. The key aspects of the ecological consciousness of Evenks and Yakuts are revealed in novels *Tommoo* and *Thunder bursts*. The ecological consciousness is based on a careful attitude to nature, and awareness of inseparable unity with it: perception of nature as the mother of all things and understanding of kinship with it; animateness of all objects and phenomena revealed through the presence of spirits of nature and mythological deities; man's understanding of himself as a creation of nature; the presence of a sacred tree as a symbol of the world structure, the personification of the unfading fertility of the earth.

Conclusion. The key to solving the problem of further survival and wealth of indigenous peoples of the North is believed to be the search for a balance between the technological development of society and the preservation of ecology, rational use of natural resources for continuation of traditional activities, based on ethnic culture with rational simplification of labor.

Keywords

Evenks, Yakuts, N. Kalitin, ecological culture, ecological consciousness.

For citation

Zotova N. V. Expression of Ecological Consciousness of the Indigenous Peoples of the North in the Works by N. Kalitin (*Tommoo*, *Thunder Bursts*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 138–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-138-145

Введение

Материалом исследования послужили романы эвенкийского писателя Николая Калитина «Томмоо» (2012) и «Гром гремит» (2015), в которых нашла отражение ситуация столкновения двух цивилизаций, двух мировоззрений – прогрессивного и традиционного. Следует отметить, что осмысление экологических проблем и влияние технического прогресса на культурную идентичность того или иного народа не вполне справедливо рассматривать в однозначно негативном контексте. Так, многие современные достижения, например, связь и транспорт, существенно облегчили быт коренных этносов. В связи с этим основная задача дальнейшего выживания этноса видится не в отрицании какого-то из подходов, но в гармоничном сочетании современной модели цивилизации и методов традиционного природопользования. Именно с такой проблемой сталкиваются герои указанных романов.

В романе «Томмоо» люди, принимающие непосредственное участие в промышленном освоении Севера, вступают в противоборство с представителем аборигенного населения. Эта борьба происходит не столько на уровне личностей, сколько на уровне различных мировоззрений.

В произведении «Гром гремит» автор описывается ситуация последствий термоядерного взрыва на территории охотничьих угодий Якутии. Недооцененный на первый взгляд урон в перспективе превращается в глобальную экологическую катастрофу, угрожающую безопасности целого региона. И в первом, и во втором произведении автор ставит вопрос о необходимости переосмысления существующих подходов к промышленному освоению Севера в пользу минимизации ущерба экологической системе, более бережного отношения к жизненному пространству коренных народностей.

Результаты исследования

Природоохрнительное мировоззрение народов Севера

Действие романа «Томмоо» происходит на территории Хангаласского улуса, где протекает река Буотама. В романе «Гром гремит» сюжет разворачивается в населенных пунктах верховья реки Мархи (Нюрбинский район). Коренные народы Севера на данных территориях преимущественно представлены якутами и эвенками. Однако аналогичные особенности экологического сознания характерны и для других народов Севера.

Следует отметить, что в основе бережного отношения к природе лежат особенности хозяйственного уклада народов Севера, обусловленные территорией проживания и суровыми климатическими условиями. Прямая зависимость выживания народов от природных условий сохранялась долгое время и сформировала определенный образ жизни, основанный на ра-

циональном использовании природных ресурсов. Природа буквально является кормилицей человека. Так, нерациональное отношение к природным ресурсам, чрезмерное или несвоевременное их использование неминуемо повлечет угрозу гибели самого человека. Осознание этой прямой взаимосвязи закреплено в мировоззрении народов Севера и отражено в мифологии и фольклоре. А. С. Николаева, рассматривая мировосприятие природы баргузинскими эвенками, выделяет такую особенность, как уважение ко всему живому, в основе которого лежит принцип неотделимости человека от природы: «Эвенки не только считают природу живой <...>, но и твердо знают меру – не рубят деревьев больше, чем нужно, не убивают без необходимости дичь» [Николаева, 2014, с. 86].

Осознание неразрывной связи между человеком и природой, тождественности всех элементов бытия между собой, помогли сформировать совокупность предписаний, позволяющих сохранять гармоничные отношения между человеком и природой. При этом природа как могущественная творящая сила наделялась божественными свойствами. У многих народов Севера культ почитания и обожествления природы также связан с почитанием духов-хозяев животных и мест.

Исследуя эпический фольклор якутов, А. А. Кузьмина отмечает, что «в якутских текстах образу создателя уделяется мало внимания, в основном дается развернутое описание мира» [2022, с. 252]. Если же фигура творца персонализирована, то он предстает в виде божества: «Мир создан богом», «Мир создан богом и дьяволом», «Мир создан тремя братьями-богами», «Вселенная разделена на три мира в результате конфликта трех создателей» [Там же, с. 251]. Создатель мира в мифологических представлениях эвенков может обладать как антропоморфными, так и зооморфными чертами. Согласно выводам Э. В. Ивановой об образе творца, «мифы творения свидетельствуют о его разноликости: животное (медведь, лось), два брата, божество» [2017, с. 18]. Следует отметить, что представление божества в образе животного является довольно распространенным явлением: «Широкое распространение образов животных в религии и искусстве <...> показывает, как важно для человека сделать инстинкты (составляющие психическое наполнение этой символики) составной частью своей жизни. Само по себе животное не является хорошим или плохим. Оно – часть природы и не может желать того, что не свойственно природе» [Юнг и др., 2006, с. 246].

Несмотря на расплывчатость представлений об образе верховного божества, которую отмечали в своих работах А. Ф. Анисимов, Г. М. Василевич, признание могущества духа-хозяина остается неизменным. Более полное понимание социально-исторических истоков трепетного отношения к духу-хозяину представлено А. Ф. Анисимовым: «В представлении эвенков дух – хозяин животных рисуется главой и владельцем всех зверей и тайги. Для него тайга – то же самое, что чум для эвенка; он является в ней полным и неограниченным хозяином» [Анисимов, 1958, с. 17]. Проживая в мире, населенном духами, которые определяют жизнь людей, вполне закономерным мыслится желание человека уметь находить общий язык с этими высшими силами.

Другой аспект мироустройства народов Севера, отражающий неразрывную связь человека с природой, представлен в виде мирового дерева. Символом такого дерева в романе «Гром гремит» является лиственница. Согласно представлениям северных народов, Вселенная состоит из трех миров: верхнего и нижнего, где обитают духи, и среднего мира, где живут люди. Мировое древо соединяет эти три мира: корни соотносятся с нижним миром, крона – с верхним, ствол дерева представляет собой средний мир. Более подробное описание принципа деления Вселенной на миры можно встретить у Г. М. Василевич. Этнограф также обращает внимание на восприятие эвенками мира через оппозицию «свой – чужой». Так, верхний и нижний миры представлялись точной копией жизни на земле, но свободное взаимопроникновение миров не предполагалось: «Жители обоих миров не видели человека и не понимали его» [Василевич, 1969, с. 212]. Подобные взгляды нашли отражение и в отношении к чужеземцам. Одной из причин настороженного отношения к пришлым людям может являться и существенная разница в мировоззрении и ценностях. Разница эта прослеживается,

прежде всего, в осознании человеком своего места в мире, его взаимоотношениях с окружающей средой и другими творениями природы.

Выражение экологического сознания коренных народов Севера в романах «Томмоо», «Гром гремит»

В романах «Томмоо» и «Гром гремит» поднимаются проблемы защиты экологии и обеспечения благополучия и безопасности человека в процессе столкновения двух подходов к использованию природных ресурсов – традиционного и техногенного.

Как было отмечено, в мировоззрении северных народов природа является кормилицей-матерью, с ней установлена очень прочная связь, основанная на уважении и почитании. Так, в «Томмоо» реку Буотаму называют *Буотам-хотун* (якут. – ‘госпожа’), *матушка, госпожа, мать, красавица*.

Для эвенка Томмоо местность вокруг реки Буотамы является родной. Автор на протяжении всего повествования подчеркивает принадлежность героя к этим местам, в том числе через аналогию детско-родительских отношений: «Томмоо – истинный сын Буотамы», «Природа-мать сама хранит и лелеет своих детей», «Он сын матери-природы», «“Это место” внимательно наблюдает за судьбой каждого эвенка, как мать присматривает за своим ребенком» [Калинин, 2017, с. 15, 43, 70, 210–211].

В романе «Гром гремит» связь якутского народа с природой также выражена через осмысление этой связи как родственной: «Вот стоят перед тобой Константин Южин <...> и скромный работяга Кустук, всем сердцем любящий тебя как родную мать!», «О, моя почтенная бабушка-река Вилуй!», «Якут – дитя природы. Он имеет одну общую судьбу с родной природой. Он мудр природным умом и думает так, как думала бы сама природа», «Сама природа через него, своего сына, пытается защитить себя» [Там же, с. 340–341, 411, 416, 417]. Примечательно трепетное отношение героев романа к лиственнице: «Добравшись до леса, нашли своего “дедушку Тиита”, великана-лиственя» [Там же, с. 304–305]. Такое почтительное отношение не случайно и является отражением мифологического мировоззрения якутов, в котором одно из центральных мест занимает священное дерево Аал Луук Мас, символизирующее устройство мира. Герои навещают это дерево, разговаривают с ним: «Деда, Кустук вернулся домой! поприветствуй его!», «Дедушка! До свидания, наш Аал Луук Мас, пусть с тобой всё будет хорошо!» [Там же, с. 306, 312].

Другой аспект природоохранного мировоззрения народов Севера, а именно вера в одушевленность природных объектов и наличие духов-покровителей местности, также достаточно ярко представлен в анализируемых произведениях. Таежный житель всегда находится в контакте с духами-покровителями мест, слышит их послания: «Духи моей земли следят за мной и стараются помочь», «Неспроста его предупредили духи предков!» «Арчи-и, архи-и духи моей родины, уймите ярость, ведь пред вами стою я, ваш Томмоо» [Там же, с. 95, 97, 121].

Охотник заинтересован в расположении духов-хранителей – от их отношения зависит выживание и благополучие человека: «Когда умножаются людские грехи, духи показывают недовольство», «Если место пустеет, духи-хранители становятся неприветливыми» [Там же, с. 121, 198]. Таежные люди в каждом своем действии проявляют согласованность с природой. Так, выбрав себе жену, охотник рассуждает о том, как духи леса отнесутся к ней: «И лесные духи, думая, примут ее хорошо, будут покровительствовать ей» [Там же, с. 187].

В романе «Гром гремит» зависимость людей от состояния природы столь же сильна, как и в романе «Томмоо», – радиацией заражены охотничьи угодья и реки, являющиеся источником чистой воды для поселения. Осознавая, что природа может не простить подобного отношения, местные жители настораживаются: «Там ведь всю местность испоганили ядерным взрывом! Зачем тебе соваться туда, где мается потревоженный дух Земли?» [Там же, с. 317].

Так же, как коренные жители надеются на заботу и помощь духов-покровителей, духи земли рассчитывают на готовность людей прийти на помощь своей родной земле: «Высокие Айыы, опасаясь, что земля эта может стать пристанищем опасного греха, вызвали тебя как спасителя... Хорошо, что ты откликнулся» [Калитин, 2017, с. 415].

Особое место отведено духу охоты Байаная, расположение которого охотники особенно ценят: «“Мой лес меня прокормит”, – был уверен он. И действительно, когда наступал трудный час, бог охоты Байанай протягивал ему свой дар... Как велика благодарность за этот дар, может знать только тот, кто сам душой и телом познал тяготы таежной жизни», «Таежники знают, что такое нежданная щедрость Байаная, когда добыча буквально сама кидается в руки» [Там же, с. 66, 141]. О духе-покровителе охоты упоминается и в произведении «Гром гремит»: «Он очень расстроился и испытал шок от того, что подарок бога охоты Байаная, предназначенный ему, оказался в таком неподобающем виде» [Там же, с. 447].

Следует отметить, что и сама природа воспринимается как некое живое существо, наделенное собственным характером: «Природа позволяет распоряжаться собой только до определенного предела. И если человек нарушит баланс, месть ее будет страшной», «Природа показала нам, на что способна. Она просто так не уступит», «Эта земля живая. И у нее такая же чуткая душа, как у человека», «Все-таки ты, природа, замечательно хороша во всех своих проявлениях. И очень хрупка... Несмотря на это, ты позволяешь человеку, самому умному и сильному живому существу, привольно жить и радоваться на твоём изобильном лоне, хранишь и лелеешь его» [Там же, с. 122, 122, 251, 340].

Примечательно, что в исследуемых произведениях отдельные творения природы, в свою очередь, наделяются человеческими качествами, например, река Буотама: «Значит, мать Буотама не захотела разлучаться с ним...», «Словно говоря: “А ну-ка, держитесь отсюда подальше, все, что упало в мою глотку, – мое”, – выдавленная из-под льда река начала подниматься», «Хорошо снаряженные спасатели и железнодорожные строители <...>, встретившись с упрямством Буотамы, приуныли» [Там же, с. 32, 118, 120]. В романе «Гром гремит» река Джюктэ описана следующим образом: «Отравленная речка бессильно лежит перед ними и тяжело клокочет, давась вязкой слизью, пуская мутные пузыри – ее словно тошнит» [Там же, с. 333].

Человек и сам мыслится частью природы, он неотделим от нее, является ее творением и связан с другими ее творениями прочными узами родства или братства. Так, охотник Томмоо знает повадки животных, замечает свое сходство с ними, подмечает отличия в поведении и взаимодействии с природой других людей: «В тайге и звери, и птицы, и люди – как друзья», «Словно олень, за которым гнались волки, Томмоо что есть мочи побежал вон из поселка», «Будто соревнуясь с детьми природы, Томмоо словно перенял все их повадки. Сам поражается тому: почует какую угрозу или ощутит душевный дискомфорт – немедленно убегает в тайгу. “В лесу мы все такие, – говаривал он, обобщая себя со зверьем, – от худа нам спасение только в чащобе”» [Там же, с. 15, 22, 65]. В момент опасности, спасаясь от пожара, животные замечают, что территория занята человеком, и не подходят близко. Жена охотника подмечает это: «Эти живые твари даже в момент опасности не хотели нарушать чужое право владения. А если б вместо зверей сюда пришли черные старатели <...> Они, скорее, ее выкинули бы отсюда, а себя объявили единовластными владельцами участка» [Там же, с. 280].

В произведении «Гром гремит» в большей степени делается акцент на связь народа с растительным миром, в частности с деревьями. В произведении лиственница, к которой приходили герои, ассоциируется с мировым деревом, символом мироздания в якутской мифологии – Аал Луук Мас. Герои часто обращаются к дереву именно так: «Он как наяву узрел лиственнь-великан в Кёх Нюре, который они с Кэски с детства с гордостью и любовью называли “Наш Аал Луук Мас”» [Там же, с. 384].

Часть речи шамана также отражает важность связи народа с природой: «Мы рождаемся у корней нашего дерева и отживаем свой век тоже подле него. Да процветает и растет вечно в нашем сознании Аал Луук Мас, оставаясь могущественным оберегом душевного склада,

данного нам при рождении» [Калинин, 2017, с. 385]. Мощная лиственница ассоциируется у героев произведения с богатырем – крепким, сильным и устойчивым: «Наш Тиит – могучий лесной богатырь!», «На севере нет дерева, равного по крепости лиственнице. Оно живет ровно столько лет, сколько отпустил ему создатель. Говорят, если не спалит пламя лесного пожара, он спокойно простоит и тысячу лет» [Там же, с. 467, 472].

Священное дерево является символом устройства мира, олицетворяет вечную творящую силу природы, порождающую и питающую всё живое, вековую память предков и силу рода, которая передается от поколения к поколению: «Значит, отец Кустука Силис Тардар, подобно лиственню Тииту, может стать долгожителем и надолго сохранять свою могучую статью благодаря своим корням, черпающим силу глубоко в земле. Если мы не разрушим мать-природу!» [Там же, с. 472–473]. Связь с деревом символизирует связь народа с его историей, традициями, родовой памятью, с его корнями: «Она думает, что якуты и деревья мистически очень близки. “Мы под ними начинаем новую жизнь, вынашиваем и рожаем детей, и многое в обиходе нашем сделано из древесины. Символом этих отношений является древо Аал Луук Мас», «Дедушка Тиит, оказывается, ты и отец Кустука – оба дети природы с одинаковой судьбой. Значит, пока есть живая природа, вы будете жить и углублять корни» [Там же, с. 499, 473]. Вероятно, роль дедушки отведена дереву не случайно. Как и старший родственник, оно является наиболее древним, знающим и помнящим больше остальных, его задача – сохранить знания, опыт и традиции и в правильное время передать потомкам.

В романе «Томмоо» тоже встречается образ священного дерева. В критический момент своей жизни герой случайно находит трухлявый пенёк, который когда-то был могучей лиственницей. В ходе мысленного диалога с пнем Томмоо получает ценное послание: «Ты должен жить, чтобы жизнь леса не угасла. Опомнись, Томмоо! Ты должен знать, что твои корни уходят вглубь земли, как корни лиственниц. Опирайся о родную почву, от нее идет твоя духовная сила и телесная мощь. Если будешь постоянно верить в это, никакая черная сила тебя не прогонит отсюда, не собьет с ног» [Там же, с. 206].

Следует отметить, что проблемы, которые поднимает автор, вполне соответствуют современному этапу развития национальной литературы. Э. В. Иванова обращает внимание на характерную особенность текущего периода национальной жизни в эвенкийской литературе: «противоречие между традиционным бытием и индустриальной цивилизацией привело к этническому кризису» [Иванова, 2008, с. 14]. Для современного этапа якутской литературы характерными являются темы экологии, а также размышления о судьбе национальной культуры и языка.

В рассматриваемых произведениях этнический кризис в большей мере связан не с утратой национальной идентичности ввиду самостоятельного отказа от традиционного хозяйства, национальной культуры и языка, но с поиском оптимальных вариантов гармоничного сосуществования индустриальной цивилизации и традиционных видов хозяйственной деятельности. Залогом благополучного существования и выживания народа может являться сочетание реалий современной жизни и многовековых традиций, обеспечивших сохранение самого этноса и его культуры, основанной на бережном отношении к природным ресурсам.

Изучая права народов Севера на самоопределение, В. А. Кряжков отмечает, что «традиционный образ жизни не является синонимом архаичности и его признание не означает консервацию определенного уклада. То есть, говоря иначе, с точки зрения нормы права ведение традиционного образа жизни не предполагает обязанность, например, жить в чуме, не пользоваться достижениями технического прогресса, носить традиционные одежды и питаться традиционной пищей; он совмещается с модернизацией, ибо <...> применение новых технологий и знаний не меняет сути традиционного хозяйствования и, следовательно, типических черт сознания и жизнедеятельности северных народов» [Кряжков, 2010, с. 191–192].

Вероятно, наиболее гармоничное решение подобного кризиса предполагает не отрицание технического развития и модернизации в пользу традиционного уклада жизни, которое приведет к определенной изоляции и стагнации этноса, но поиск сбалансированного сочетания

двух подходов к организации хозяйственной деятельности – использования технических средств для рационального ведения традиционного хозяйства, с одной стороны, и осознанного подхода к сохранению экологии, бережного и разумного использования природных ресурсов, с другой.

Заключение

В рассмотренных произведениях описание частных человеческих трагедий отражает главные особенности этнического сознания северных народов – трепетное отношение к природе, осознание неразрывного единства с ней. Представленные примеры иллюстрируют основные аспекты природоохранного мировоззрения северных народов: понимание природы как матери всего сущего и осознание близкородственных связей между человеком и природой (мать и сын, бабушка или дедушка и внуки); одушевленность всех объектов и явлений, проявленная в наличии духов-хранителей мест и стихий, мифологических божеств (дух Земли, дух-покровитель охоты); очеловечивание природных объектов (дерево, река наделяются человеческими характерами, человек осознает схожее поведение с животными); наличие священного древа как символа мироустройства, олицетворения неуязвимого плодородия земли, которая питает животных и людей (герои получают от деревьев ценное послание питаться от своих корней и прорастать глубже, укрепляясь на своей земле, продолжаясь в потомках, поддерживая тесную многовековую связь с родной землей, осознавая себя неотъемлемой частью природы, для чего нужно сохранять и оберегать ее). Одной из важнейших проблем, поднимаемых в произведениях, является поиск баланса между технологическим развитием общества и бережным использованием природных ресурсов, сохранением здоровой экологии как залога дальнейшего выживания и благополучия народов.

Список литературы

- Анисимов А. Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / Акад. наук СССР. Музей истории религии и атеизма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.
- Василевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.
- Иванова Э. В.** Социоэтнические проблемы истории эвенкийской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 18 с.
- Иванова Э. В.** Тема сотворения мира в словесном творчестве эвенков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–1 (69). С. 18–23.
- Калитин Н. Р.** Божий Север. Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2017. 512 с.
- Кряжков В. А.** Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.
- Кузьмина А. А.** Представления о сотворении мира в эпическом фольклоре якутов // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 2. С. 248–263.
- Николаева А. С.** Природа в мировосприятии баргузинских эвенков (на материале учебных практик) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. Якутск: ИД СВФУ, 2014. № 2. С. 84–86.
- Юнг К. Г., Франц М.-Л. фон, Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А.** Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2006. 352 с.

References

- Anisimov A. F.** *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovanii* [Religion of the Evenks in the Historical and Genetic Study and the

Problems of the Origin of Primitive Beliefs]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, 235 p. (in Russ.)

Ivanova E. V. Sotsioetnicheskie problemy istorii evenkiiskoi literatury [Social and Ethnic Problems of the History of Evenk Literature]. Abstract of Diss. Cand. Philol. Sci. St. Petersburg, 2008, 18 p. (in Russ.)

Ivanova E. V. Tema sotvorenii mira v slovesnom tvorchestve evenkov [The Topic of the World Creation in the Evenks' Verbal Creativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 3–1 (69), pp. 18–23. (in Russ.)

Jung K. G., Franz M.-L. von, Henderson J. L., Jakobi I., Jaffe A. Chelovek i ego simvol [Man and His Symbols]. Moscow, Serebryanye niti Publ., 2006, 352 p. (in Russ.)

Kalitin N. R. Bozhii Sever [The Divine North]. Yakutsk, Media-kholding Yakutiya, 2017, 512 p. (in Russ.)

Kryazhkov V. A. Korennye malochislennye narody Severa v rossiiskom prave [Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in Russian Law]. Moscow, Norma, 2010, 560 p. (in Russ.)

Kuzmina A. A. Predstavleniya o sotvorenii mira v epicheskom fol'klоре yakutov [Perception of the Creation Myth in Yakut Epic Folklore]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 248–263. (in Russ.)

Nikolaeva A. S. Priroda v mirovospriyatii barguzinskih evenkov (na materiale uchebnykh praktik) [The Nature in the Perception of Barguzin Evenk] In: *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [The Arctic in XXI century. Humanities]. Yakutsk, Ammosov North-Eastern Federal Uni. Press, 2014, no. 1 (2), pp. 84–86. (in Russ.)

Vasilevich G. M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) [Evenki. Historical and Ethnographic Essays (18th – Early 20th Century)]. Leningrad, Nauka, 1969, 305 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Владимировна Зотова, кандидат филологических наук
RSCI Author ID 638308
SPIN 6225-8893

Information about the Author

Natalia V. Zotova, Candidate of Sciences (Philology)
RSCI Author ID 638308
SPIN 6225-8893

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 17.05.2023;
approved after reviewing on 29.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*

Вестник Новосибирского государственного университета

Серия: История, филология

Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи доктора наук не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем статьи кандидата наук – не более 0,7 а. л., аспирантов и соискателей – не более 0,5 а. л. Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»